

• Либба Брэй •

NAUGHTY JOHN, DOES HIS WORK WITH HIS APRON ON.

CUTS YOUR THROAT AND TAKES YOUR BONES, SELLS 'EM OFF FOR A CUPPLA STONES.

ПРОРОКИ

В городе, который никогда не спит,
пробудилось настоящее ЗЛО.

Пророки

Либба Брэй

Пророки

«АСТ»

2012

Брэй Л.

Пророки / Л. Брэй — «АСТ», 2012 — (Пророки)

ISBN 978-5-17-086615-1

ВЕРИТЕ ЛИ ВЫ В ПРИЗРАКОВ, ДЕМОНОВ И ПРОРОКОВ? 1926 год, «Эпоха джаза». Нью-Йорк. Город мечтателей, проживающих каждый день словно последний. В качестве наказания за взбалмошное поведение юную Эви О'Нил отправляют из скучного провинциального городка Огайо в роскошный Нью-Йорк. Но для Эви это спасение. Она грезит мечтами о покорении «столицы мира». Единственной помехой этому может стать ее эксцентричный дядюшка Уилл, под опекой которого она находится. Его странное увлечение оккультизмом не добавляет ему обаяния – особенно когда в городе находят тело зверски убитой девушки с загадочным символом на груди. Раскрыть преступление в одиночку полиции не по силам. Тут Эви понимает, что самый страшный секрет, который она хранила все эти годы, может помочь найти маньяка. Если тот не доберется до нее первым...

ISBN 978-5-17-086615-1

© Брэй Л., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	49
Глава 8	56
Глава 9	58
Глава 10	64
Глава 11	68
Глава 12	71
Глава 13	75
Глава 14	79
Глава 15	81
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Либба Брэй Пророки

Дорогой маме, Нэнси Брэй, привившей мне любовь к чтению

*Но что за ярый, чудовищный зверь
В Вифлеем, попирая пустыню, бредет?
Чье рождение ныне грядет?¹*

«Второе пришествие», Уильям Батлер Йейтс

Libba Bray
THE DIVINERS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc.
и Nova Littera SIA.

Перевод с английского Юлии Ершовой
Дизайн обложки Екатерины Фerez

© 2012 by Martha E. Bray
© Ю. Ершова, перевод на русский язык, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Глава 1

Летний вечер

В доме по модному адресу Манхэттен Аппер-Ист-Сайд включены все лампы до единой. В разгаре последняя вечеринка этого лета. На террасе с видом на Манхэттен оркестр наслаждается долгожданной передышкой. Время близится к полуночи. Гости собрались здесь с восьми часов вечера, и многие уже начинают откровенно скучать. Молоденькие дебютантки в модных шифоновых платьях пастельных оттенков уныло растеклись в кожаных креслах, как растаявшее мороженое под жарким солнцем. Какой-то задавака-молокосос из Принстона уговаривает приятелей уехать с ним в Гринвич-Виллидж, в новый бар, о котором рассказывал друг его друга.

Хозяйка вечеринки, капризная и испорченная юная штучка, с тревогой наблюдает за тем, как скисают ее гости. Сегодня ей исполнилось восемнадцать, и если она не придумает, как воскресить эту вечеринку из мертвых, то на всю жизнь прославится как «та самая зануда, у которой было скучно, как в воскресной школе».

Воскресить из мертвых.

В прошлые выходные ей пришлось тащиться с мамой в антикварный магазин. Она уже начала было засыпать над прилавками, как вдруг увидела старую выцветшую «говорящую доску» Уиджа². Парапсихологи утверждают, что благодаря ей можно получать послания и предупреждения с того света. Продавец тут же сообщил, что жутковатая вещица оказалась у него при крайне загадочных обстоятельствах.

– Говорят, что в ней обитают неупокоенные духи. Но может быть, вам с сестрой удастся их укротить? – сказал он, рискуя перестараться с лестью. Тем не менее мама заглотила наживку и в результате выложила кругленькую сумму, переплатив как минимум вдвое. Ну что ж, теперь потраченные деньги точно не пропадут зря.

Девушка быстрым шагом направляется в дом и подзывает горничную.

– Будь так добра, милочка, принеси мне ту антикварную штуковину.

Служанка вручает ей доску, неодобрительно покачав головой.

– Может, не стоило бы затевать все это, мисс?

– Не говори глупости. Это просто примитивные предрассудки.

Держа в руках злополучную доску, модная штучка влетает в просторную гостиную с головокружительным пируэтом, достойным Клары Боу³.

– Кто-нибудь хочет пообщаться с духами? – Хозяйка посмеивается, демонстрируя, что не воспринимает все дело всерьез: ведь она взрослая современная девушка, вертушка-кокетка, настоящий флэппер⁴ до мозга костей.

Ее приунывшие подружки оживляются и вскакивают со своих мест.

– Что это за абракадабра у тебя в руках? Неужели спиритическая доска?

– Разве это не класс? Мама купила ее специально для меня. Говорят, в ней заключены призраки, – смеется юная хозяйка. – Но я, конечно, в это не верю.

Она ставит в центр доски планшетик в форме сердца.

– Ну что, готовы понервничать?

² Доска Уиджа – планшетка для спиритических сеансов с нанесенными на нее буквами алфавита, цифрами от 1 до 10 и словами «да» и «нет».

³ Клара Боу – американская актриса, звезда немого кино 1920-х годов.

⁴ Флэппер – прозвище эмансипированной молодой девушки, олицетворяющей поколение свободных 1920-х.

Все собираются вокруг, и, о чудо, Джордж встает поближе к ней. Он учится в Йеле, на первом курсе. Уже много ночей подряд она проводит в постели, фантазируя о том, каким радостным и безоблачным может быть их совместное будущее.

– Кто-нибудь хочет начать? – игриво произносит она и кладет пальцы на планшет, поближе к ладони Джорджа.

– Я, – объявляет парень в забавной феске, придающей ему дурацкий вид. Как зовут этого сумасброда, неизвестно, но ходят слухи о его привычке предлагать петтинг всем девушкам подряд. Картинно закрыв глаза, повеса касается пальцами планшета. – Вопрос века: правда ли, что юная леди справа безумно в меня влюблена?

Девчонки взвизгивают, а парни смеются, потому что планшет под их руками медленно выводит: «Д-А».

– Лжец! – обиженно вопит девушка, о которой идет речь, и надувает губки, глядя на спиритическую доску.

– Здесь нечего стесняться, душка. Я сам готов попасть в твои сети, – успокаивает ее повеса.

Обстановка накаляется, вопросы становятся более смелыми и откровенными. Молодежь опьянела от джина, беззаботного веселья и возможности играючи узнать свою судьбу. Что ни утро, что ни вечер – разве мы не веселимся?⁵

– А может быть, стоит вызвать всамделишного духа? – замечает Джордж.

Хозяйка вечеринки теряет счет. Именно об этом предупреждал ее продавец в антикварном магазине. Он сказал, что вызванного духа обязательно следует отпустить, попрощавшись с ним, иначе может случиться непоправимое. Наверное, хотел как следует запугать покупателей и содрать побольше денег. На дворе 1926 год: кто станет верить в проклятия и монстров, когда есть автомобили, самолеты, «Коттон клуб» и такие люди, как Джейк Марлоу, на своих мощных плечах несущие Америку в мир прогресса?

– Только не говори, что боишься. – Джордж ухмыляется, скривив красивые губы. Эта жестокая улыбка делает его еще более привлекательным.

– Боюсь чего?

– Что у нас кончатся запасы джина! – за нее отвечает парень в феске, и все радостно ржут.

Низкий голос Джорджа едва слышно гудит у самого ее уха.

– Со мной ты в безопасности. – И он кладет руку ей на талию.

Нет, это, без сомнения, счастливейшая ночь за всю историю человечества!

– Мы обращаемся к духу, живущему в этой доске, с просьбой откликнуться на наш зов и раскрыть нам тайны будущего! – с торжественными завываниями декламирует хозяйка, тихонько посмеиваясь. – Подчинись нам, о дух!

Следует мгновение, показавшееся всем бесконечным, и затем планшетка вдруг оживает и медленно начинает мигрировать вдоль готических букв, складывая их в слово.

«П-Р-И-В-Е-Т».

– Это же дух! – раздается чей-то прерывистый шепот.

– Как твое имя, о дух? – обращается к нему хозяйка.

Планшет начинает двигаться быстрее.

«С-Т-Р-А-Ш-Н-Ы-Й-Д-Ж-О-Н».

Джордж скептически приподнимает бровь:

– А мне нравится. И чем же ты так страшен, приятель?

«С-К-О-Р-О-У-З-Н-А-Е-Ш-Ь».

– Скоро? И что же ты задумал, озорник?

⁵ Строка из популярного в 1920-х фокстрота «Ain't we got fun?».

Безмолвие.

– Хочу танцевать! Поехали в центр, в «Лунный свет», – канючит одна из в стельку пьяных девиц с кислой гримасой. – И когда вообще вернется оркестр?

– Через минуту. Не сходи с ума, – успокаивает ее хозяйка с напряженной улыбкой. – Давайте попробуем задать другой вопрос. Страшный Джон, может быть, у тебя есть какое-нибудь предсказание? Судьбоносное пророчество? – Она с хитрым видом косится на Джорджа.

Ее вопрос остается без ответа.

– Но ты же скажешь нам еще что-нибудь?

И доска наконец оживает.

– Я... заставлю... вас... дрожать... от ужаса... – вслух читает хозяйка.

– Напомнил мне директора из моей старой школы, – поддразнивает парень в феске. –

И как ты это сделаешь, приятель?

«Я-В-С-Т-А-Н-У-У-В-А-Ш-Е-Г-О-П-О-Р-О-Г-А-И-П-О-С-Т-У-Ч-У».

«Я-З-В-Е-Р-Ь».

«З-М-И-Й-И-С-К-У-С-И-Т-Е-Л-Ь».

– Это еще что за чертовщина? – бормочет пьяная девица, едва заметно отклонившись назад.

– Ничего это не значит. Просто тарабарщина какая-то, – одергивает ее хозяйка, но очевидно, что ей тоже не по себе. Она резко оборачивается к ловеласу в феске. – Это ведь ты двигал планшетку!

– Вовсе нет. Клянусь! – Он наивным детским жестом крестит сердце.

– Почему ты здесь, приятель? – Джордж обращается к доске.

Планшет движется так быстро, что ребята едва успевают разобрать слова.

«В-М-О-И-Х-Р-У-К-А-Х-К-Л-Ю-Ч-И-О-Т-А-Д-С-К-О-Г-О-Н-Е-Б-Ы-Т-И-Я».

«Г-Р-Я-Д-Е-Т-Р-А-С-П-Л-А-Т-А-А-Р-М-А-Г-Е-Д-Д-О-Н-У-Ж-Е-З-Д-Е-С-Ь-В-А-В-И-Л-О-Н-С-К-И-Е-Б-Л-У-Д-Н-И-Ц-Ы».

– Сейчас же прекрати все это! – восклицает хозяйка.

«Б-Л-У-Д-Н-И-Ц-Ы-Б-Л-У-Д-Н-И-Ц-Ы-Б-Л-У-Д-Н-И-Ц-Ы», – надывается планшетка. Ребята одергивают руки прочь от гадкой штуковины, но она продолжает двигаться сама собой.

– Остановите его! Сделайте так, чтобы он прекратил! – визжит одна из девиц. Но даже испорченные нью-йоркские юнцы, которых уже ничем не удивить, бледнеют и испуганно пятятся назад.

– Замолчи, дух! Прекрати немедленно! – требует хозяйка.

Планшетка замирает. Все присутствующие с ужасом глядят друг на друга. В соседнем зале после перерыва собирается оркестр и начинает исполнять зажигательную мелодию.

– Аллилуйя! Пойдем, детка. Покажу тебе, как танцуют «блэк боттом»⁶ настоящие головорезы, – пьяная девица с трудом поднимается на ноги и увлекает за собой парня в феске.

– Куда вы, подождите! Мы еще должны попрощаться с духом, согласно ритуалу! – взманивается хозяйка, глядя вслед гостям.

Джордж обвивает рукой ее талию.

– Только не говори мне, что Страшный Джон смог тебя запугать.

– Но мне...

– Ты же знаешь, что это наш приятель похулиганил. – Дыхание Джорджа приятно щекочет ее ухо. – У него свои методы, тебе ли не понимать.

⁶ Американский танец африканского происхождения с элементами непристойности, популярный в 1920-х.

Конечно же, она все понимает. Это наверняка шуточки их мерзкого дружка, он хотел разыграть их. Но теперь ее никому не обдурить. Ей ведь уже стукнуло восемнадцать, ее ждет сладкая жизнь, где череду вечеринок будут сменять танцы и балы, и так до бесконечности. Что ни утро, что ни вечер – все равно – разве мы не веселимся? Все ее страхи позабыты, теперь они кажутся жалкими и беспочвенными. Вечеринка гремит в ночи, ковры скручены в рулоны, чтобы расчистить место для танцев, и гости отрываются вовсю. В воздухе разлетаются длинные жемчужные нитки, мелькают короткие прямые платья. Каблуки ритмично стучат о деревянный пол. Воздетые в воздух руки, загустевший от алкоголя и эмоций воздух – словно ожил какой-то сумасшедший коллаж в дадаистском стиле.

Хозяйка вечеринки забрасывает уже никому не нужную доску Уиджа в ящик стола, где она скоро будет позабыта, и бежит в ярко освещенную электрическим светом гостиную – изобретение Эдисона стало последним писком моды. Там она беззаботно окунается с головой в последнюю вечеринку уходящего лета.

Снаружи ветер задерживает дыхание на мгновение и вдруг, словно сорвавшийся с цепи пес, яростно бросается вперед по проспектам и переулкам. Срывает модные шляпки-клош с нарядных головок двух молодых особ, которые выгуливают стриженного пуделя на Ист-ривер и обсуждают обстоятельства смерти Рудольфа Валентино. Затем ветер летит дальше, мимо кварталов, залитых неоновыми огнями, мимо громящего по Второй авеню трамвая, сотрясая окна в домах бедняков, пытающихся досмотреть остатки снов, до того как настанет неумолимое утро с протяжными автомобильными гудками, громоханием тележек и трамваев – тех самых чистильщиков ботинок, что работают дни напролет на Юнион-сквер, газетчиков, выкрикивающих скандальные заголовки на Таймс-сквер, молоденьких телефонисток, жадно разглядывающих модные пальто в витринах дорогих бутиков. Величественные небоскребы нависают над спящим городом, словно равнодушные боги из стали и стекла.

У входа в джаз-клуб ветер замирает, словно пораженный залихватской мелодией, какофонией из надрывного рева труб, экспрессивных фортепианных проигрышей и смеси блюза и рэгтайма такой силы, будто она хочет всколыхнуть безмятежный городской горизонт.

На Боуэри под нарядным навесом театра бушует танцевальный марафон. Конкурсанты – молоденькие девчонки со своими приятелями – самоотверженно крутятся в унисон, готовые зубами и ногтями вырвать у жизни все те голубые мечты, что навязывает им реклама в газетах и по радио. Их ноги, стертые туфлями, ноют от волдырей, но в глазах горят звезды. Еще дальше, в центре города, на Великом Светлом Пути, прозванном так за ослепительную иллюминацию, выплывают в ночь хозяева жизни, властители умов и сердец. У выходов и у ворот покорно ждут фанаты в надежде ухватить хотя бы отблеск невероятного сияния какой-нибудь новомодной актриски или певички, получить автограф бродвейской звезды. Это время расцвета преходящей славы, сладкой жизни, легкой поживы и головокружительных излишеств. Люди переполнены жадой ярких впечатлений и исполнения тайных запретных желаний.

Но ветру вся эта суeta побоку – он всего лишь ветер. Ему не хочется стать модным радиоведущим или удачливым предпринимателем. Он не станет спешить в офис поутру, не влюбится без оглядки в Дугласа Фэрбэнкса⁷, не будет горланить песни с «улицы жестяных сковородок»⁸, полные сожаления, мук несчастной любви или безудержного веселья. (Разве мы не веселимся, детка?) Равнодушным призраком он проносится мимо скотобоен на Четырнадцатой авеню, мимо тех несчастных, что вынуждены торговать собой на темных переул-

⁷ Один из самых знаменитых американских актеров эпохи немого кино.

⁸ Tin Pan Alley (англ.) – «улица жестяных сковородок» (или «жестяных кастрюль») – собирательное название американской коммерческой музыкальной индустрии.

ках. Где-то неподалеку Госпожа Свобода вздымает факел во тьму, зовя к причалу всех бегущих от войны, голода и безнадежности. В свою землю обетованную.

Ветер замечает дешевые многоквартирные дома, где многие из мечтателей со звездами в глазах бесславно окончили свой век, успев дать новую жизнь сотням таких же, вынужденных теперь влачить существование в нищете и запустении, безрезультатно катить в гору камень забот, как Сизиф. Ветер треплет сушащейся на веревках одеждой и спешит дальше по темным переулкам, где даже в этот час голодные, оборванные дети шарят по помойкам в поисках чего-нибудь съедобного. Этот ветер вечно путешествовал по земле. Он видел все ужасы жизни, выступал молчаливым свидетелем на сожжениях ведьм, проследовал за изгнанными индейцами вдоль Дороги Слез, наблюдал, как из рабовладельческих судов выгоняют испуганно моргающий живой товар: у этих людей не было никакой собственности, кроме невыносимого горя. Когда Линкольна поразила пуля злодея, ветер был там. Он разносил запах пороха на Сражении при Энтитеме. Он скитался с дикими бизонами и невесомыми, как перья, пальцами, касался островерхих шляп пуритан. Он разносил слова любви и превращал слезы в мутные соленые дорожки на таком количестве лиц, что невозможно сосчитать.

Ветер легко несется дальше, по Боуэри, и заворачивает на Вест-Сайд, обитель ирландских групп вроде «Подставных мальчишек», верхом разъезжающих по Девятой авеню и предупреждающих бутлегеров об опасности. Над могучим Гудзоном ветер разгоняется и летит вдоль сверкающего роскошью Гарлема с его знаменитыми мыслителями, писателями и композиторами. Перед старым, разваливающимся особняком ветер стихает. Разбитые окна заключены гнилыми досками, водостоки забиты. Некогда этот дом был пристанищем неописуемого зла. Теперь это просто призрак отжившей эпохи, позабытый в тени процветающего шумного города.

Дверь протяжно скрипит на проржавевших петлях. Ветер осторожно влетает внутрь и крадучись перемещается по темным коридорам, которые заворачиваются в странной, одуряющей манере. Покинутые пустые комнаты, гниющие в забвении, уходят направо и налево от коридора. Некоторые двери никуда не ведут, и за ними лишь голая кирпичная стена. Потайной люк распахивается в спусковой желоб, разверзающийся в подземелье. В спертom воздухе стоит вонь крови, мочи, адреналина и страха, первобытного ужаса настолько всеобъемлющего масштаба, что он пропитал весь дом изнутри и стал такой же его неотделимой частью, как стены, гвозди в древесине и вездесущая гниль.

В черных тенях по углам клубится что-то ужасное, и ветер, хорошо знакомый с подобной жутью, вырывается прочь из этого места. Он спешит дальше, в безопасность легких высотных зданий, где нет ничего, кроме синего неба и надежды на светлое будущее, процветание и прогресс. Будущее, опровергающее весь ужас темного прошлого. Будь ветер часовым, он бы тут же забил тревогу. Он бы кричал о том, какие злодеяния еще могут произойти. Но ветер знает, что никто не станет прислушиваться к его воплям.

Глубоко в подвале разваливающегося дома вспыхивает к жизни очаг. Огонь вздымается вверх с треском, похожим на кашель умирающего человека, горько смеющегося над своей незавидной судьбой. Из подземной могилы, пропахшей смертью и гнилью, поднимается слабое сияние. Нет никаких сомнений – в темноте можно различить слабое шевеление: предвестие страшных злодейств.

Страшный Джон вернулся домой. И у него большие планы на будущее.

Глава 2

Эви О'Нил, Зенит, штат Огайо

Прижимая к болезненно пульсирующему лбу ледяной компресс, Эви О'Нил проклинала этот злополучный час. Настал полдень, но, судя по боли в ее голове, с тем же успехом могло быть и шесть утра. Последние двадцать минут отец пилил ее за выходку на вчерашней вечеринке в отеле «Зенит». Уже несколько раз была затронута тема алкоголя, не преминули вспомнить и веселые игрища в центральном фонтане. И все, что произошло между, конечно же, тоже. Ей предстоял тяжелый день, это очевидно. В голове словно происходил пикет с транспарантами «Воды!», «Аспирин!» и «Замолчите уже!».

– Ты знаешь, что мы с мамой не терпим пьянства. Ты что, не слышала о восемнадцатой поправке к Конституции?

– Сухой закон? Я пью за него каждый раз, как только могу.

– Евангелина-Мария О'Нил! – раздраженно одергивает мама.

– Твоя мать – секретарь Женского общества трезвости Зенита. Ты вообще думала об этом? Думала о том, какие могут быть последствия у того, что ее дочь заметят шатающейся пьяной по городу?

Эви воспаленными глазами покосилась в мамину сторону. Та сидела в кресле неестественно прямо, сжав губы в бескровную ниточку. пышные волосы были зачесаны в строгий узел на затылке. На кончике носа у мамы громоздились очки-обманки, как их называли флэпперы. Все фицджеральдовские добродетельные красавицы были миниатюрны, синеглазы, светловолосы и безнадежно близоруки.

– Ну? – прогремел отец. – Что ты скажешь в свое оправдание?

– Боже мой, надеюсь, мне никогда не придется надевать обманок, – страдальчески проборотала Эви.

Мама в ответ только устало вздохнула. После гибели Джеймса она будто сжалась, усохла, завяла, словно та злополучная телеграмма из военкомата высосала ее душу.

– У вас в молодежной среде принято воспринимать все как игру, как развлекаловку? – не унимался отец. Сейчас он сел на любимого конька, и его понесло: чувство ответственности, гражданский долг, взросление и забота о завтрашнем дне. Этот припев Эви знала наизусть. Чего ей сейчас хотелось точно – так это похмелиться, хотя бы понюхать пробку. Но родители отобрали ее походную фляжку, шикарную посудину из серебра с выгравированными инициалами Чарльза Уоррена. Старый добрый Чарли, такой лапуля. Эви решила стать его девушкой, но хватило ее на неделю. Насколько Чарли был мил, настолько же был и скучен. Петтинг в его понимании состоял из сухих скупых поцелуев, похожих на птичье клевание, и холодных рук, безжизненно лежащих на девичьей груди, как крахмальная салфетка на столе у скучной чопорной тетки. Какая печаль.

– Эви, ты меня вообще слушаешь? – Папа дошел до точки кипения.

Она вымученно улыбнулась:

– Конечно, как и всегда, папочка.

– Зачем ты сказала эту гадость про Гарольда Броуди?

Эви нахмурилась. Такое нельзя было спускать на тормозах.

– Потому что это правда.

– Ты обвинила его в... в... – Папа запнулся и покраснел.

– В том, что он чпокнул эту бедную девочку?

– Евангелина! – ахнула мама, схватившись за сердце.

– Ах, простите. В том, что он воспользовался ею и бросил в положении.

– Почему ты просто не можешь быть, как... – Мама замолкла, но Эви уже знала продолжение. «Почему ты не можешь быть такой же, как Джеймс?»

– Ты хочешь сказать, мертвой? – огрызнулась она.

Мама поникла, как подстреленная птица, и на мгновение Эви со всей силы себя возненавидела.

– Евангелина, прекрати, – вмешался отец.

Эви угрюмо потупилась, склонив растрескивающуюся от боли голову.

– Прости.

– Тебе стоит знать, что если ты не сделаешь публичного извинения, семья Броуди подаст на тебя в суд за публичное оскорбление.

– Что? Да не собираюсь я извиняться! – взвилась Эви. Ее буквально подбросило вверх от возмущения, но голова отозвалась такой болью, что пришлось тут же сесть на место. – Я ведь сказала правду.

– Ты заигралась...

– Какие уж тут игры!

– Ты заигралась и попала в неприятности.

– Гарольд Броуди – паразит и повеса, не гнушающийся шулерством. Каждую неделю у него новая девчонка. Его машина – это совершенно о-че-де-лен-но⁹ публичный дом на колесах. И к тому же он отвратительно целуется.

Ее родители в ужасе замерли, как соляные столбы.

– По крайней мере так я слышала.

– Ты хотя бы можешь доказать свои инсинуации? – с нажимом спросил отец.

Но она не могла. В обратном случае пришлось бы раскрыть свою страшную тайну, а так рисковать было нельзя.

– Извиняться я не стану.

Мама осторожно откашлялась.

– Есть еще один вариант.

Эви растерянно посмотрела по очереди на отца и мать.

– Я не хочу переводиться в колледж с военной кафедрой, если что.

– Ни один колледж не согласится тебя принять, если что! – прорычал папа. – Как насчет идеи съездить в Нью-Йорк, побыть там с дядей Уиллом?

– Я... Ну... Как, на Манхэттен?

– Мы готовились к тому, что ты откажешься извиняться, – подытожила мама. – Я говорила с братом сегодня утром. Он согласился тебя принять.

Согласился принять. Взял на себя непосильную ношу. Как акт благотворительности. Дядя Уилл пал жертвой железных доводов мамы.

– Но только на несколько месяцев, – продолжил папа. – Пока все здесь не образуется.

Нью-Йорк-Сити! Подпольные барчики и бутики. Бродвейские мюзиклы и круглосуточные кинотеатры. А по ночам она будет танцевать в «Коттон клабе»! Эви вспомнила веселые деньки, что они провели с Мэйбел Роуз, старушкой Мэбси, которая жила по соседству. Девочки познакомились, когда им было всего по девять лет и Эви с мамой на несколько дней приехали в Нью-Йорк. С тех пор они стали подружками по переписке. Последний год, правда, Эви халтурила и пописывала лишь время от времени, но Мэйбел с завидным упорством и регулярностью продолжала слать ей письма главным образом о симпатичном помощнике дяди Уилла, Джерихо, или в ее трактовке «картинке, нарисованной ангелами» и «дальнем желанном берегу, к которому так хочется пристать». Да уж, Мэйбел без нее не

⁹ Смесь из «очевидно» и «определенно», детский жаргон.

обойтись. А Эви не обойтись без Нью-Йорка. В Нью-Йорке она могла переписать судьбу набело, начать все с чистого листа. Могла стать тем, кем хотелось.

Эви уже собиралась выпалить страстное «Да!», но вовремя осеклась – она слишком хорошо знала свою маму. Если ей не удастся обставить всю затею как «страшное наказание», чтобы дочь «усвоила урок», то придется на веки вечные застрять в Зените и стелиться перед мерзким Гарольдом Броуди.

Тяжело вздохнув, она состроила гримасу и выдавила ровно необходимое количество слез – так, чтобы они не полились, но глаза были на мокром месте.

– Надеюсь, вы хорошо знаете, на что идете. Но я и представить себе не могу, что буду делать в Нью-Йорке в компании с бобылем-бакалавром – сидеть взаперти, как синий чулок, пока мои друзья будут веселиться здесь?

– Надо было раньше об этом думать, – строго сказала мама, едва скрывая торжествующую улыбку.

Эви мастерски подавила точно такую же. «Сделала их, как малых детей», – подумала она.

Папа мельком посмотрел на часы.

– Поезд отправляется ровно в пять. Думаю, тебе пора собирать вещи.

* * *

К станции они ехали в гробовом молчании. Обычно, сидя вместе с папой в его шикарном «линкольн-родстере» с откидным верхом, Эви раздувалась от гордости. Это был единственный кабриолет во всем Зените – лучшее, что можно было достать через автомобильных дилеров. Но сегодня Эви не хотелось быть на виду. Ей хотелось стать неосязаемым призраком, как в детских снах. Иногда, перебрав лишнего на вечеринке, она испытывала подобное ощущение – стыд за все пьяные выкрутасы, после которых местные ограниченные, недалекие людишки смотрели на нее с плохо скрываемой злобой. «Ах, Эви, это уж было слишком», – говаривали они, растянув губы в гаденьких вежливых улыбках. Так себе комплимент.

Она вся была слишком – для такого захолустья, как Зенит, штат Огайо. Эви иногда пыталась стать незаметнее, загнать себя в рамки провинциальной жизни и не превосходить ничьих ожиданий. Но каким-то непонятным образом она каждый раз срывалась – и побезьяньи забиралась на флагшток, отпускала шутки на грани фола, участвовала в гонках наравне с парнями – и снова становилась «этой распущенной девицей О’Нилов».

Ее рука сама собой потянулась к талисману – монетке-кулону на шее. Эти пятьдесят центов брат прислал ей «с той стороны баррикад» во время войны в качестве подарка ко дню рождения – и дню собственной гибели. Она помнила тот день с ослепляющей четкостью – как бедный мистер Смит с телеграфа доставил им злосчастную похоронку, как он сбивчиво бормотал извинения и как тряслись его руки. Как мама, издав сдавленный стон, осела на пол у порога, прижимая к груди измятую желтую бумажку с бессердечным черным шрифтом. Как отец, не зажигая свет, всю ночь просидел в кабинете перед открытой бутылкой запретного скотча. Ей лично удалось прочесть телеграмму уже много позже, и она запомнила каждое слово.

«С прискорбием вынуждены сообщить... рядовой Джеймс Ксавьер О’Нил... был убит в ходе военной операции в Германии... внезапная атака на рассвете... отдал жизнь за Родину... военный министр передает глубочайшие соболезнования по поводу утраты сына...»

На выезде из города они обогнали упряжку, ехавшую в сторону фермерского хозяйства. Картинка показалась Эви старомодной и совершенно неуместной. Но на самом деле не к месту здесь была она сама.

– Эви, милая, – мягко начал отец. – Что стряслось на той вечеринке?

Вечеринка. Поначалу все было отлично. Они с Луизой и Дотти в своих лучших нарядах. Дотти даже одолжила ей ободок со стразами, и на ее светлых кудрях он выглядел просто шикарно. Они наслаждались оживленными, но пустыми спорами по поводу прошлогоднего дела мистера Скоупса в Теннесси и теории эволюции, согласно которой человечество произошло от обезьян.

– С последним я полностью согласна, – чуть громче, чем нужно, сказала Эви, кокетливо поводя взглядом в сторону угла, где компания парней из колледжа залихватски выводила двадцатый куплет «Возлюбленная Сигма Хи». Все были пьяны в стельку и совершенно счастливы. И тут Гарольд распустил хвост и решил с ней пофлиртовать.

– Метр шестьдесят, синие глаза, разве можно пройти мимо моей Э-эв-и-и? – приятным баритоном пропел он, опустившись перед ней на одно колено.

Эви соврала лишь в одном: галантный красавец Гарольд Броуди потрясающе целовался. Если он одаривал какую-нибудь счастливицу вниманием, все тут же начинало вертеться вокруг нее, как планеты вокруг солнца. А Эви нравилось быть в центре внимания, особенно когда она была навеселе. Гарри предстояла свадьба с Нормой Уоллингфорд. Он не любил ее, но был страстно влюблен в ее огромный банковский счет. Все знали, что они поженятся после колледжа. Тем не менее сейчас он женат еще не был.

– Я не говорила тебе, что обладаю сверхъестественной силой? – спросила Эви после третьего бокала.

Гарри расплылся в улыбке.

– Это видно невооруженным глазом.

– Вообще-то я серьезно, – проямлила она, уже слишком разогретая спиртным, чтобы остановиться вовремя. – Если я подержу в руках вещь, которую ты постоянно носишь при себе, и сконцентрируюсь, то смогу рассказать всю твою подноготную.

Вокруг раздались недоуменные смешки. Эви обожгла скептиков взглядом из-под густо накрашенных ресниц.

– Я о-че-де-лен-но серьезно говорю.

– Ты очеделенно навеселе, Эви О’Нил! – подколола ее Дотти.

– Тогда я докажу! Норма, дай сюда что-нибудь – шарф, шляпную булавку, перчатку – что угодно.

– Ничего я тебе не дам. Ты никогда не возвращаешь. – засмеялась Норма.

Эви прищурилась.

– Зришь в корень, Норма. Я тайно стала собирать коллекцию правых перчаток: ведь носить сразу обе – это так по-мещански.

– Ну ты ведь никогда не станешь заниматься чем-нибудь обычным, так? – подколола Норма и оскалилась в улыбке. Все засмеялись, и щеки Эви запылали огнем.

– Нет, это скорее твой грешок, Норма. – Эви сдула со лба непокорный локон, но он тут же упал на прежнее место. – Повод серьезно задуматься – ведь если я стану рассказывать здесь твои секреты, все уснут со скуки.

– Ладно, – прервал их Гарольд прежде, чем перепалка приняла серьезный оборот. – Вот мое кольцо. Раскройте мои самые темные секреты, мисс О’Нил!

– Какая безрассудная храбрость – отдавать кольцо девушке вроде Эви! – крикнул кто-то.

– Тихо, *s'il vous plaot*¹⁰! – скомандовала Эви с театральной ноткой в голосе. Затем сконцентрировалась изо всех сил, пока предмет не стал источать тепло в ее руках. Иногда все получалось, иногда нет. Она готова была взывать к душе Рудольфа Валентино, лишь бы все прошло гладко на этот раз. Потом у нее точно разболится голова – это побочный эффект странного дара, – но джин легко решал проблему. Хотя алкоголь притуплял и ее способность. Приоткрыв один глаз, она увидела, что все с ожиданием наблюдают.

Засмеявшись, Гарри протянул руку за кольцом.

– Ладно тебе, старушка. Мы уже достаточно повеселились. Пора и честь знать.

Она отдернула руку.

– Я смогу раскрыть твой секрет – стой и жди!

По трактовке Эви, ничто не могло быть хуже обычности и посредственности. Подобная тягомотина – для неудачников и слабаков. А Эви считала себя особенной. Будущей звездой. Плевать, если потом ее голова расколется от боли. Крепко зажмурившись, она сжала кольцо в ладони. Оно вдруг раскалилось – получается! Эви довольно улыбнулась и открыла глаза.

– Гарри, ах ты скверный мальчишка!

Все с интересом подались вперед.

Гарольд напряженно засмеялся.

– О чем ты?

– Отель, номер 22. Та хорошенькая горничная... Л... Эл... Элла! А потом ты вручил ей пачку долларов и сказал, чтобы она разбиралась сама!

К ним подошла Норма.

– Гарольд, что здесь происходит?

Он поджал губы.

– Евангелина, я совершенно не понимаю, о чем ты говоришь. Спектакль окончен, теперь верни кольцо.

Будь Эви трезва, она бы тут же почувствовала опасность. Но джин придал ей безрассудства. Она погрозила Гарольду пальцем, цокая языком.

– Плохой мальчик, ты же ее обрюхатил!

– Гарольд, это что, правда?

Лицо Гарольда Броуди побагровело от гнева.

– Хватит, Эви! Это уже больше не смешно!

– Гарольд? – Норма тоже начала терять терпение.

– Милая, это все глупая ложь, – успокоил он.

Эви вскочила на стол и зацокала каблуками в чарльстоне.

– А кольцо говорит другое.

Гарольд бросился за ней. Взвизгнув, Эви увернулась и по пути выхватила бокал у кого-то из рук.

– Божечки мои! Это же настоящее нападение! Берегитесь, Гарольд Броуди вышел на свободу! Спасайтесь, кто может!

Дотти ухитрилась отобрать у нее кольцо и вернула его Гарри. Потом они с Луизой почти стащили Эви со стола.

– Подруга, ты в хлам. Пойдем отсюда.

– Я буду хранить непоколебимость перед лицом опос... опса... опасности! Ой, все кружится. Уиии! Куда это мы?

– Протрезвляться, – коротко ответила Дотти и столкнула ее в ледяной фонтан.

Уже позже, спустя несколько чашек кофе, Эви, дрожа как осиновый лист, съежилась под одеялом в полумраке дамской комнаты отдыха. Дотти с Луизой отправились на поиски

¹⁰ Пожалуйста (*фр.*).

аспирина, и сейчас, никем не замеченная, Эви подслушивала двух девиц, перед зеркалом обсуждавших, какой скандал устроили Гарольд с Нормой.

– И все эта чокнутая О’Нил. Сама понимаешь.

– Она никогда не знает, когда пора остановиться.

– В этот раз она точно перегнула палку. Для нашего города она считай что мертва.

Норма этого так не оставит.

Эви дождалась, пока сплетницы уйдут, и проковыляла к зеркалам. Тушь поплыла, оставив черные синяки под ее глазами, и мокрые кудряшки повисли паклей. Головная боль на этот раз была просто невыносимой, и выглядела Эви точно так же, как себя чувствовала. Хотелось заплакать, но слезами горю не поможешь.

В комнату вихрем влетел Гарольд, накрепко закрыв за собой дверь.

– Как ты разнюхала? – зарычал он, больно схватив ее за руку.

– Сказала же... твоё кольцо...

Его рука сжалась, как тиски.

– Прекрати придуриваться и лучше расскажи честно! Из-за твоей выходки Норма грозит расторгнуть помолвку. Я буду требовать публичных извинений, чтобы смыть этот позор!

Ее мутило и шатало – все из-за попытки прочесть кольцо. По ощущениям смахивало на алкогольное отравление и страшнейшее похмелье, какое только можно было вообразить. И вдруг Эви осенило: Гарольд Броуди вовсе не гламурный плейбой. Он просто трус и подлец. Ничто не заставит ее извиняться перед таким выродком.

– Пошел к черту, Гарри.

Словно почуяв неладное, Дотти и Луиза уже барабанили в дверь дамской комнаты.

– Эви! Что с тобой? Открой!

Гарольд выпустил ее руку, и Эви почувствовала, как под кожей наливается свежий синяк.

– Нет, мы с тобой еще не закончили, дорогуша. Бизнес твоего папочки зависит от моего отца. Так что начинай продумывать извинительную речь.

И тут Эви стошнило прямо на его щегольской костюм.

* * *

– Эви, что такое? – Голос папы пробудил ее от нерадостных воспоминаний.

Она потеряла ноющий лоб.

– Все в порядке, па. Прости, что заварила эту чертову кашу.

Он даже не сделал ей замечания по поводу ругательств.

На станции папа не стал глушить мотор, когда отправился провожать Эви до платформы. Затем дал чаевых носильщику, чтобы он позаботился о ее чемоданах и проконтролировал, что их выгрузят в Нью-Йорке и доставят в дом дяди. Эви оставила при себе только щегольскую расшитую сумочку и легкий саквояж из шотландки.

– Ну что ж. – Папа покосился на машину, порылся в кармане и вручил Эви десятидолларовую купюру. Она аккуратно спрятала ее за ленту своей фетровой шляпки. – Это тебе на булавки.

– Спасибо, па.

– Я не умею нормально прощаться. Ты знаешь.

Эви выжала из себя беззаботную улыбку.

– Ага. Да все в порядке, па. Мне ведь семнадцать, а не семь. Все будет хорошо.

– Ладно.

Они постояли в неловком молчании.

– Смотри, чтобы тачка не уехала без тебя, – пошутила Эви, кивнув в сторону кабриолета.

Папа легонько чмокнул ее в лоб и, выразительно посмотрев на носильщика, удалился. Наблюдая за тем, как «линкольн» превращается в точку на горизонте, Эви почувствовала болезненный укол печали и еще кое-что. Жуть. Это было самое подходящее описание. Она не могла избавиться от этого чувства с тех самых пор, как несколько месяцев назад у нее начались кошмары.

– Приятель, я чувствую мурашки, мурашки бегут у меня по спине... – тихонько пропела Эви и поежилась.

Пара «синих чулок», сидевших по соседству, с осуждением уставились на короткое, до колен, платье Эви. И она решила задать им на орехи как следует. Задрав юбку и беспечно напевая, Эви собрала чулки гармошкой и дала им съехать вниз, чтобы показались голые коленки. Ее манипуляция тут же достигла требуемого эффекта: «синие чулки», квохча о «распущенной молодежи», удалились вдоль по платформе. Нет, скучать по этому захолустью она точно не будет.

Небольшая кремовая машинка с фырчанием затормозила у платформы, по инерции проехав несколько метров. Из нее показались две изящные фигуры. Эви довольно ухмыльнулась и замахала руками:

– Дотти! Луиза!

– Мы узнали, что ты уезжаешь, и решили проститься лично. – Луиза перегнулась к ней через поручень.

– Хорошие вести разносятся быстро.

– В этой дыре? Быстрее молнии.

– Вот и замечательно. Мне слишком тесно в Зените. А в Нью-Йорке меня поймут. Вот увидите, обо мне станут писать во всех газетах и пригласят в дом Фицджеральда на коктейль. Ведь, в конце концов, я тоже Фицджеральд по матери. Мы можем действительно оказаться дальними родственниками.

– Кстати о коктейлях. – Хитро улыбаясь, Дотти извлекла из сумочки безобидный на вид пузырек с аспирином. Тот был наполовину заполнен прозрачной тягучей жидкостью. – Вот, немного огненной воды на прощание. Извини, что так мало – папа теперь помечает бутылки.

– Да, и еще последний номер «Фотоплей»¹¹ из салона красоты. Тетушка Милдред даже не подозревает, какой милый подарок тебе сделала.

Глаза Эви заблестели от слез.

– И вы даже не чураетесь меня, новой городской прокаженной?

Луиза с Дотти кисло улыбнулись, соглашаясь с новым статусом Эви. Да, они все равно приехали, хотя Эви стала изгоем.

– Вы просто ангелы высшего порядка. Будь я папой римским, я бы вас канонизировала.

– Кстати, папа римский наверняка с удовольствием предал бы тебя анафеме.

– Нью-Йорк! – Луиза мечтательно покрутила нитку бус в руках. – Норма Уолингфорд сожрет себя от зависти. Она просто с ума сходит после твоей выходки. – Дотти довольно захихикала. – Давай, колись: откуда ты узнала про Гарольда и горничную?

Эви слегка поникла.

– Это была удачная догадка, и только.

– Но как...

– Ой, глядите! Поезд уже подошел! – Эви уклонилась от лишних расспросов и крепко обняла подруг, благодаря их за верность. – Когда мы встретимся в следующий раз, я уже буду суперзвездой. Буду катать вас по Зениту в шикарном авто с водителем.

¹¹ Один из первых американских глянцевых журналов о кинематографе.

– Когда мы встретимся в следующий раз, ты будешь скрываться от суда за гениальное преступление! – засмеялась Дотти.

Эви ухмыльнулась:

– Главное, чтобы они хорошенько запомнили мое имя.

Проводник в синей форме пригласил пассажиров в вагон. Эви прошла в свое купе. Там оказалось душно и пыльно, поэтому она забралась на сиденье, чтобы открыть окно, не снимая своих модных шелковых «Мэри Джейнс»¹².

– Может, вам помочь, мисс? – спросил ее еще один проводник, помоложе.

Посмотрев из-под полуопущенных ресниц, которые она успела щедро накрасить утром, Эви обрушила на беднягу всю силу своей ярко-красной улыбки в стиле «Коти»¹³.

– Будь так добр, милый? Это было бы шикарно.

– В Нью-Йорк едете, мисс?

– Ага, точно. Я выиграла конкурс красоты «Мисс пляжное изящество» и теперь еду на съемку в «Ванити Фэйр».

– Это просто нечто!

– Совершенно согласна. – Она еще раз похлопала ресницами для закрепления результата. – Окно?

Молодой человек с легкостью открыл задвижки и распахнул окно.

– Пожалуйста!

– Благодарю, – промурлыкала Эви. Она была в ударе. В Нью-Йорке можно будет превратиться в кого угодно, стать кем в голову взбредет. Большой город – идеальное место для больших мечтателей, которые хотят стать звездами. Только там можно развернуться на полную катушку.

Высунув голову из окна, Эви помахала подругам. Встречный ветер заиграл ее коротко стриженными кудрями, и сонный город стал медленно уплывать назад. На мгновение страх взял свое, и Эви захотелось вернуться назад, под кров и защиту отчего дома. Но это было лишь временным помутнением. Дом уже давно был мертв – много лет подряд. Нет, она не станет сожалеть. Она станет великой и прекрасной. Настоящей супер-звездой. Гордостью Нью-Йорка.

– До скорого! – прокричала она.

– Увидимся!

Фигуры подружек стремительно превращались в уменьшающиеся за завесой дыма цветные пятна. Эви послала им воздушный поцелуй и изо всех сил постаралась не плакать. Она медленно махала удаляющимся крышам Зенита, под которыми люди, чувствуя себя в полной безопасности, самым обычным образом обращались со всевозможными вещами, даже не подозревая о том, сколько чужих секретов их окружает и каково это – каждую ночь просыпаться от ужасных кошмаров про мертвых братьев. Эви почувствовала легкий укол зависти.

– Мисс, вы собираетесь стоять там всю дорогу? – поинтересовался проводник.

– Нет, только хотела как следует попрощаться, – ответила она. Затем повернулась к городу и сложила пальцы, как в благословении, пародируя королеву-мать. – Прощайте, сосунки! Счастливого вам прогнивать дальше!

¹² «Мэри Джейнс» – знаменитые туфли на плоской подошве, с закругленными носами и ремешком на застежке.

¹³ Знаменитая парфюмерно-косметическая фирма со штаб-квартирами в Нью-Йорке и Париже.

Глава 3

Мемфис Кэмпбелл, Гарлем, Нью-Йорк

Утром в Гарлеме безраздельно царила Игра в цифры¹⁴. На север от 130-й улицы и до 140-й, от Амстердам-авеню на Вест-Сайде и до Парк-авеню, сновало множество букмекеров, а точнее сказать, «счетоводов», готовых принять ставки, выписать чеки и бумажки своим клиентам. Эти сочетания цифр, таящие в себе столько надежд, направлялись затем к банкоматам, в подсобки табачных лавок, парикмахерских, подпольных баров и подвалы. Все должно было завершиться к десяти утра, когда расчетная палата на Уолл-стрит опубликует заветное Число и кто-то сорвет куш – поднимет ставки из расчета один к тысяче, а все остальные, как обычно, останутся ни с чем. В Гарлеме крайне редко везло кому-нибудь, но местные все равно продолжали играть, храня надежду, что когда-нибудь фортуна улыбнется им.

Семнадцатилетний Мемфис Кэмпбелл, ссутулившись, стоял, опираясь на уличный фонарь у входа в метро на пересечении Ленокс-авеню и 135-й улицы, и поджидал своих спешивших на работу клиентов. Не забывая стрелять глазами по сторонам – вряд ли копам пришлось бы по нраву его занятие, – он выписывал чек за чеком, приговаривая: «Да, мисс Джексон, пятнадцать центов на прачкин день»¹⁵, «Двадцать два, одиннадцать, сорок четыре. Записал», «Доллар на дату смерти, соболезную по поводу кончины вашего двоюродного дяди», «Совершенно с вами согласен, сэр, надо быть идиотом, чтобы не поставить на число, которое увидел во сне».

Их окружали разнообразные числа – шарады, ожидающие разгадки, вот-вот готовые пролиться золотым дождем, возможность сделать деньги из ничего – цифры попадались в молитвословах, на рекламных щитах, в датах смерти, днях рождения и свадьбах, боксерских поединках, скачках, номерах рейсов и поездов, вещих снах... Особенно во снах.

Но Мемфис не любил задумываться о своих снах. Особенно в последнее время.

Когда рабочий час пик миновал, он отправился в жилой квартал, надежно спрятав чеки в специальный потайной кожаный кармашек под носком – на случай обыска. Перед салоном красоты «Делюкс», славившимся отменным сервисом и свежими слухами, он остановился.

– ...И тогда я заявила ей: я, может быть, и профессиональный парикмахер высшего класса, но не волшебница! – рассказывала хозяйка салона, миссис Джордан, хихикающим клиенткам. – Приветик, Мемфис. Как дела?

Все женщины тут же подобрались и приосанились.

– Божечки мои, этот мальчик хорош, как юный фараон, – заметила одна из посетительниц, кокетливо обмахиваясь журналом. – Золотце, у тебя уже есть девушка?

– В каждом квартале! – прыснула миссис Джордан.

Мемфис прекрасно осознавал силу своего обаяния. Рост под метр девяносто, косая сажень в плечах, высокие точеные скулы – спасибо дальнему предку из племени Таино. Дружище Флойд из салона «У Флойда» всегда идеально подстригал его, а портной, мистер Левайн, отлично подгонял костюмы по его ладной фигуре. Но что бросалось в глаза в первую очередь, так это фирменная улыбка Мемфиса. Если ему требовалось сразить всех наповал, он всегда начинал с улыбки: сперва робкой, затем широкой и ослепительной. В сочетании с

¹⁴ Вид подпольной лотереи, в которой принимались любые, даже самые низкие ставки на непредсказуемое число, например, биржевую котировку или номер на скачках. Была особенно популярна в бедных районах. Контролировалась мафией.

¹⁵ «Прачкин день» – сленговое название числовой комбинации 4-11-44, ставшей популярной после выхода в Нью-Йорке книги по североафриканской магии худду, якобы привлекающей удачу, – «Нумерологический сонник тетюшки Салли». На обложке была изображена прачка-афроамериканка с лотерейным билетом, на котором значилось 4-11-44.

преданно-щенячьим взглядом она иногда могла растрогать даже непреклонную тетю Октавию.

Сейчас Мемфис воспользовался своим тайным оружием.

– Прошу прощения, дамы. Немного задержался.

– Ничего страшного. – Миссис Джордан не отрывалась от работы. Сейчас она разглаживала плойкой длинные волосы клиентки. – Запиши за мной обычный номер, как всегда. Я взяла его из «Нумерологического сонника тетушки Салли». Когда-нибудь я точно разбогатею.

– Когда-нибудь ты точно разоришься, – фыркнув, поддела ее полная женщина с последним выпуском «Амстердамских новостей».

Миссис Джордан недовольно махнула раскаленными щипцами в ее сторону:

– Все сработает, вот увидишь. Я права, Мемфис?

Он кивнул:

– Не далее как на прошлой неделе я слышал историю о парне, который год подряд ставил на один и тот же номер. В итоге он выиграл огромную сумму.

Мемфис снова вспомнил о своем страшном сне. Может быть, он действительно что-то значит? Может быть, это шутка Морфея и на самом деле хорошее предзнаменование?

– Кстати, миссис Джордан, в соннике нет ничего о перекрестках или грозе?

– Ой, кажется, шторм к деньгам. Число шторма – пятьдесят четыре.

– Опять ты ошибаешься! Шторм – это к надвигающейся смерти. И цифра другая, одиннадцать.

Дамы принялись судачить о толковании снов и нумерологии. Они так и не пришли к единому мнению. Вот почему Игра была так популярна – слишком неоднозначны могут быть мнения, а сколько открывалось возможностей и вероятностей!

– А что значит символ: глаз и молния под ним?

Миссис Джордан задумалась, зажав локон клиентки в раскаленной плойке.

– Этого я не знаю. Но может быть, кто-нибудь другой тебе расскажет. А в чем дело, милый?

Мемфис только сейчас понял, что стоял, нахмурившись. Он снова принял невинный вид и натянул улыбку, которую все так привыкли видеть.

– Пустяки, просто я видел что-то подобное во сне.

Женщина в парикмахерском кресле подскочила.

– Ай! Фифи, ты прожжешь мне скальп своей плойкой!

– Вовсе нет! Это у тебя слишком чувствительная кожа.

– Хорошего вам дня, дамы. Надеюсь, ваш номер сегодня выпадет. – Мемфис поспешно откланялся.

Серые утренние облака над Гарлемом свивались в тонкие ленты, открывая чистое синее небо. Мемфис прошел мимо лавки Ленокса, где они с Исайей любили поужинать гамбургерами и поболтать с владельцем, мистером Регги. Он перешел улицу, чтобы обойти подальше похоронное бюро Меррика, но от воспоминаний нельзя было убежать. Они засели где-то глубоко в груди и в любой момент могли выбить почву у него из-под ног...

Мама лежала в открытом гробу со скрещенными на груди руками, вся укрытая ландышами. Исайя растерянно спросил у него: «Когда мама проснется, Мемфис? Она ведь пропустит вечеринку и не пообщается со всеми этими людьми, которые пришли повидать ее».

Отец, сидя на черном лаковом стуле, невидящим взглядом смотрел куда-то сквозь свои огромные ладони трубача. Многие плакали, и кто-то запел «Легка на ход колесница Света, что явилась и несет меня домой».

Ему запомнился холод, исходящий от влажных комьев земли в его руках, которые надо было бросить в могилу. Тихий стук от удара земли о деревянную крышку гроба, перечеркивающий все на свете.

Потом отец собрал их вещи, освободил квартиру на 145-й улице и отправил Мемфиса с Исайей жить в потрепанную комнатку тетки Октавии всего в нескольких кварталах от прежнего места. Сам он уехал в Чикаго на поиски заработка, пообещав вернуться за ними, как только все устроится. Прошло уже два года, десять месяцев и пятнадцать дней. Они продолжали жить у тетки.

Взяв бутылку молока с прилавка, Мемфис сделал большой жадный глоток, будто надеясь смыть прошлое. Он не мог избавиться от ощущения невыносимого беспокойства, будто мир вот-вот разлетится в клочья. Это было определенно связано со сном.

Уже две недели подряд он видел одну и ту же картину. Перекресток. С поля вдалеке к нему летит огромный ворон. Небо резко темнеет, на дороге поднимаются тучи пыли, и надвигается что-то страшное. И потом тот самый символ. Ему даже становилось страшно ложиться спать.

Вдруг в его голове родилась новая фраза. Мемфис знал, что если тут же не запишет ее, потом наверняка забудет. Поэтому он остановился и записал новорожденную строфу на двух пустых бланках для ставок. Затем спрятал их в другой карман, отдельно от остальных бумаг. Потом, когда появится время сходить на кладбище – а он любил писать именно там, – можно будет перенести их в специальную записную книжку в кожаной обложке, где он хранил все свои стихи и истории.

За углом Мемфис увидел слепого Билла Джонсона с гитарой на коленях. Рядом на земле валялась шляпа, на изношенной подкладке мутно поблескивала какая-то мелочь.

– Мне встретился путник на темной тропе, на ладони его – странный знак... – негромким хриплым голосом напевал музыкант. – Путник на темной тропе, на ладони его странный знак. Он сказал – скоро шторм грянет, и землю окутает мрак.

Вдруг он окликнул проходящего мимо Мемфиса:

– Мистер Кэмпбелл! Это ведь вы?

– Да, сэр. Как вы догадались?

Старик смешно сморщил нос.

– Может быть, Флойд неплохо владеет ножницами, но этим парфюмом он способен мертвого из могилы поднять.

И он хрипло расхохотался. Затем порылся в шляпе, ощупывая монетки, и нашел два десятицентовика.

– Сделайте для меня ставку, мистер Кэмпбелл. Один. Семь, девять. Прямо сейчас. Сделайте это для меня, – с нажимом сказал он.

Мемфису захотелось возразить старику, что лучше придержать деньги для чего-нибудь более достойного. Все знали, что Билл ночевал в доме миссии Армии Спасения, а когда погода была теплая, то и на улице. Но он не имел права никого учить, поэтому просто положил деньги в карман и выписал чек.

– Да, сэр. Сделано.

– Просто нужно, чтобы удача наконец мне улыбнулась.

– Нам всем это нужно, – грустно сказал Мемфис и зашагал прочь.

За его спиной старый музыкант снова взял гитару и запел об одиноком путнике на темной дороге, о страшном обете, данном под безлунным небом. Хотя они находились в центре города, мимо спешили прохожие и грохотали трамваи, внутри у Мемфиса все сжалось от необъяснимого предчувствия.

– Мемфис! – окликнул его знакомый счетовод с противоположной стороны улицы. – Ты бы поторопился, уже почти десять, приятель!

Мемфис вмиг позабыл обо всех своих снах и предчувствиях. Швырнув пустую бутылку из-под молока в мусорку, он поудобнее перехватил ранец и стремительно зашагал к «Хотси Тотси»: вот-вот должны были объявить сегодняшний выигрышный номер.

И тут с уличного фонаря громко каркнул ворон. Слепой Билл перестал играть и напряженно прислушался. Птица каркнула еще раз. Потом расправила блестящие угольно-черные крылья и полетела вслед за Мемфисом.

Глава 4

Музей Зловещих Страшилок

Помахав проводникам и кондукторам рукой на прощание, Эви сошла с поезда. Они резались в покер от самого Питтсбурга и до станции «Пенсильвания». В итоге Эви разбогатела на двадцать долларов, список адресов в кожаном молескине пополнился еще тремя, а на золотистых волосах у нее теперь красовалась фуражка проводника, лихо заломленная под немислимым углом.

– До встречи, ребята! Шикарно провели время.

Кондуктор, паренек лет двадцати двух, выглянул на лестницу.

– Ты же правда напишешь мне, милая?

– Конечно! Как только исправлю свой неразборчивый почерк, – солгала Эви. – Тетушка меня уже ждет. Она ведь абсолютно слепая, так что мне лучше поспешить. Бедная моя тетушка Марта!

– Ты же вроде говорила, что ее зовут Гертруда.

– Гертруда и Марта! Они близняшки, и обе слепые, бедные старушки. До встречи!

С бешено стучащим сердцем Эви поспешила дальше, прочь с платформы. Наконец-то Нью-Йорк.

Дядя Уилл прислал ей какую-то необычную телеграмму: Эви следовало выйти с вокзала и на Восьмой авеню взять себе такси до Музея Американского Фольклора, Суеверий и Оккультизма, что недалеко от Центрального парка, на шестьдесят восьмой улице. Тогда ей показалось, что в этом нет ничего сложного. Теперь, ощутив на себе всю сутолоку и неразбериху станции «Пенсильвания», Эви подрастерялась. Она уже дважды успела свернуть не туда, окончательно запуталась и в итоге пришла в зал ожидания с огромными, во всю стену окнами и гигантскими часами, ажурные стрелки которых неумолимо напоминали о том, что время может уходить – как и поезда.

Неподалеку, вокруг экстравагантной красотишки, несмотря на жару одетую в соболиную шубу в пол «а-ля-рюс», собралась толпа зевак.

– А кто это? – тихонько поинтересовалась Эви у одного из восхищенных зрителей.

Он пожал плечами:

– Без понятия. Но ее пресс-секретарь заплатил мне доллар за то, что я буду таскаться следом и пялиться на нее так, будто она сама Глория Свенсон¹⁶. У меня еще никогда не было таких легких денег.

Эви поспешила дальше, пытаясь подстроиться под бешеный ритм Нью-Йорка. В результате она так увлеклась, что столкнулась с мальчишкой-газетчиком, продававшим «Дэйли Ньюс».

– Валентино был отравлен? Прочтите новую версию! Раскрыт новый заговор анархистов! Преподаватель решил стать обезьяной, чтобы доказать теорию эволюции! Все свежие новости в одном издании! Всего лишь два цента! Газетку, мисс?

– Нет, благодарю.

– Чудная шляпка. – Он залихватски подмигнул, и Эви вспомнила, что у нее на голове фуражка проводника.

Эви решила воспользоваться большим зеркалом, висевшим у аптечного киоска, и сменила фуражку на элегантную шляпку-клош, затем повертела головой туда-сюда, чтобы убе-

¹⁶ Американская киноактриса, суперзвезда эпохи немого кино.

диться в собственной неотразимости. Повинуясь странному наитию, она перепрятала двадцатидолларовую купюру в карман своего легкого летнего плаща.

– Не могу обвинять такую красотку в том, что она занимает место, но все-таки позвольте и мне на мгновение посмотреть в зеркало.

От мужского голоса, прозвучавшего за ее спиной, исходила какая-то необъяснимая опасность. Эви посмотрела на незнакомца в зеркало. Первым делом обратили на себя внимание пышные, блестящие черные волосы с непокорной челкой, которая то и дело спадала на глаза янтарного кошачьего оттенка. Роскошные брови напомнили ей соболью шубу фальшивой старлетки, красовавшейся на вокзале пять минут назад. А его шальную улыбку иначе как волчьей и назвать было нельзя.

Эви осторожно повернулась к нему.

– Разве мы знакомы?

– Пока нет, но я искренне надеюсь это исправить. – Он протянул ей руку. – Сэм Лойд. Эви присела в жеманном книксене.

– Мисс Евангелина О’Нил из рода О’Нилов Зенита.

– О’Нилов Зенита? Я чувствую, что одет неподобающим образом. Где мой смокинг? – Он снова по-волчьи оскалился, и Эви почувствовала себя не в своей тарелке. Странный парень не отличался высоким ростом, но его сухое, крепкое тело казалось собранным, как пружина. Рукава его рубашки, деловито закатанные до локтей, обнажали жилистые руки, а брюки были заношены и вытянуты на коленях. Пальцы покрывали темные размазанные кляксы, словно он подрабатывал башмачником и выпачкался в гуталине. В довершение образа на шее у него красовались очки-авиаторы. Ее первый нью-йоркский поклонник был экстравагантен до невозможности.

– Что ж, мистер Лойд, была рада встрече, но мне...

– Сэм, – сказал он тоном, не терпящим возражений, и так стремительно подхватил ее багаж, что Эви даже не успела заметить движения его руки. – Позвольте мне помочь.

– Я вполне могу сама... – Она потянулась к чемодану. Но парень отвел ее руку.

– Мне придется настаивать. Иначе матушка четвертует меня за то, что я вел себя не как джентльмен.

– Ладно. – Эви нервно заозиралась. – Но только до двери!

– Куда вы направляетесь?

– Вы задаете слишком много вопросов.

– Тогда попробую угадать. Вы из новых девушек Зигфелда¹⁷?

Она покачала головой.

– Модель? Актриса? Принцесса? Вы слишком хороши, чтобы быть «просто девушкой».

– Вы серьезно или издеваетесь?

– Я? Я настолько серьезен, что постоянно страдаю от этого.

Он ей откровенно и бессовестно льстил, но Эви даже нравилось. Она всегда наслаждалась повышенным вниманием к своей персоне. Похоже на шампанское – веселые пузырьки покалывают и одурманивают, и никогда не знаешь меры, хочется еще и еще. Но с другой стороны, Эви не хотелось выглядеть легкой добычей.

– Тогда вам следовало бы знать, что я приехала сюда, чтобы уйти в монастырь. – Эви закинула удочку.

Сэм оглядел ее с ног до головы и горестно покачал головой:

– Какая тяжелая утрата для мира – такая юная, симпатичная девушка.

– Служение Господу нашему не может быть утратой.

¹⁷ Флоренз Зигфелд – знаменитый американский конферансье, создавший серию постановок на Бродвее. За популярными артистками шоу закрепилось прозвище «девушки Зигфелда».

– Ну конечно! Теперь говорят, раз у нас появились Фрейд и двигатель внутреннего сгорания, то Бог умер.

– Он не умер, просто очень устал.

У Сэма слегка задержались уголки рта, словно он с трудом сдерживал улыбку, и Эви снова почувствовала покалывание веселых пузырьков. Этот парень с хитрой улыбкой всезнайки посчитал ее забавной.

– Что ж, это благое дело, – с вызовом согласился он. – Все эти службы и покаяния. Кстати, в какой монастырь вы направляетесь?

– Тот, в котором носят черное и белое.

– У него есть название? Может быть, я о нем слышал. – Сэм картинно склонил голову. – Я очень набожен.

Эви сделала вид, что хочет что-то сказать, но слегка поперхнулась.

– Это... монастырь Святой Марии.

– Понятно. Но какой именно монастырь Святой Марии?

– Тот самый, который первым приходит в голову.

– Слушайте, возможно, прежде чем посвятить свою жизнь Господу, стоило бы прошвырнуться по городу? Я знаю все значные места и могу стать шикарным гидом.

Сэм взял ее за руку, и она почувствовала легкое волнение и в то же время растерянность. Эви не успела пробыть в городе и пяти минут, и вот уже какой-то молодой человек – бесспорно, очень интересный и привлекательный – пытался пригласить ее на свидание. Она испытывала странную смесь страха и восторга.

– Слушайте, открою вам один секрет. – Он воровато оглянулся по сторонам. – Я работаю вербовщиком для самых крупных воротил этого города. Зигфелда. Шуберта. Уайта. Я всех их знаю лично. Если я не представляю им такой талант, как вы, меня просто вздернут за неоправданное головотяпство.

– Вы считаете меня талантливой?

– Уверен на сто процентов. У меня чутье на эти вещи.

Эви скептически изогнула бровь:

– Я не пою, не танцую и не умею играть на сцене.

– Вот и я о чем. Настоящая дива, с какой стороны ни подойти. – Он расплылся в улыбке. – В монастыре Святой Марии будут в восторге от таких способностей.

Эви прыснула, сама того не желая.

– Ладно. И что же такой проницательный профессионал разглядел во мне особенного? – жеманно спросила она и посмотрела на Сэма снизу вверх сквозь полуопущенные ресницы – прямо как Колин Мур¹⁸ в «Девушках нового времени».

– В вас есть что-то эдакое, – увернулся он, не ответив ничего конкретного и разочаровав Эви. Сэм уперся рукой в стену над головой Эви, преградив путь, и наклонился к ней. Она вся задрожала: не то чтобы она не знала, как вести себя с парнями, но это был всамделишный нью-йоркский парень. Эви не хотела устраивать сцен и выглядеть как полная деревенщина: ведь она была современная девушка, способная постоять за себя. Но если бы ее родители оказались сейчас рядом, то на ближайшем поезде увезли бы ее назад в Огайо.

Эви ужом проскользнула под рукой Сэма, попутно выхватив у него свой чемодан.

– Боюсь, наше время истекло, и мне нужно спешить. Мне даже показалось, что я видела, как главная монахиня прошла в дамскую комнату.

– Главная монахиня? Ты имеешь в виду, мать-настоятельница?

– Именно! Сестра... сестра, м-м-м...

– Сестра Бенито Муссолини?

¹⁸ Американская актриса, звезда немого кино.

– Точно!

Сэм Лойд прыснул:

– Бенито Муссолини – премьер-министр Италии. И он фашист.

– Я знаю, – возразила Эви и покраснела, как рак.

– Я в этом не сомневался.

– Что ж... – Эви на мгновение заколебалась и затем протянула руку. Хитро ухмыльнувшись, Сэм рывком притянул ее к себе и звонко чмокнул в губы. Она отскочила в сторону, как ошпаренная, смутилась и покраснела. Раздался громкий гогот прохожих, чистильщиков обуви и продавцов. Должна ли она отвесить ему пощечину? Он точно ее заслуживал. Но разве так поступали рафинированные завсегдатаи Манхэттена? Или лишь небрежно поводили плечом, словно услышав старую и неинтересную шутку, над которой уже лень смеяться?

– Нельзя осуждать парня за то, что он поцеловал самую симпатичную девушку в Нью-Йорке, не так ли, сестрица? – Его улыбка совсем не была похожа на раскаяние.

Эви быстро и решительно дала ему коленом в пах, и он повалился на пол, как мешок с картошкой.

– Нельзя осуждать девушку за то, что у нее такая быстрая реакция, не так ли, приятель?

Она развернулась и поспешила к выходу. Полным боли голосом Сэм крикнул ей вслед:

– Удачи твоим монашкам. Бедные сестрички монастыря Святой Марии еще не знают, что их ждет!

Эви послала ему воздушный поцелуй и направилась на Восьмую авеню. Как только город предстал перед ней во всем великолепии, все мысли о Сэме как ветром сдуло. По рельсам вниз по улице гремел трамвай. Машины с фырчанием огибали толпы людей, и все кипело и клубилось в хаотичном движении с ужасающей грацией какого-то немислимого кордебалета. Эви даже вытянула шею, чтобы получше разглядеть эту красоту. Где-то в поднебесье на металлических лесах и фермах балансировали человеческие фигурки – это поднимались к небу новые и новые иглы небоскребов, словно бросающих своими шпилями вызов земному притяжению и здравому смыслу. Вот в облаках проплыл изящный дирижабль, легкая серебряная клякса на синем куполе неба. Эви показалось, что она попала в прекрасный сон, и стоит только моргнуть, как прекрасная картинка поблекнет и исчезнет. Тут из-за угла вынырнуло такси, и Эви села в кабину.

– Куда вам, мисс? – спросил водитель, щелкнув счетчиком.

– В Музей американского фольклора, суеверий и оккультизма, пожалуйста.

– А, в музей Зловещих Страшилок? – Водитель хмыкнул. – Это правильно, стоит сходить туда, пока это возможно.

– Что вы имеете в виду?

– Поговаривают, что музей не окупается. А городская администрация давно уже точит зуб на землю. Там хотят построить новый жилой комплекс.

– Боже мой. – Эви достала фотографию, которую ей вручила мама, и еще раз на нее посмотрела. Дядя Уилл, высокий и тощий светловолосый джентльмен, стоял перед музеем – огромным особняком в викторианском стиле, с башенками, высокими окнами и затейливой кованой оградой.

– Но я лично считаю, что ребята из администрации прогадают. Людям не очень-то захочется жить в подобном месте – ведь все, что там выставлено, вряд ли так уж безобидно.

Артефакты. Магия. Эви нервно побарабанила пальцами по дверце.

– А вы слышали о субъекте, который управляет этим местом?

Эви перестала барабанить:

– Что именно?

– Об этом типе. Он ведь идейный.

– Какой?

– Отказался от военной службы из моральных соображений. – Водитель выплюнул эти слова как ругательство. – Когда была война, он не пошел на фронт за наших. – Он с осуждением покачал головой. – Говорят даже, с большевиками якшается.

– Даже если это и так, мне лично он ничего не говорил, – невозмутимо сказала Эви, разглаживая морщинки на перчатке.

Водитель пристально посмотрел на нее через зеркало заднего вида:

– Вы знакомы? Что такая приличная девушка может иметь общего с таким хмырем?

– Он мой дядя.

В машине воцарилась мертвая тишина.

Спустя некоторое время такси вырулило на боковую улицу около Центрального парка и подъехало к музею. Затерявшийся среди стали и блеска Манхэттена, дом и сам походил на музейную реликвию, объект вне эпохи и географических координат. Известняковый фасад изъели время, непогода и плющ.

Эви перевела взгляд с мрачной, грязной картины перед собой на то величие, что некогда было запечатлено на фотографии.

– Вы уверены, что мы на месте?

– Никаких сомнений. Перед вами Музей Зловещих Страшилок. С вас доллар и десять центов.

Эви сунула руку в карман, но не нащупала ничего, кроме подкладки. Застонав от досады, она принялась ощупывать остальные карманы.

– В чем дело? – с подозрением спросил водитель.

– Мои деньги! Они исчезли! В этом кармане у меня лежали двадцать долларов, и они исчезли!

Он сокрушенно покачал головой:

– Я сразу должен был понять. Такая же большевичка, как и дядюшка. Что ж, юная леди, на прошлой неделе я уже прокатил пару зайцев. Сегодня не ваш день. Вы платите мне доллар и десять центов, или же мы разбираемся в полиции.

Водитель помахал рукой конному полисмену, дежурившему неподалеку.

Закрыв глаза, Эви прокрутила в памяти события последнего часа. Перрон. Зеркало у аптеки. Сэм Лойд. Сэм... Ее пронзила догадка – вот в чем причина такой внезапной страсти! В вас есть что-то эдакое – целых двадцать баксов. Еще и дня не провела в городе и уже дала себя прокатить.

– Вот сукин... – Эви коротко и смачно выругалась, повергнув водителя в почти благоговейное молчание. Кипя от гнева, она выдернула заветную десятку из-за ленты шляпки, получила сдачу и захлопнула дверцу такси за собой.

– Эй, – окликнул ее водитель. – А как насчет чаевых?

– Сегодня не ваш день, – парировала Эви. – Хотя постойте: никогда не целуйтесь со странными незнакомцами на Центральном вокзале!

Эви постучала дверным молотком в виде орлиной головы и стала ждать. Табличка у дверей гласила: «Здесь самые смелые мечты и надежды нации воплощены трудом человеческим и вознесены на крыльях ангелов». Но оказалось, что ни люди, ни ангелы не собираются ей открывать, поэтому Эви вошла внутрь без спроса. Внутренняя отделка оказалась помпезной: черно-белые мраморные полы, обитые деревянными панелями стены с замысловатыми канделябрами, высокие потолки с затейливыми фресками, на которых полчища ангелов наблюдали за солдатами Свободы. В пыльном воздухе стоял затхлый запах. Цокая каблучками по каменному полу, Эви прошла в глубь здания.

– Эй? Дядя Уилл?

Широкая резная лестница изгибом поднималась на второй этаж, залитый светом из огромного окна с заляпанными стеклами, и скрывалась из поля зрения. Слева виднелась угрюмая гостиная с закрытыми шторами. Направо раздвижные двери вели в запыленную столовую, где, очевидно, уже давно никто не сиживал за огромным обеденным столом с тринадцатью стульями, укрытыми дамастовыми простынями.

– Ну и дела, – прошептала Эви. – Здесь что, кто-то умер?

Она продолжила экспедицию по дому и наконец набрела на вытянутое помещение со стеклянными витринами. За ними виднелись какие-то предметы.

– А это, наверное, и есть экспозиция Музея Зловещих Страшилок...

Она подходила к витринам, читая этикетки.

ТАЛИСМАН ГРИ-ГРИ¹⁹ И КУКЛА ВУДУ. НОВЫЙ ОРЛЕАН, ЛУИЗИАНА

ФРАГМЕНТ КОСТИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО РАБОЧЕГО, ИЗВЕСТНОГО КИТАЙСКОГО МАГА. СЕВЕРНАЯ КАЛИФОРНИЯ, ЭПОХА ЗОЛОТОЙ ЛИХОРАДКИ

ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР, ИСПОЛЬЗОВАННЫЙ В СЕАНСАХ МИССИС БЕРЕНИС ФОКСВОРФИ. ПЕРИОД АМЕРИКАНСКОГО СПИРИТУАЛИЗМА, ОК. 1848 ГОДА, ТРОЯ, НЬЮ-ЙОРК

ОХРАННЫЙ ТАЛИСМАН ПЛЕМЕНИ ОДЖИБВЕ, ВЕЛИКИЕ ОЗЕРА

АМУЛЕТЫ ЗАКЛИНАТЕЛЯ ХУДДУ. БАТОН-РУЖ, ЛУИЗИАНА

ФРАНКМАСОНСКИЕ КНИГИ И ИНСТРУМЕНТЫ. ОК. 1776 ГОДА, ФИЛАДЕЛЬФИЯ, ПЕНСИЛЬВАНИЯ

Неподалеку красовалась подборка фотографий призраков: расплывчатые фигуры, легкие, как кисейные занавески на ветру. Какие-то странные марионетки, живот чревоушателя, колдовская книга в кожаном переплете. Книги по алхимии, астрологии, нумерологии, магии худду и вуду, спиритизму, целительству. И несколько томов с описаниями всех сверхъестественных происшествий в Америке начиная с XVII века.

На столе лежал раскрытый «Дневник Мерси Прауд». Эви разглядывала страницы так и эдак, пытаясь привыкнуть к старинному почерку, и начала читать вслух:

– Я вижу духов, мертвых людей. За это меня прозвали ведьмой...

– Ее повесили. Ей едва исполнилось семнадцать.

Вздвигнув от неожиданности, Эви обернулась. Из темного угла вышел высоченный парень с широкими плечами и светлыми, пепельно-русыми волосами необыкновенного оттенка. Из-за игры света и тени от старинной люстры он на мгновение показался Эви суровым ангелом, сошедшим с фрески эпохи Возрождения, чтобы покарать заблудших.

– А какое преступление она совершила? – робко спросила Эви, когда голос к ней вернулся. – Она что, джин превращала назад в воду?

– Она просто была не такой, как все. Вот такой смертный грех. – Он протянул ей руку для короткого рукопожатия. – Меня зовут Джериho Джонс. Я работаю на твоего дядю. Он просил составить тебе компанию, пока будет читать лекцию.

Так вот он, тот самый Джериho, по которому так сохнет Мэйбел!

¹⁹ Амулет для защиты владельца от зла или на счастье. Представляет собой небольшой матерчатый мешочек, наполненный смесью из трав, масел, камней, костей, волос, ногтей и прочих компонентов. Состав мешочка и количество ингредиентов обуславливается нумерологическими соображениями.

– О, я столько хорошего о тебе слышала! – выпалила Эви, не успев подумать. Мэйбел ее убьет. – То есть дядя так тебя хвалит, он говорил, что без тебя как без рук...

Джерихо отвел глаза в сторону.

– Что-то я очень сомневаюсь. Может быть, небольшую экскурсию?

– Это было бы шикарно, – солгала Эви.

Джерихо поводил ее по пыльным, заброшенным комнатам с коллекциями непонятных полуразвалившихся финтифлюшек, где она с трудом сохраняла вежливо-заинтересованную улыбку.

– И последний, но не наименее важный пункт, в котором мы проводим большую часть времени, – рабочая библиотека.

Когда Джерихо распахнул двери красного дерева, Эви невольно присвистнула. Такого ей видеть еще не приходилось. Комната будто перенеслась сюда по ошибке из мрачного волшебного замка. Огромный камин занимал почти всю противоположную стену. Мебели тут стояло немного, но зато какая она была! Старинные кресла коричневой кожи с высокими спинками и благородными потертостями, только добавлявшими шика, несколько винтажных резных деревянных столиков с зелеными лампами для чтения, испускавшими мягкий приглушенный свет. В комнате была надстроена галерея, ломившаяся от книжных полок. Эви по-птичьи вытянула шею, чтобы как следует все разглядеть. Потолок высотой не меньше шести метров просто поражал воображение. На нем красовалась панорама американской истории: вот пуритане в черных шляпах выносят приговор стайке напуганных женщин, индейский шаман всматривается в костер, целитель, в одной руке сжимающий клубок змей, другой касается лба больного. Седые отцы-основатели подписывают Декларацию независимости, а темнокожая рабыня держит в поднятой руке корень мандрагоры. А сверху над всем этим витали ангелы и демоны, наблюдали и словно ждали чего-то.

– О чем ты думаешь? – поинтересовался Джерихо.

– Я думаю, что дизайнера всего этого безобразия надо было уволить без промедления. – Эви плюхнулась в кресло и поправила шов на чулке. Ей не терпелось выбраться на волю, встретить Мэйбел и разведать город. – Дядя еще долго будет занят?

Джерихо пожал плечами, затем сел за стол и вытащил книгу из большой стопки.

– Прекрасный исторический обзор колониального мистицизма – если пожелаешь провести время за книгой.

– Нет, благодарю. – Эви с трудом подавила желание закатить глаза. Она не могла понять, что Мэйбел увидела в этом парне. И сейчас этот зануда снова собирался приняться за работу – никаких сомнений.

– Слушай, – понизив голос, спросила она, – у тебя ведь с собой нету огненной воды?

– Огненной воды? – переспросил Джерихо.

– Ну, бормотухи какой-нибудь, вискаря, выпивки? – безуспешно пыталась Эви. – Джина?

– Нет.

– Я не привередлива. Могу согласиться и на бурбон.

– Я не пью.

– Тогда ты должен был уже умереть от страшной жажды, – засмеялась Эви, но Джерихо ее не поддержал.

– Что ж, мне нужно работать. – Он прошел к дверям. – Располагайся поудобнее. Дядя должен скоро подойти.

Эви повернулась к чучелу медведя-гризли, нависшему над камином.

– И у тебя тоже, наверное, не найдется выпивки? Может быть, в другой раз?

Складывалось ощущение, что, кроме Джерихо, в музее не было ни одной живой души. Эви была голодна, ей хотелось пить, кроме того, она была обескуражена тем, с какой легко-

стью дядя оставил ее предоставленной самой себе, даже толком не поздоровавшись. Если она хочет прожить в Нью-Йорке, похоже, придется научиться заботиться о себе самой.

Эви похлопала медведя по пышному меху.

– Прости, приятель, но я оставляю тебя одного.

Она отправилась на поиски съестного. Услышав мужские голоса, она пошла на звук и оказалась в большом зале, где за кафедрой стоял дядя Уилл в серых брюках, жилете, сером галстуке и рубашке с закатанными до локтей рукавами. Волосы его от возраста пожелтели, кроме того, он отпустил небольшую бородку.

– Само существование зла – головоломка, занимавшая умы как философов, так и теологов... – вещал он.

Эви заглянула за угол, чтобы понять, что творится в комнате. В классе сидели мальчишки, тщательно записывавшие слова дяди.

– А теперь повеселимся, – сказала Эви себе под нос и ворвалась в центр зала. – Простите за опоздание! – звонко воскликнула она и с шумом принялась двигать стул к ближайшей парте. Все головы повернулись к ней. Дядя Уилл внимательно посмотрел на нее поверх роговых очков.

– Продолжайте, дядя Уилл. Не обращайтесь на меня внимания.

Эви взгромоздилась на стул и натянула на лицо выражение крайней заинтересованности.

– Да... – На мгновение ей показалось, что дядя Уилл так и будет стоять с растерянным видом. Но затем он пришел в себя и принялся деловито прохаживаться вдоль кафедры, заложив руки за спину. – Как я и говорил, каким образом можно доказать присутствие в мироздании зла?

Мальчишки принялись переглядываться, решая, кто станет отвечать.

– Человек сам создает его посредством неправильного выбора, – расхрабрился наконец один из них.

– За него борются Бог и дьявол. Так по крайней мере сказано в Библии, – добавил другой.

– Как может вообще существовать дьявол, если есть Бог? – не выдержал парень в брюках для гольфа. – Я никогда этого не понимал.

Дядя Уилл поднял вверх указательный палец, заостря внимание на этой части разговора.

– Ага. Вот мы и пришли к теодицее.

– Это что, гибрид теологии и панацеи?

Уилл слегка улыбнулся:

– Не совсем. Теодицея – подвид теологии, отвечающий за оправдание существования Бога перед лицом зла. Возникает вопрос: если Бог – всеведущее, всесильное существо, как он мог допустить само существование зла? Либо он не настолько всемогущ, как нам говорят, либо он действительно всемогущ и всеведущ, но еще и жесток, поскольку знает о существовании зла и ничего не предпринимает.

– И эта теория полностью объясняет появление сухого закона, – встряла Эви.

Ребята с восторгом заржали. Дядя Уилл странно посмотрел на Эви, будто она была неизвестным науке созданием, которое только требовалось изучить.

– Любой добрый бог должен был наделить нас свободой воли, не так ли? – продолжил он. – С этим ведь нельзя не согласиться? Но раз уж люди обладают свободой воли, они могут делать такой выбор, какой им заблагорассудится, и, следовательно, совершать зло. Таким образом, первоначально абсолютное благо – свобода воли – обрекает нас на возможность существования зла в нашем прекрасном мире. – В классе воцарилась тишина. – Над этим стоило бы поразмыслить. А теперь продолжим.

Мальчики сосредоточенно выпрямились, готовые делать новые записи и пометки. Уилл снова принялся ходить по аудитории.

– У Америки богатая история верований, это прямо-таки гобелен, в который, как нити, вплетены различные культуры. Наша история изобилует сверхъестественными, мифическими, необъяснимыми преданиями. Первые поселенцы пришли сюда в поисках свободы вероисповедания. Последовавшие за ними иммигранты принесли с собой свои верования и культы, от восточноевропейских легенд о вампирах и до голодных духов Китая. Коренные американцы верили в шаманов и привидения. Рабы из Африки и стран Карибского бассейна, хотя и не имели при себе ничего материального, привезли культурный багаж из обычаев и суеверий. Наша страна – плавильный котел не только для культур, но также духов и суеверий... Да?

Парень в синей спортивной куртке поднял руку:

– А вы сами верите в сверхъестественное, доктор Фицджеральд?

– Это показалось бы нелогичным, не так ли? Ведь мы живем в эпоху прогресса. Сейчас уже сложно заставить людей верить в Методизм. – Он снисходительно улыбнулся, и мальчики засмеялись. – И тем не менее в мире полно удивительных загадок. Как, например, объяснить такое явление, как люди с паранормальными способностями?

Эви почувствовала, как у нее по спине пробежал холодок.

– Способностями? – скептически переспросил парень.

– Например, люди, способные говорить с умершими, так называемые медиумы. Бывшие тяжелобольные, которые рассказывают, что их исцелили наложением рук. Или те, кто способен видеть будущее, угадывать карты. Или ранние свидетельства о путешествиях индейских шаманов в потусторонний мир. А во время американской революции Бенджамин Франклин писал о провидческих снах, повлиявших на исход войны. Что вы на это скажете?

– Этим людям не помешала бы консультация психиатра, хотя не могу сказать такого о мистере Франклине.

Все снова засмеялись, и Эви с удовольствием присоединилась, хотя была в замешательстве. Дядя Уилл подождал, пока смешки затихнут.

– Как вы знаете, этот музей был построен на деньги Корнелиуса Рэтбоуна, который разбогател на строительстве железных дорог. Откуда он узнал, что надвигается эпоха стали? – Уилл замолчал, дожидаясь ответа. Но поскольку все молчали, он продолжил, расхаживая со сложенными за спиной руками. – Сам он утверждал, что узнал это из видений своей сестры, Либерти Энн. Когда они были маленькими, то часто играли в лесу. Как-то раз Либерти потерялась в чаще, и ее не было целых два дня. Ее искали всем городом, но безрезультатно. Она вернулась домой сама, совершенно седая. Ей было всего одиннадцать. Либерти рассказала, что в лесу встретила незнакомца, «высокого и худого, как чучело, в цилиндре и плаще, на котором она увидела все чудеса и ужасы нашего мира». Она слегла с горячкой. Послали за врачом, но он ничем не смог помочь. Следующий месяц она пролежала в бреду, произнося одно пророчество за другим, а напуганный брат записывал их в дневник. Пророчества потрясали своей точностью. Она, например, сказала, что «великого человека из Иллинойса забьют от нас, когда он будет навещать американского кузена», – и президента Линкольна убили в ложе театра Форда, когда он смотрел спектакль «Наш американский кузен». Или говорила о «огромном стальном драконе, пересекающем землю и изрыгающем черный дым», – это Трансконтинентальная железная дорога. Она предсказала эмансипацию, мировую войну, большевистскую революцию, изобретение автомобиля и аэроплана. Она даже сказала что-то о том, что все наши банки прогорят и наступит экономический кризис.

– Она не могла знать всего, это же очевидно, – сказал парень в брюках для гольфа. – Такому никогда не бывать.

Уилл постучал по кафедре.

– Постучите по дереву, как некоторые говорят. – Он усмехнулся, и аудитория рассмеялась над его подчеркнутым суеверием.

Уилл достал серебряную зажигалку, пощелкал кремневым колесиком, и высек несколько ярких искр.

– Либерти Энн умерла ровно месяц спустя после того, как вышла из леса. Предсказания последних дней ее жизни совершенно запутаны. Она говорила о «надвигающемся шторме», о темных временах, когда понадобятся Пророки.

– Пророки? – встревоженно переспросила Эви.

– Так Либерти Энн называла людей с паранормальными способностями.

– И что они будут делать, эти пророки? – поинтересовался парень в брюках для гольфа.

Уилл пожал плечами:

– Если она и знала это, то ничего не сказала. Она умерла вскоре после того, как сделала это предсказание, оставив своего брата, Корнелиуса, совершенно одиноким. Он помешался на идее борьбы добра со злом, на том, что наша страна населена призраками и что существует тонкий мир, который недоступен для восприятия обычного человека. И потратил всю свою жизнь – и огромное состояние – на то, чтобы доказать это.

Ребята начали ожесточенно спорить, пока один из них не спросил, перекрикивая шум и гвалт:

– Профессор, а вы сами верите, что существует иной мир и что создания этого мира могут нам помочь или навредить? Верите ли вы, что наши поступки – хорошие или плохие – могут создать некое вселенское зло? Верите ли вы, что мир вокруг населен призраками, демонами и Пророками?

Дядя Уилл достал из кармана платок и принялся тщательно протирать очки.

– Горацио, остались еще вещи меж небом и землей, что не подвластны философии людской. – И он водрузил очки на нос. – Это Шекспир, а он, как вы понимаете, кое-что смыслил в сверхъестественном. Но для экзаменов вам потребуется знать наизусть следующее...

Ребята взвыли, а Уилл стал выдавать многочисленные теории одну за другой, сыпая именами, цифрами и названиями мест с такой скоростью, что они едва успевали записывать.

Эви тихонько поднялась с места и прошла в кабинет Уилла, чтобы подождать его там. Под монотонное тиканье каминных часов она оглядела комнату. Стол был завален газетными вырезками, по обе стороны громоздились огромные стопки книг такой высоты, что они не падали только чудом. Эви, скучая, порылась в газетных вырезках. В основном это были заметки из разных уголков страны о встречах с привидениями, полтергейстах и разного рода происшествиях вроде тех, когда давно умерший родственник вдруг на мгновение появляется в любимом кресле у камина или когда помойку в пригороде Нью-Йорка разоряют страшные псы с красными, горящими, «как у демонов», глазами. Некоторые заметки датировались тремя годами ранее, но по большей части все они были новыми. Эви особенно заинтересовала статья о девушке, которая могла говорить с мертвыми и которую, по ее словам, «добрые духи» предупредили о надвигающейся катастрофе. Она только успела дочитать до места, где описывалось таинственное исчезновение девушки, как раздалось тактичное покашливание – это вернулся дядя Уилл.

Эви отложила вырезки.

– Привет, дядя.

– Вообще-то это мой рабочий стол.

– Ага, – беззаботно согласилась Эви. – И на нем такой... порядок.

– Да? Ладно. Сегодня еще не такой тяжелый случай, – пробурчал дядя и достал из кармана серебряный портсигар. – Хорошо выглядишь. – Он закурил и глубоко затянулся. – Джерихо устроил тебе экскурсию?

– Да. Было очень... интересно.

– Нормально доехала?

– Шикарно, за исключением того, что меня обокрали на вокзале, – сказала Эви и тут же об этом пожалела. Что, если дядя посчитает ее совершенно несамостоятельной и беспомощной и сошлет назад в Огайо?

Дядя Уилл скептически поднял бровь.

– Правда?

– Один проходимец по имени Сэм Лойд. Во всяком случае, так он назвался, прежде чем поцеловать меня и спереть мои двадцать баксов.

Уилл поморщился.

– Прежде чем... что?

– Не волнуйся! Я могу за себя постоять. Если я еще хоть раз увижу этого проходимца, он пожалеет, что вообще связался со мной.

Уилл выдохнул облачко дыма. Оно повисло в воздухе полупрозрачной кляксой.

– Сестра предупреждала меня, что дома от тебя одни проблемы. Что ты страшная хулиганка и сорванец в юбке.

– Сорванец, – виновато пробормотала Эви.

– И ты хочешь пробыть здесь до октября?

– До декабря, если можно. Пока дома мне не расчистят посадочную полосу.

– Гм. – Лицо Уилла приняло угрюмое выражение. – Твоя мама подала заявку в женский колледж Сары Снидвел. Сейчас у них нет мест, и выходит, твое обучение ложится на меня. Книгами и учебниками я тебя обеспечу, кроме того, можешь свободно посещать мои лекции. Думаю, у тебя будет возможность посетить кучу отличных музеев и лекториев города через сообщество Этической культуры и Чего-то Там.

Только сейчас Эви поняла, что оказалась свободна от посещения колледжа. Жизнь стала налаживаться!

Дядя Уилл с отсутствующим видом листал какую-то книгу.

– Тебе семнадцать, правильно?

– Да, если считать по моему последнему дню рождения.

– Что ж, семнадцать – вполне сознательный возраст. Я не стану держать тебя на коротком поводке, если ты не будешь искать приключений на свою голову и попадать в неприятности. Мы договорились?

– Договорились, – сказала Эви, не веря своему счастью. – Ты уверен, что вы с мамой – брат и сестра? Вас в роддоме не перепутали?

На лице дяди на мгновение показалась улыбка и тут же погасла.

– Твоя мама так и не смогла оправиться после смерти Джеймса.

– Не она одна тоскует по нему.

– Для нее все иначе.

– Так считается. – Эви с трудом подавила клокотавший в ней гнев. – Кстати, по поводу твоей лекции – ты говорил о людях, видящих будущее или... – она сделала глубокий вдох, – читающих по предметам. Пророках. Ты знаешь кого-нибудь с такими способностями?

– Нет, лично не знаком. А почему ты спрашиваешь?

– Просто так, – быстро ответила Эви. – Я просто подумала, что если бы Пророки существовали на самом деле, о них бы писали в газетах и говорили по радио, разве нет?

– Если судить, опираясь на исторический опыт, их бы сожгли на костре, как это было принято раньше. – Уилл показал на книжные полки, окружавшие их. – У нас целая библиотека, посвященная подобным вещам, на случай, если ты пожелаешь ознакомиться с историей оккультизма в Америке. – Он сунул окуроч в переполненную пепельницу. – Боюсь, я сильно забежал вперед. Тебе наверняка хочется распаковать вещи и прийти в себя с дороги.

Беннингтон недалеко отсюда – всего пара кварталов. Попросить Джерихо, чтобы проводил тебя?

– Нет, – быстро ответила Эви. Даже короткая прогулка с этим верзилой-стойком рисковала обернуться смертельно скучной. – У меня все и так зашибись.

– Прости, что?

– Зашибись. Шикарно. Гм, прекрасно. Все будет прекрасно. Я разыщу Мэйбел. Помнишь Мэйбел Роуз? Мою подругу по переписке?

– Угу, – промычал дядя, углубившись в очередную книгу. – Отлично. Вот твой ключ. В вестибюле Беннингтона есть кафе. Закажи что хочешь и попроси записать на мой счет. Мы с Джерихо будем дома не позже половины пятого.

Эви спрятала ключ в сумочку. В Зените у нее даже ключа своего не было, и за каждым ее шагом следили родители. Похоже, что здесь все будет иначе. Просто волшебное. Дядя Уилл протянул ей руку, и она бросилась ему на шею.

– Добро пожаловать в Нью-Йорк, Эви.

Глава 5

Это просто Беннингтон, дорогуша

– Мэйбел! – Эви с воплем обняла свою приятельницу и провальсировала с ней вдоль вестибюля, привлекая взгляды удивленных завсегдатаев. – Как я рада тебя видеть!

– Ну и ну! Как ты переменялась. – Мэйбел была поражена ее короткой прической и супермодным нарядом – коротким платьем-матроской с заниженной талией и красным плащом с пелеринкой, вышитой маками.

– А ты все та же старушка Мэйбел. Дай-ка на тебя взглянуть! – Она театральным жестом слегка отстранила ее от себя, чтобы посмотреть на блеклое, плохо сидящее платье ниже колен. Это была катастрофа. Платье нужно было тут же похоронить. – Мэйбел, ты до сих пор не остригла волосы?

Мэйбел провела рукой по своим длинным каштановым кудрям, слегка завитым и заколотым на затылке.

– Я развиваю индивидуальность.

– Это точно. А вот и наш старый добрый Беннингтон. – Эви присвистнула, напугав мужчину, достававшего почту из бронзового ящика на стене. В Беннингтоне еще были заметны остатки бывшего сияния и роскоши – некогда это был модный, дорогой дом. Мраморные полы были поцарапаны, мебель облезла и краски выцвели, но для Эви все эти следы времени только добавляли зданию шарма.

– Да, теперь он скромнее, чем раньше, – заметила Мэйбел.

– Ты можешь в это поверить? Я, ты и Манхэттен? Мы станем королевами этого города!

Эви начала излагать план действий, начиная с шопинга у Бергдорфа, и тут в вестибюль вплыла совершенно потрясающая девушка. На ней развевалась свободная мужская пижама под мужским же шелковым домашним халатом, а ее иссиня-черные волосы были подстрижены в коротенькую прическу-фокстрот с пышной челкой а-ля Луиза Брукс²⁰ – просто последний писк. Вокруг глаз были размазаны черная тушь и тени, вероятно, оставшиеся от вчерашнего вечера, а на шее болталась шелковая маска для сна.

– А это кто? – шепнула Эви.

– Это – Тета Найт. Девушка Зигфелда.

– Божечки мои! Твоя подружка?

Мэйбел покачала головой:

– Я ее боюсь. Мне еще не удавалось расхрабриться настолько, чтобы сказать что-то кроме «привет» и «чудесный денек». Они живут здесь с братом. – Мэйбел с видом всезнайки поджала губы. – Во всяком случае, она так говорит. Но они совершенно не похожи.

– Любовник? – с восторгом прошептала Эви.

Мэйбел пожала плечами:

– Откуда мне знать?

– Это попросили передать вам, мисс Найт. – Швейцар вручил ей букет шикарных роз на длинных стеблях. Аристократически подавив зевоту, Тета вскрыла конверт с открыткой.

– «Розы для прекрасной розы. С наилучшими пожеланиями, Клэрэнс Поттс». Эх, братец! – Тета вернула швейцару букет. – Подари их своей девушке, Эдди. Только не забудь оторвать открытку, иначе тебя прогонят с порога.

– Ах, как ты можешь выбрасывать такие розы! Они же просто чудо, – вырвалось у Эви.

Тета покосилась на нее:

²⁰ Знаменитая американская танцовщица, модель, звезда немого кино.

– Эти? Они же от мистера Поттса. Ему сорок восемь лет, и он уже был четырежды женат. Мне семнадцать, и я не готова стать женой номер пять. Я знаю несколько девочек из кордебалета, падких на денежки, но я не по этой части, сестрица. У меня свои планы.

Она кивнула Мэйбел:

– Привет. Мэдж, да?

– Мэйбел. Мэйбел Роуз.

– Рада знакомству. – Тета остановила свой влажный взгляд на Эви. – А ты?..

– Евангелина О’Нил. Но все зовут меня просто Эви.

– Тета Найт. Можешь звать меня как угодно, но не раньше полудня.

Она выудила из пижамного кармана длинную сигариллу и подождала, пока швейцар даст ей прикурить.

– Спасибо, Эдди.

– Эви приехала к своему дяде, мистеру Фицджеральду, – пояснила Мэйбел. – Она из Огайо.

– Мои соболезнования, – невозмутимым тоном произнесла Тета.

– Похоже, ты меня понимаешь! А ты коренная жительница Нью-Йорка?

Тета недоуменно подняла тонкую, выщипанную в ниточку бровь.

– Все приехали в Нью-Йорк из других мест.

Эви решила, что Тета ей нравится. Нельзя было не пасть жертвой ее своеобразного шарма. В Огайо она не знала ни одной девушки, способной выйти в мужской пижаме в вестибюль и выбросить дюжину шикарных роз легко, как одноразовый стакан.

– Ты правда из девушек Зигфелда?

– Виновна.

– Это, наверное, безумно круто!

– Это просто еще один способ заработать на жизнь. – Тета выпустила изящную струйку дыма. – Приходите как-нибудь на наше представление.

Эви поежилась от восторга. Шоу Зигфелда!

– С удовольствием.

– Славно. Выберите любой день, и я отложу вам парочку билетов. Что ж, я бы с удовольствием еще поболтала, но мне следует хорошенько выспаться. Была рада знакомству, Эвил²¹.

– Я Эви.

– Теперь уже нет, – через плечо бросила Тета, исчезая в лифте.

* * *

– Даже не верится, что ты здесь, – приговаривала Мэйбел.

Они с Эви сидели в кафе на первом этаже Беннингтона за парой сэндвичей с колбой.

– Что же ты сделала, что тебя так поспешно выслали из Огайо?

Эви покрошила лед в своем стакане.

– Помнишь тот фокус, о котором я рассказывала тебе пару месяцев назад? Так вот... – Эви рассказала Мэйбел историю с кольцом Гарольда Броуди. – И самая соль в том, что я оказалась права! Но ему удалось так все повернуть, что он выступает оскорбленной стороной. Он чертов лицемер!

– С ума сойти можно, – согласилась Мэйбел.

Эви внимательно посмотрела ей в глаза:

– Мэбси, ты же мне веришь?

²¹ Эвил – на американском сленге обозначает что-то «чертовски хорошее».

– Конечно же!

– И ты не думаешь, что я какая-нибудь дешевая шарлатанка?

– Ни в коем случае. – Мэйбел задумчиво помешала соломинкой в стакане. – Меня удивляет одно – почему ты ни с того ни с сего стала способной на такие вещи. Ты ведь не падала и не ударялась головой о что-нибудь твердое?

Эви скептически подняла бровь.

– Ну, спасибо на добром слове.

– Я ничего такого не имела в виду! Просто могло быть какое-нибудь медицинское объяснение. Научное обоснование, – быстро сказала она. – Ты дяде про это рассказала?

Эви с жаром затрясла головой:

– Я не стану пилить сук, на котором сижу! С дядей пока все в порядке, и мне бы хотелось, чтобы так оно и осталось.

Мэйбел закусила губу.

– А ты видела Джериho?

– Да, встретила. – Эви допила колу.

– Что скажешь? – Мэйбел подалась вперед.

– Очень... серьезный малый.

Мэйбел тихонько взвизгнула.

– Разве он не чудесный?

Эви подумала о Джериho – молчаливом, тихом, рассудительном. В нем не было ничего даже отдаленно соблазнительного.

– Он как раз для тебя, и это все, что имеет значение. И как ты работала над ситуацией?

– Ну... например, в прошлую пятницу, когда мы столкнулись у почтовых ящиков...

– Да? – Эви с намеком поиграла бровями.

– Я встала ему поближе...

– Та-а-а-к...

– И я сказала: прекрасный день, не так ли?

– И что?

– И все. Он сказал «да». Так что на тему погоды у нас полное единодушие.

Эви, прыснув, уткнулась лбом в стол.

– Божечки мои. Как вечеринка без выпивки и конфетти. Нам нужен план, моя старушка. Романтический штурм эпического размаха. Мы сотрясем стены Иерихона²²! Он падет к твоим ногам, даже не успев понять, что происходит.

Мэйбел подскочила от нетерпения:

– Шикарно! И в чем план?

Эви пожала плечами:

– Пока не знаю. Могу только сказать, что нам нужен план.

– Ага, – разочарованно протянула Мэйбел.

– Мэбси, детка! Даже не ломай голову над этим. Скоро мы пойдем по магазинам, посмотрим на выступление Теты в «Фоллиз». Она точно знает все самые модные места! И чарльстон до упаду! Мы зажжем, крошка! Я собираюсь сделать эти четыре месяца самыми яркими в своей жизни. А если все пойдет по плану, я вообще осяду здесь надолго. – Эви заплескала на месте. – Кстати, где сегодня твои родители?

Мэйбел покраснела.

²² Джериho – так по-английски звучит название города Иерихон, стены которого были разрушены без применения какого-либо оружия по воле Бога.

– В центре города сегодня собрание в поддержку Сакко и Ванцетти²³, и папа с мамой представляют «Пролетариат». – Она напомнила Эви название газеты социалистического толка, в которой оба работали. – Я должна была ехать с ними, но сказала, что не могу бросить тебя в одиночестве!

– Значит, мы с ними увидимся завтра.

Мэйбел помрачнела и покачала головой:

– У мамы выступление перед женским профсоюзом дамских портных. А у папы срочная работа в газете. Они так много для всех делают.

Письма Мэйбел были полны рассказов о родителях, с отвагой крестоносцев бросающихся на любую несправедливость. Было видно невооруженным глазом, как она ими гордится. А еще было видно, что среди всех этих подвигов было невозможно выкроить хоть немного времени на родную дочь.

Эви похлопала подругу по плечу:

– Все в порядке. Родители все равно только путаются под ногами. Мама стала просто невыносимой после того, как заболела.

Мэйбел испугалась не на шутку:

– О боже. Что с ней?

Эви медленно расплылась в улыбке:

– Воздержание и благочестие. В крайне тяжелой форме.

Они засмеялись, и к ним тут же подошли две старые «калоши».

– Достойные леди не ведут себя в обществе подобным образом, мисс Роуз. Это просто неприемлемо, – прошамкала одна из них.

– Да, мисс Проктор. – Мэйбел приняла невинный вид. Эви скорчила невозможную рожицу, которую видела только она, и ей даже пришлось закусить губу, чтобы не прыснуть со смеху. – Мисс Лилиан, мисс Аделаида, позвольте вам представить мисс Эви О’Нил. Мисс О’Нил сейчас живет у дяди, мистера Фицджеральда. – Она предупреждающе наступила на ногу Эви.

Мисс Лилиан улыбнулась:

– Как мило. И какое у нее прелестное личико. Посмотри, Адди, разве она не прелесть?

– Да, в самом деле.

Прокторши носили длинные седые букли, завитые, как у школьниц. Выглядело это дико: будто две фарфоровые куклы сморщились и постарели.

– Добро пожаловать в Беннингтон. Это старое почтенное место. Некогда это был один из самых престижных домов города, – продолжала мисс Лилиан.

– Круто. Ой, то есть как мило. Милое место.

– Да. Иногда по ночам можно слышать странные звуки, но вы не пугайтесь. У каждого города есть свои призраки, вы же понимаете.

– У каждого старого места, – с пафосом подыграла ей Эви.

Мэйбел подавилась колой, но мисс Лилиан ничего не заметила.

– В восемнадцатом веке на этой земле нашли последнее пристанище те, кто страдал от лихорадки. Эти несчастные стонали в своих палатках, желтушные, истекающие кровью. А их рвота была чернее темной ночи!

Эви решительно отодвинула сандвич.

– Это просто безумно обворожительно! Я как раз говорила Мэйбел – мисс Роуз – о том, что мы давненько не обсуждали черную рвоту.

Нога Мэйбел грозила превратить ее несчастную ступню в подобие водолазной ласты.

²³ Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти – рабочие-анархисты, участники движения за права рабочих, жертвы полицейского и судебного произвола.

– Когда эпидемия закончилась, здесь стали хоронить нищих и психически больных, – продолжала мисс Лилиан, будто не услышав ремарку Эви. – Их якобы эксгумировали перед тем, как строить Беннингтон, – по крайней мере так говорят. Хотя я лично считаю, что они чисто физически не могли выкопать все тела.

– Да, просто катастрофа с этими мертвыми телами, порой не знаешь, куда девать, – сказала Эви, тяжело вздохнув, и Мэйбел отвернулась, чтобы не рассмеяться.

– Абсолютно верно, – прошамкала мисс Лилиан. – Когда Беннингтон только строился, в 1872 году, поговаривали, что главный архитектор, кстати, наследник древнего ведьминского клана, выстроил здание согласно древним оккультным принципам, и оно работает как магнит для всех существ из иного мира. Поэтому, как я уже сказала, не обращайтесь внимания на странные звуки или даже картины, которые вам доведется увидеть. Это просто Беннингтон, дорогуша.

Мисс Лилиан криво улыбнулась. На ее зубах осталась полоска ярко-красной помады, похожая на кровавый след. Мисс Адди рядом с ней улыбнулась кому-то в пустоту и кивнула, будто приветствуя старых знакомых.

– Прошу прощения, но нам пора, – сказала мисс Лилиан. – Мы ожидаем гостей и должны хорошенько подготовиться. Смею надеяться, что вы как-нибудь окажете нам честь и зайдете, не так ли?

– Как я могу отказаться? – сказала Эви.

Мисс Адди неожиданно повернулась к ней с таким видом, будто только сейчас увидела. Ее лицо было строгим и непроницаемым.

– Ты ведь одна из них, да, милочка?

– Мисс О’Нил – племянница мистера Фицджеральда.

– Да нет же. Одна из НИХ, – сказала мисс Адди таким тоном, что у Эви по спине прошел холодок.

– Пора, пора, Адди! Давай дадим девочкам спокойно пообедать! У нас еще много дел. Аддѐ!

Прокторши едва вышли за дверь, как Мэйбел сложилась в приступе хохота.

– «А после эпидемии было нашествие нищих», – прошамкала она, передразнивая старуху.

– Как думаешь, что она хотела сказать этим «Ты одна из них»? Она так каждому встречному говорит? – спросила Эви, стараясь не выглядеть встревоженной.

Мэйбел пожала плечами:

– Иногда мисс Адди шляется по дому в одной ночной рубашке. Мой папа лично несколько раз водворял ее назад в квартиру. – Мэйбел выразительно постучала пальцем по виску. – Там кое-каких винтиков не хватает. Наверное, она имела в виду, что ты одна из этих прожигателей-флэпперов, и ей это не по нраву. – Подразнивая Эви, она поучительно поманила указательным пальцем в воздухе, как старая дуэнья. – Боже, это в самом деле будет лучшее время нашей жизни! – с таким энтузиазмом выпалила она, что Эви позабыла о мисс Адди и ее странных словах.

– О-че-де-лен-но! – согласилась Эви и подняла свой стакан. – За Беннингтон и его призраков!

– За нас! – добавила Мэйбел. Они звонко чокнулись стаканами.

Остаток дня девушки провели за приятной болтовней, и Эви вернулась в квартиру дяди только в восьмом часу. Уилл и Джерихо уже были дома. Квартира оказалась больше, чем она думала, и неожиданно уютной для берлоги холостяка. Огромное окно-фонарь выходило прямо на Центральный парк во всем его великолепии. Вокруг большого кабинетного радиоприемника стояли диван-канapé и пара кресел, и Эви вздохнула с облегчением. В квартире имелась и небольшая чистенькая кухонька, которой, по-видимому, нечасто пользовались. В

ванной, прекрасно годившейся для отмокания после разнообразных приключений, не было любимых женских излишеств, но это легко исправить. Довершали планировку три спальни и маленький кабинет. Джерихо отвел ее в небольшую комнату с кроватью, письменным столом и гардеробом. Кровать поскрипывала, но была чистой и удобной.

– Эта комната ведет на крышу. – Джерихо показал на пожарную лестницу за ее окном. – Оттуда можно весь город увидеть.

– Ого, – выдавила Эви. – Шикарно.

Она не собиралась любоваться городом с крыши, у нее были куда более смелые планы: Эви собиралась отправиться в самое пекло. Прибыл ее багаж, и она принялась распаковывать вещи, заполняя пустые ящики и полки своими разноцветными чулками, шляпками, перчатками, платьями и плащами. Длинные жемчужные нити она развесила на спинке кровати. Единственной вещью, с которой она не расставалась никогда, была монета-подвеска – подарок Джеймса. Покончив с одеждой, Эви посидела с Джерихо и дядей в гостиной, пока они ели сэндвичи, купленные в ближайшем магазине за углом.

– Как ты оказался на работе у моего дяди? – с наигранной серьезностью спросила Эви.

Джерихо посмотрел на дядю Уилла, жевавшего с набитым ртом, и ничего не ответил. Они помолчали.

– Что ж, думаю, это станет очередной загадкой нашего дома, – невозмутимо продолжила Эви. – Где пропадает Агата Кристи, когда она так нужна? Придется самой выдумать про вас истории. Так... Джерихо, ты был герцогом. Но покинул свое герцогство – смешное слово – и теперь скрываешься у дядюшки от врагов, желающих заполучить твою голову.

– Твой дядя был моим официальным опекуном до тех пор, пока мне в этом году не исполнилось восемнадцать. Теперь я его ассистент.

Они продолжили жевать свои сэндвичи, так и не утолив любопытство Эви.

– Ладно. Это я съем, но как мог дядюшка...

– А меня обязательно так называть?

Эви прикинула что-то про себя.

– Да. Я в этом абсолютно уверена. Как дядюшка стал твоим опекуном?

– Джерихо был сиротой из детского госпиталя.

– Ой, прошу прощения. Но как...

– Думаю, мы достаточно обсудили эту тему, – прервал ее дядя Уилл. – Если Джерихо захочет, он расскажет сам.

Эви хотела съязвить, но потом вспомнила, что находится в гостях, и сменила тему:

– А в музее всегда так пусто?

– О чем ты? – спросил дядя.

– Пусто, будто все вымерли.

– Просто сейчас небольшое затишье.

– Затишье? Да это просто морг! И в нем нужны тела, иначе все пойдет кувырком! Нам нужна реклама.

Уилл усмехнулся:

– Реклама?

– Да. Ты же знаешь, что это такое? Прекрасное достижение цивилизации. Позволяет узнать людям, где взять то, что им нужно. Мыло, губную помаду, радиоприемники или, например, твой музей. Нам нужно придумать какой-нибудь звучный слоган, например: «Музей американского фольклора, суеверий и оккультизма – у нас есть свой дух».

– Лучше оставить все как есть, – мягко сказал Уилл, будто это что-то решало.

Эви низко присвистнула:

– Судя по тому, что я успела увидеть, – вряд ли. Правда, что городская администрация хочет закрыть музей за долги?

Уилл посмотрел на нее поверх очков:

– Кто тебе это сказал?

– Водитель такси. Кроме того, он сказал, что ты идейный и, может быть, даже большевик. Не то чтобы для меня это было недостатком, нет. Я просто подумала, что могла бы помочь тебе раскрутить музей. Заманить клиентов. Заработать денег.

Джерихо в растерянности смотрел то на Эви, то на Уилла. Затем робко откашлялся:

– Можно, я включу радио?

– Да, пожалуйста, – ответил Уилл.

Из динамиков вырвался голос диктора: «А теперь оркестр Пола Уайтмена “Ван Ван блюз”».

Радио разразилось затейливой мелодией, и Эви принялась вполголоса подпевать.

Глава 6

Город мечты

Она устала и сильно злилась. Семьдесят восемь часов подряд они с Яцеком плясали как сумасшедшие, на танцевальном марафоне, надеясь заполучить главный приз. Но Яцек в конце концов отключился и упал прямо на нее. Распорядитель отозвал их с танцпола, положив конец соревнованиям и их мечтам.

– Как ты мог упасть посреди танцпола, картофельная голова! – Она ударила его кулаком в плечо, когда они вышли из клуба. Яцек спотыкался и с трудом стоял на ногах.

– Я? Да я удержал тебя не меньше четырех раз. И ты все время наступала мне на ноги своими ластами!

– Ластами? – У нее от обиды защипало глаза. Она размахнулась, чтобы дать ему пощечину, но едва не упала от изнеможения.

– Ладно тебе, Рута. Не надо. Пойдем лучше домой.

– Я никуда с тобой не пойду, засранец!

– Ты же на самом деле не имела этого в виду. Иди сюда, посиди со мной на лестнице. А утром сядем на поезд.

Усталость, с которой она боролась все это время, накрыла ее.

– Я не могу вернуться вот так, чтобы все над нами смеялись, будто мы ничего из себя не представляем и никогда не прославимся! – Она почти плакала. Но Яцек уже ее не слышал. Он уснул на крыльце какой-то дешевой ночлежки. – Ну и оставайся здесь, мне-то что за дело! – крикнула она.

Рельсы надземки²⁴ на Третьей авеню нависали над ее головой, будто клетка. Рута шагала вдоль по Боуэри, выискивая вход на станцию, у которого не сидят бомжи и где можно будет спокойно подождать. Каждый шаг больно отдавался в ее голове – ей не хотелось возвращаться в Гринпойнт ни с чем, Бруклин, в маленькую двухкомнатную квартирку обветшалого дома в районе, где все говорят по-польски и старики курят сигареты перед витринами магазинов, в которых длинными гирляндами развешена колбаса. По сравнению с блеском Манхэттена это был просто другой мир. Она посмотрела вдаль, где мерцала Парк-авеню, обиталище богачей. Ей ведь нужно не так много. А она каждый день сидела на телефоне во второсортной адвокатской конторе, с трудом зарабатывая на то, чтобы иногда сходить в кино. Ей было всего девятнадцать, но она уже хорошо знала нужду и лишения и вечную жажду красивой жизни.

Рута Бадовски. Как же она ненавидела свое имя. Оно было таким польским – родители привезли его с собой с родины, но она-то родилась здесь, в Бруклине. Когда-нибудь она поменяет свое имя на что-нибудь более американское, например, Рути или Руби. Руби – звучит просто отлично. Руби... Бэйтс. Завтра Рута Бадовски уволится со скучной работы на коммутаторе, а Руби Бэйтс сядет на автобус до театра Зигфелда и пойдет на прослушивание. Когда-нибудь она будет стоять в свете юпитеров, а Яцек и остальные будут любоваться ею с дешевых мест на галерке или вообще пойдут к черту.

– Добрый вечер!

Рута ахнула – голос сильно ее испугал. Прищурившись, она взгляделась в полумрак.

– Кто здесь? Лучше убирайтесь подбру-поздорову. Мой брат – полицейский.

– Я всегда уважал законы. – Из темноты показался незнакомец.

²⁴ Рельсовая скоростная система легкого метро, проложенная над землей на эстакадах. Существует во многих городах мира, но в Нью-Йорке появилась одной из первых.

Глаза, должно быть, сыграли с ней злую шутку – фигура мужчины показалась ей зыбкой, лишенной четких очертаний, словно у привидения. Он был смешно и старомодно одет в плотный твидовый костюм, хотя на улице стояла жара, с жилетом и пиджаком, а на голове у него красовался цилиндр. В руке он сжимал щегольскую трость с рукоятью в виде головы волка. Зверь злобно скалился, обнажая клыки, а глаза его сияли красным, как рубины. Рубины – похоже на имя Руби. Ее почему-то передернуло. Рута запоздало поняла, что очутилась в не очень-то безопасном месте. Танцевальные марафоны обычно устраивались в глухих медвежьих углах, чтобы не привлекать лишнего внимания, в том числе блюстителей закона.

– Не очень подходящий район для ночных прогулок юной леди. – Незнакомец словно прочел ее мысли. Он предложил ей руку. – Могу я чем-нибудь помочь?

Может быть, Руби Бэйтс и витала где-то в облаках среди звезд, но Рута Бадовски выросла на улицах и знала, почему фунт лиха.

– Большое спасибо, мистер, но помощь мне не нужна, – сухо ответила она и собралась уйти, но ноги вдруг свело судорогой, и она поморщилась от боли.

Голос незнакомца звучал ласково и убаюкивающе:

– Мы с сестрой открыли небольшое предприятие, пансион с кухней. Может быть, вы захотите передохнуть там? У нас есть телефон, на случай, если вам нужно позвонить родным. Моя сестра, Брида, наверняка уже испекла пончики.

– Пончики? – переспросила Рута. – Вы поляки?

Незнакомец улыбнулся:

– Наверное, мы все здесь – пришельцы, пытающиеся найти свой путь в этой необычной стране. Не так ли, мисс...

– Рута – Руби. Руби Бэйтс.

– Рад знакомству, мисс Бэйтс. Меня зовут мистер Гоббс. – Он учтиво коснулся цилиндра. – Но друзья обычно зовут меня Джон.

– Спасибо, мистер Гоббс. – Руту слегка покачивало от усталости.

– У меня есть нюхательные соли, они помогут вам взбодриться.

Мужчина слегка намочил платок чем-то из пузырька и передал ей. Рута сделала вдох. От резкого запаха у нее защекотало в носу, но сил действительно прибавилось. Ее новый знакомый снова предложил ей руку, и на этот раз она не отказалась. При первом взгляде мужчина показался Руте крепким и плотным, но рука под пиджаком оказалась сухой и тонкой, как спичка. Какое-то странное ощущение заставило девушку насторожиться, и она отдернула руку:

– Мне уже лучше. Кажется, соли помогли. Я приму ваше приглашение на чашечку кофе с пончиком.

Он церемонно кивнул ей:

– Как пожелаете.

Они зашагали по дороге, и Гоббс постукивал по брусчатке наконечником трости, напевая неизвестную мелодию.

– Что это за песня? Я не слышала ее на радио.

– Да. Это неудивительно.

Левой рукой он показал на Боуэри, с его христианскими миссиями, ночлежками, клоповниками, тату-салонами, лавочками и низкопробными мануфактурами.

– Вавилон пал, великий город.

Он указал на пару пьяниц, уснувших на крыльце какого-то дешевого притона.

– Ужасно. Кто-то должен вычистить весь этот мусор, заставить людей вернуться в рамки приличий. Они не такие, как мы с вами, мисс Бэйтс. Чистые, достойные горожане. Люди с амбициями. Труженики этого города на холме.

Рута никогда не размышляла в подобном ключе, но сейчас осознала, что невольно кивает в ответ на его рассуждения. Она посмотрела на этих бродяг с прежде незнакомым ощущением отвращения: в самом деле, они отличались от ее семьи. Они были иными.

– Не нашей крови. – Ее спутник покачал головой. – Некогда Боуэри пестрел самыми лучшими ресторанами и театрами. Великий театр Боуэри оставлял далеко позади величайшие театры Европы. В нем великий актер Джей-Би Буус, отец Джона Уилкса Бууса, под шум оваций выходил на подмостки. Вы любите искусство, мисс Бэйтс?

– Угу. То есть да. Люблю. Я актриса. – У Руты почему-то закружилась голова. Окружающие улицы окутало странное сияние.

– Ну конечно же, как я не понял! Такая милая девушка, как вы, не может заниматься ничем другим. В вас кроется нечто совершенно необычайное, не так ли, мисс Бэйтс? Я с уверенностью могу сказать, что вы должны выполнить великое предназначение. «И леди была одета в пурпур и порфир и убрана золотом и драгоценными камнями...»

Незнакомец улыбнулся. Несмотря на поздний час, жутковатость ситуации и боль в ногах, Рута улыбнулась в ответ. И какой же он незнакомец? Это же мистер Гоббс. Прекрасной души человек. Такой умный и утонченный. И он разглядел в ней индивидуальность. Он вообще видел то, чего другие не замечали. Ее бабушка назвала бы это ворожбой, знамением. Руте захотелось плакать от благодарности.

– Спасибо вам, – тихо сказала она.

– «...А на ее челе была написана разгадка тайны...» – продолжил цитировать он, и его глаза загорелись странным огнем.

– Вы проповедник или что-то вроде того?

– Я уверен, вы хотите позвонить родным, – невпопад ответил он. – Они же наверняка волнуются за вас?

Вспомнив облезлую квартиру в Гринпойнте, Рута постаралась не засмеяться. На рассвете вслед за мамой проснется отец, выкашливающий табачный дым пополам с фабричной пылью, а в соседней комнате, посапывая, будут тесниться ее четверо братьев и сестер. Ее никто не хватится. И она не спешила возвращаться.

– Не хочу их будить, – сказала она, и мистер Гоббс странно улыбнулся.

Они прошли несколько переулков, и Рута поняла, что заблудилась. Вдалеке над городом нависал манхэттенский мост, словно зыбкий путь в преисподнюю. Начал моросить легкий дождь.

– Послушайте, мистер Гоббс, нам еще далеко идти?

– Уже пришли. Нас ждет карета, – сказал он, и Рута увидела старую покосившуюся повозку, запряженную грустной клячей.

– Но вы же говорили, что это неподалеку.

– Вы так устали. Остаток дороги я вас довезу.

Рута залезла в повозку и позволила монотонному цоканью копыт и легкому покачиванию экипажа усыпить себя. Когда повозка наконец остановилась, она не увидела ничего, кроме старого разваливающегося здания в окружении поросших сорняками участков.

Рута поежилась.

– Вы говорили, что держите пансион. А здесь ничего, кроме развалин.

– Дорогая, глаза вас обманывают. Посмотрите как следует, – шепнул мистер Гоббс.

Он взмахнул рукой, и перед ней предстал небольшой квартал: уютные, миловидные дома, а в самом конце улицы высился нарядный особняк вроде тех, в которых живут меценаты с фамилиями Карнеги или Рокфеллер. Неужели мистер Гоббс один из таких? Легкая морось между тем превратилась в дождь. Ее вельветовые туфли с пряжками из стразов – дорогая покупка, недельная зарплата, между прочим, – могли запачкаться, поэтому она проследовала за своим новым знакомым к дому. Черная кошка перешла Руте дорогу, она под-

скачила от неожиданности и нервно засмеялась. Иногда она становилась такой же чокнутой, как тетушка Пела, повсюду видевшая недобрые знаки. Дверь за ее спиной громко заскрипела на петлях и захлопнулась. Рута снова вздрогнула. Незнакомец улыбнулся в пышные усы, и Рута заметила, что улыбка не затрагивает его ледяных синих глаз. Она быстро выкинула эту глупую мимолетную мысль из головы. Ей удалось спрятать от дождя, и через пару минут она сможет присесть и дать отдых своим стоптанным до мозолей ногам.

В комнате стоял неприятный запах. Пахло сыростью, гнилью и чем-то еще, что она не могла определить, но желудок крутило. Она прикрыла нос рукой.

– Увы, несчастный кот провалился между стен дома и застрял. Думаю, это его запах, – объяснил мистер Гоббс. – Но вы устали и замерзли. Присядьте, я разведу огонь.

Рута прошла за ним в соседнюю комнату. Прищурившись, она смогла различить в темноте очертания камина. Оступившись, Рута оперлась о стену, чтобы не упасть. Ладонь попала во что-то мокрое и липкое. Отдернув ее прочь, Рута вытерла пальцы о платье, поевившись от отвращения.

Мистер Гоббс встал перед темным камином, и в то же мгновение в нем с ревом взметнулся огонь. Рута попыталась понять, как это вышло. «НЕТ», – принялась она убеждать саму себя. Он положил в очаг дрова и поднес спичку. Конечно же, иначе и быть не могло. Просто она этого не заметила, но это ничего не значит. Да, она, кажется, повредила рассудком из-за этого чертова марафона.

– Думаю, мне все же стоит позвонить родителям. Они будут недовольны, что я задерживаюсь.

– Конечно, дорогая. Я разбужу сестру. Но первым делом, как я и обещал, – кофе.

В ее руке непонятно откуда появилась чашка.

– Выпейте. Я скоро вернусь.

Кивнув и коснувшись полей цилиндра, странный человек скрылся из виду. Однако она слышала, как он напевает, и мелодия эта ей совсем не нравилась. Она вызывала мурашки. Кофе был крепкий и терпкий, со странным горьким послевкусием, но заполнял теплом пустой желудок, и Рута решительно осушила чашку. Но казалось, с ее усталостью уже ничто не справится. Рута смотрела на огонь, и ее стало клонить в сон. Веки становились все тяжелее и тяжелее...

Рута проснулась от того, что уронила голову на грудь. У нее во рту остался странный привкус. Огонь в камне погас. Как долго она проспала? Позвонила ли родителям? Нет, не успела. А где мистер Гоббс? А его сестра?

Рядом с ногой Руты пробежала крыса. Рута взвизгнула и подскочила, почувствовав, что за ней наблюдают. Будто сама комната была живой. Она готова была поклясться, что стены дышат. Но это невозможно!

– Мистер Гоббс! – позвала она. – Мистер Гоббс!

Он не отвечал. Куда он делся? И где она сама? Зачем она с ним поехала? Как она только могла уехать непонятно куда с незнакомым человеком? Нет, он не был незнакомцем, напонила она самой себе. Это был добрый мистер Гоббс, который считал ее особенной. Мистер Гоббс, который общался с миллионерами. Который может достать ей путевку в большое будущее.

Но почему тогда ей так жутко?

Стены дома, окружавшие ее, буквально дышали злом. Вот оно, это слово. Зло. Руту осенило в тот момент, когда она прошла мимо одинокой газовой лампы на стене. Ее неверный свет выхватывал часть стены, выкрашенную насыщенной охристой краской. И в следующее мгновение Рута обратила внимание на грязный кусок обоев, висевший клочьями. Вниз, в полумрак, от него уходили какие-то потеки. Она посмотрела внимательнее и увидела

грязные отпечатки пальцев. Нет. Это не грязь. Кровь. Кровавые отпечатки. Четыре. Одного не хватало.

Сердце в ее груди подскочило, и ноги стали вялыми, как вареные макароны. Похоже, она совершила ужасную ошибку. Обернувшись, Рута стряхнула последние остатки морока, и дом предстал перед ней в своем истинном обличье: мрачная, гниющая дыра, покрытые плесенью стены. Ужасная вонь ударила Руте в нос, ее чуть не стошнило. И повсюду крысы. Как же она ненавидела крыс. Тихонько взвизгнув от отчаяния, Рута поплелась вперед, будто пытаясь убежать от темноты. Где же дверь? Никаких признаков выхода! Будто дом сам скрывал от нее путь к бегству. Будто хотел навеки замуровать ее внутри.

«И на ее челе красовалось загадочное имя: Блудница из Великого Вавилона»...

Она не видела этого странного человека, но слышала голос. А потом он стал насвистывать эту отвратительную мелодию. Отсюда должен быть выход! Окно справа выглядело многообещающе, и она из последних сил бросилась к нему. Через деревянные рейки, которыми было забито окно, она увидела какого-то бомжа, зашедшего за угол помочиться.

– Эй! Мистер! Мистер, помогите мне! Пожалуйста, помогите! – закричала она, но, поняв, что ее не слышно, стала барабанить кулаками по рейкам. Затем попыталась оторвать одну из планок. Из-под ногтей стала сочиться кровь, она исколола ладони занозами. Пьянчужка снаружи закончил свое мокрое дело и, шатаясь, побрел прочь. Рута сползла на грязный пол, всхлипывая.

Когда Руте было три года, мама прятала ее в огромный сундук, чтобы хозяин квартиры не узнал, что в семье есть еще один ребенок, и не вышвырнул их прочь. Она сидела в темноте, сжавшись в комочек, от ужаса не способная двинуться. Ей казалось, что она провела там целую вечность, и с тех пор страх западни снова превращал ее в беспомощного ребенка. Запаниковав, она полностью утрачивала здравый смысл. Рута принялась в отчаянии кидаться из стороны в сторону. Лабиринт коридора приводил ее только в страшные темные комнаты, за распахнутыми дверями оказывались кирпичные стены. И повсюду ее преследовал этот страшный мотив. Наконец Руте удалось найти еще одну дверь. Она взялась за дверную ручку, и тут под ней открылся люк. Рута пролетела несколько метров вниз и оказалась в затхлом подвале. Ушибленная лодыжка страшно заболела. Рута закричала от боли и досады, затем попыталась встать, но тщетно – боль была невыносимой, и она рухнула на грязный пол.

Потолок над ее головой закрипел. Она услышала жуткое посвистывание. В голове уже не осталось никаких мыслей, кроме одной: желания выжить. Рута поморгала, чтобы глаза привыкли к темноте. Очевидно, она упала с большой высоты: улица была в метрах четырех над ней. Здесь наверняка можно орать до одури, и тебя все равно никто не услышит. Ей нужно какое-нибудь оружие. Рута поползла вперед, сантиметр за сантиметром, пытаясь нащупать что-нибудь, что может пригодиться. Наконец под ее рукой оказалась какая-то гладкая палка. Слишком легкая, но если попасть ею в глаз или горло, могла и ранить. Прижав палку к груди, Рута вся обратилась в слух. Где-то над ней раскрылась дверь, и показался тоненький лучик света. Рута увидела вдалеке лестницу. В таком состоянии это непреодолимая преграда для нее. Остается только надеяться на палку. Ей придется сделать нечто большее, чем нанести рану.

Мистер Гоббс закрыл дверь, и свет пропал. Рута снова оказалась в полной темноте, как много лет назад в сундуке. Она пыталась дышать как можно тише, хотя ей хотелось кричать изо всех сил. Шаги незнакомца гулко раздавались все ближе и ближе к ней, и Рута поняла, что он может ходить без трости. Жуткая мелодия эхом отдавалась от потолка. В этот раз он добавил слова: «Страшный Джон, Страшный Джон, в белый фартук наряжен. Вскроет горло, кости заберет и за пару камней толкнет».

У Руты застрял ком в горле. Она даже боялась сглотнуть. Старый очаг внезапно ожил, в нем загорелось пламя, которое залило комнату оранжевым светом с жутковатыми тенями.

Рута съежилась за обрывками ветхой занавески, оставшейся висеть здесь на веревке для белья с незапамятных времен, и принялась наблюдать через обрывки материи. Она не видела мистера Гоббса, но слышала его.

– ...Великого Вавилона, Блудница Наряжена и Брошена в Пучину Морскую, как и вся мерзость земная. И это было пятое приношение, как пожелал того Господь Бог.

Язык Руты присох к горлу. Что-то непонятное шевелилось в темноте по углам, но как только она поворачивала голову, все исчезало. Левая нога полностью онемела.

– ...И увидел я новые небеса и новую землю, прежние земля и небо ушли в небытие, и моря не стало. И я, Джон, увидел святой город. Новый Иерусалим, что спускался прямо из Рая от Господа Бога нашего, нарядный, как невеста, встречающая жениха. И услышал я глас с небес, твердящий, узри Обитель Божью, где Бог будет жить с людьми, и они станут его приближенной паствой, и Бог пребудет с ними навечно. Ты слушаешь, Руби?

Рута прижала к груди свою палку и ничего не ответила.

Страшный человек бросил что-то в очаг, так что пламя яростно взревело.

– И он воссел на трон и сказал, узри, я сотворил все заново. Я – Альфа и Омега, начало и конец. Я дам всем жаждущим фонтан с водой свободной жизни. А тот, кто придет следом, унаследует все сущее, и я буду Богом его, а он будет мне сыном.

Он расхаживал по комнате и продолжал говорить:

– Но неверующие, недостойные, распутники и идолопоклонники обретут кару в озере из пламени и серы. И только избранные восстанут вместе со Зверем. И мир падет в прах.

Он находился на противоположном конце комнаты, это было понятно по звуку голоса. У Руты все расплывалось перед глазами и душа ушла в пятки. Она с ужасом поняла, что не в состоянии шевелить ногами. Что с ней происходит? Потом она вспомнила надушенный платок и кофе, который недавно выпила, и ее сердце бешено застучало. Что он в них подмешал? Она перевела взгляд на палку в своих руках. Это была человеческая кость. Завопив от ужаса, Рута выронила ее из ослабевших рук. Занавеска отлетела в сторону. Мистер Гоббс навис над ней, как страшное древнее божество.

– Пусть вас не смущает моя внешность, дорогая. Я только начинаю перерождаться.

Его руки и шея были покрыты странными татуировками, знаками, смысла которых Рута не понимала. Символы струились, как рябь на воде, и наплывали друг на друга. Его плоть двигалась, будто под кожей находилось что-то живое. Ужас заставил ее забыть все языки, кроме родного, и она принялась молиться на польском.

Он нахмурился:

– Молитвы? А я думал, вы современная девушка индустриальной эпохи.

В неверном освещении камина он казался сущим демоном. Рута почувствовала, что ее руки постепенно начинают неметь. Она застучала зубами.

– Пожалуйста. Пожалуйста. Я никому не скажу.

– Но вы скажете.

Страшный человек взял Руту за бесполезную ослабевшую руку и потащил за собой, как соломенную куклу.

– Я уже говорил, что тебе суждено выполнить великое предназначение. Ты, Руби Бэйтс, станешь началом конца. Страшный Джон, страшный Джон, в белый фартук наряжен...

Подтащив ее к противоположной стене, он нащупал что-то сухими и бледными, как у мертвеца, пальцами. Раскрылась невидимая до этого дверь, и показалась тайная комната.

– Nie, nie, nie... – по-польски лихорадочно зашептала Рута, будто пытаясь заставить дверь закрыться.

– Я тот, кто жил, и тот, кто умер, узри – я снова жив, аминь; у меня ключи от врат ада и смерти.

Он улыбнулся, и в его глазах Рута увидела адское пламя и страшные черные водовороты; ее мочевого пузыря не выдержал.

– Ритуал начинается, – сказал страшный человек. Он потащил Руту в потайную комнату, а она могла только кричать от ужаса.

Глава 7

Незнакомый прохожий

«Знаменитый нью-йоркский клуб “Хотси Тотси” представляет вам своих прекрасных девочек и оркестр Конта Кэрутерса!»

Мемфис Кэмпбелл из-за кулис наблюдал, как полуголые танцовщицы в откровенных нарядах выходят на сцену. Сегодня в клубе была настоящая жара. Труба Гэйба просто вопила, и Конт рвал на части все восемьдесят восемь клавиш пианино. Гэйб неожиданно сыграл фрагмент из «Прекрасной Америки»²⁵, молниеносно превратил его в траурный марш, сорвал ноту и снова поймал ритм клубной мелодии. Белые ребята в зале ничего не заметили и не поняли, но темнокожие лица расплылись в улыбках.

Гэйб выдал последнюю душераздирающую ноту. Зрители захлопали, танцовщицы раскланялись и со смешками и болтовней покинули сцену. Фигуристая девушка с необычным именем Джо провела пальцем по щеке Мемфиса, когда проходила мимо.

– Привет, Мемфис!

– И тебе привет.

Подруга Мемфиса, Альма, закатила глаза и принялась поправлять свой сценический костюм.

– Слушай, Мемфис, ты сегодня занимаешься работой или личной жизнью?

– Надеюсь, что и тем и другим.

Джо захихикала и пощекотала его плечо. Мемфис применил свою фирменную улыбку.

– Незнакомый прохожий! – начал он, приложив руку к сердцу. – Ты и не знаешь, как жадно я смотрю на тебя. / Ты тот, кого я повсюду искал (это меня осеняет, как сон), / С тобою мы жили когда-то веселую жизнью...

– Это ты сочинил, милый? – промурлыкала Джо.

Мемфис покачал головой.

– Это Уолт Уитман, «Незнакомцу». Не читала?

– Она не читает ничего, кроме сплетен в газетах, – вмешалась Альма. Джо обожгла ее убийственным взглядом.

– Ты многое пропускаешь, – сказал Мемфис, включив обаяние на полную катушку.

– Этот парень живет в библиотеке на 135-й улице. Хочет стать новым Лэнгстоном Хьюзом²⁶, – во всеуслышание заявила Альма.

– Это правда? – спросила Джо.

– Я могу как-нибудь почитать тебе стихи.

– Как насчет воскресенья? – спросила Джо, облизнув губы.

– Воскресенье – мой самый любимый день недели.

Альма снова закатила глаза и подтолкнула Джо в очередь на сцену.

– Пора, девочки. У нас нет времени на всякие глупости. Нужно переодеваться к номеру с луной.

– Пока, милый. – Джо послала Мемфису воздушный поцелуй, и он сделал вид, что поймал его.

– Мемфис! – прорычал режиссер-постановщик с сигарой в зубах. – Я плачу тебе не за то, чтобы ты мне девочек портил! Папаша Чарльз хочет тебя видеть. Немедленно.

²⁵ Популярная патриотическая песня, написанная в конце XIX века, из которой одно время хотели сделать государственный гимн.

²⁶ Знаменитый поэт, прозаик и эссеист афроамериканского происхождения.

В узком коридоре они столкнулись с Гэйбом и Контом, спешившими назад на сцену.

– Эй, большой босс. – Гэйб пожал Мемфису руку. – Мы идем на субботнюю вечеринку? Там будет табор покладистых девиц и море виски.

– Что за виски? Смотри не купи дешевой бормотухи у какого-нибудь проходимца, а то наша с тобой последняя вечеринка будет в морге! – Давно ходили слухи о том, что некоторые бутлегеры разбавляют спиртное керосином или бензином.

Гэйб многозначительно развел руки и улыбнулся:

– Доверься мне, приятель!

Мемфис засмеялся. Гэйб был единственной постоянной величиной в его жизни, кроме Исайи. Они познакомились в четвертом классе, когда директор школы поймал Гэйба за продажей сигарет на школьном дворе, и Мемфису доверили следить за его поведением и успеваемостью. С тех пор так и повелось: Мемфис всегда готов был вызволять Гэйба из неприятностей, а тот радостно и неумолимо искал приключений для них обоих. Гэйб относился серьезно только к музыке. Он был одним из лучших трубачей города. Слухи о тощем малом с огромным талантом расходились быстро, и даже сам Дюк Эллингтон приходил послушать как он играет. Поэтому папаша Чарльз его не выгонял. Гэйб был раздолбаем и хулиганом, но как только он брался за трубу, становилось понятно: оно того стоило.

– Выходили курнуть. Дури не хочешь? – спросил Гэйб. У него уже покраснели глаза.

Мемфис покачал головой:

– Нет, мне нужно оставаться сосредоточенным.

– Поступай как хочешь, бабуля.

– Я так и делаю, – отозвался Мемфис. Он поправил налобный фонарик, повернув нагретшуюся лампочку, и прошел по туннелю в следующее здание, где находились офисы и бухгалтерия. Несколько секретарей сидели за длинным столом, подсчитывая прибыль от сегодняшней лотереи. Мемфис поздоровался и проскользнул в кабинет папашы Чарльза. За столом красного дерева сидел сам папаша Чарльз. Заканчивая телефонный разговор, он махнул Мемфису на кресло напротив, чтобы тот подождал.

Папаша Чарльз был общепризнанным королем Гарлема. Он контролировал лотерею, скачки и боксерские матчи. Крышевал бутлегеров и договаривался с полицейскими. Если нужны были деньги в долг, все шло к папаше Чарльзу. Когда церкви требовалось новое здание, папаша Чарльз вносил пожертвование. Школы, студенческие общества и даже баскетбольная команда Гарлема, «Нью-Йорк Ренессанс», или «Ренс», частично финансировались папашей Чарльзом, Элегантным Джентльменом. Несколько ночных клубов и подпольных баров, как, например, «Хотси Тотси», благодаря ему могли приглашать лучших музыкантов и танцоров города.

– Что ж, пока в Гарлеме идет моя лотерея, он останется черным, – твердо сказал папаша Чарльз. – Так что можете передать этому голландцу Шульцу и компаньонам мои слова.

Он бросил телефонную трубку, открыл серебряный ящик и выбрал сигару. Затем откусил кончик и метко выплюнул его в корзину. Мемфис дал ему прикурить, стараясь не закашляться, когда комнату наполнили первые клубы дыма.

– Какие-то неприятности?

Папаша Чарльз неопределенно махнул рукой, отгоняя дым и тревожные мысли.

– Белые бутлегеры хотят заправлять лотереей в Гарлеме. Но я этого не допущу. Хотя они изо всех сил стараются усложнить нам жизнь. Я слышал, что копы накрыли одну из точек Куини прошлой ночью.

– Я думал, что она от них откупилась.

– Так она и сделала. – Его сигарное молчание делало воздух таким плотным и пряным, что его можно было нарезать ломтями. – Белые ребята быстро потеряют интерес к нашему

бизнесу. Хватит с них и бутлегерства. Но пока стоит быть начеку. Я предупредил всех своих букмекеров. Как поживает тетя Октавия?

– Хорошо, сэр.

– А Исайя? У него все в порядке?

– Да, сэр, спасибо.

– Чудесно. Как там на улице?

– Без сучка и задоринки, как мелодии Гэйба.

Папаша Чарльз довольно улыбнулся:

– Лучший способ понять бизнес – начать с самых улиц. Когда-нибудь ты сможешь работать бок о бок со мной.

Мемфису не хотелось работать с папашей Чарльзом. Ему хотелось декламировать свои стихи на одном из поэтических салонов мисс Лейлы Уолкер, рядом с Каунти Калленом, Зорой Нил Херстон и Джинном Тумером²⁷. А может быть, рядом окажется сам мистер Хьюз.

– Все в порядке, сынок? Что-то случилось?

Мемфис включил фирменную улыбку.

– Вы же знаете, сэр. Я никогда не поддаюсь печали.

Папаша Чарльз улыбнулся, сжимая в зубах сигару:

– Вот тот Мемфис, которого я знаю.

Старый добрый Мемфис. Надежный Мемфис. Милый, покладистый Мемфис. С ним можно смело оставить младшего брата. Когда-то он был звездой. Чудотворцем. Но все кончилось плохо. Он больше не станет так рисковать. Теперь он доверял свои чувства только страницам дневника.

– Пришла пора собирать «подарки» от наших благодарных друзей, – сказал папаша Чарльз кодовую фразу. Так назывались деньги, выплачиваемые за «крышу» Элегантному Джентльмену, если владельцы бизнеса хотели остаться на плаву. Город работал на коррупции так же, как на электричестве.

– Да, сэр.

– Мемфис, ты точно в порядке?

Мемфис снова улыбнулся ему:

– Лучше не бывает, сэр!

Выходя из клуба, Мемфис кивнул шоферу папашы Чарльза, стоявшему около новенького «крайслера-империала», и затем смешался с толпой на Ленокс-авеню. Он обходил клубы, находившиеся в собственности папы Чарльза – «Е-мэн», «Могила падших ангелов», «Вупи», – и подпольные бары, притаившиеся в подвалах зданий в переулках. Он заходил в подсобки, с воздухом, серым от табачного дыма, где люди за зелеными суконными столами играли в карты, резались в пул или бросали кости. Женщины заговаривали с ним, брали за подбородок, называя красавчиком, просили с ними потанцевать. Он отнекивался, смягчая отказ улыбкой. Иногда владельцы клубов приглашали его выпить или посмотреть танцевальное шоу, послушать джаз. А время от времени просили подождать в полутемном офисе, и он сидел в одиночестве, гадая, придут ли сейчас с деньгами или со стволом, чтобы убить его. Он заносил цифры в аккуратные столбцы своего гроссбуха, уклончиво отвечая на вопросы, знает ли папа Чарльз о ставках на будущую игру или бой.

– Я всего лишь букмекер, – говорил он и мило улыбался.

На улице он держал ухо востро: следовало опасаться копов в штатском. Если его арестуют, папаша Чарльз вызволит его через пару часов, но судьбу испытывать все равно не хотелось.

²⁷ Поэты и писатели эпохи гарлемского ренессанса.

В «Хотси Тотси» Мемфис вернулся уже в двенадцатом часу. К нему подбежал встревоженный Гэйб.

- Большой босс, где тебя носило?
- Ходил по делам. А что?
- Пойдем быстрее! Там Джо. Она упала и сильно пострадала.
- Так вызовите врача.
- Но она хочет видеть тебя, Мемфис.

Джо сидела на полу у лестницы вся в слезах, окруженная встревоженными танцовщицами. Через щель в занавесе Мемфис видел, что публика уже проявляет нетерпение – пора было начинать следующий номер, а лодыжка Джо распухла прямо на глазах.

– Зацепилась каблуком за вторую ступеньку и подвернула ногу, – пролепетала она сквозь слезы. – Господи, пожалуйста, вот бы я ее не сломала.

- Лучше скажите Франсине, что она в деле, – сказала одна из танцовщиц.

Джо затрясла головой.

- Я должна танцевать сегодня. Мне нужны деньги!

Она посмотрела на Мемфиса снизу вверх глазами, полными слез.

– Я помню все, что о тебе говорили. На что ты способен. Прошу тебя, Мемфис, помоги мне.

Мемфис стиснул зубы.

- Я больше не могу этого делать.

Джо зарыдала, и Гэйб положил руку Мемфису на плечо.

- Ну же, брат. Хотя бы попытайся...

– Я же сказал вам, что не могу!.. – крикнул Мемфис, стряхивая руку Гэйба, и пулей вылетел прочь. Режиссер-постановщик взял Джо на руки и унес несчастную девушку со сцены. Распорядитель объявил следующий номер, «блэк боттом», и танцовщицы с Франсиной выскочили под свет софитов, не прикрытые почти ничем, кроме улыбок. Мемфис сдал деньги, которые собрал за сегодняшний обход, и вышел в ночь, выбитый из колеи воспоминаниями о тех временах, когда он был совсем другим – золотым мальчиком с целебными руками: Чудо-Мемфисом, Гарлемским Целителем.

Целительские способности свалились на Мемфиса неожиданно после болезни, в четырнадцать лет. Он лежал в бессознательном состоянии несколько дней, его мучили странные видения и трясла лихорадка. Мать не отходила от его постели. Когда он наконец выздоровел, они отправились в церковь, чтобы поблагодарить Бога. В то воскресное утро в методистской церкви Сиона он впервые вылечил человека. Его семилетний брат Исайя упал с дерева и сломал руку. Кость торчала из-под кожи. Мемфис только хотел успокоить плачущего брата и прикоснулся к нему. Неожиданно он почувствовал, как под его ладонями и кожей Исайи возник жар, и впал в транс. Глаза закатились, и он почувствовал, как вылетел из тела и оказался в чем-то, похожем на царство Морфея. В странном бездонном пространстве он видел то, что не в силах был понять: чьи-то лица в густом тумане, призрачные очертания человеческих фигур, и чаще всего – странного незнакомца в высоком цилиндре и плаще, будто сотканном из земли. Последовала яркая вспышка света, нечто похожее на легкое трепетание крыльев, и Мемфис пришел в себя. Его колотил озноб, вокруг собралась толпа. Исайя выполз из-под его рук и покрутил зажившей рукой.

- Мемфис, ты ее вылечил! Как ты это сделал?

– Не з-знаю, – несмотря на одуряющую летнюю жару и мокрый от пота воротничок выходной рубашки, Мемфис трясся, будто от холода.

- Это чудо! – крикнул кто-то. – Возблагодарим Иисуса!

Мемфис увидел, как его мама стоит среди пораженной, охваченной благоговейным страхом толпы, прикрыв рот рукой, и испугался, что его накажут. Вместо этого она подбежала и крепко обняла его. Когда она отстранилась, Мемфис увидел слезы в ее глазах.

– Мой сын – целитель, – прошептала она, нежно заключив его лицо в своих ладонях.

– Слышали? Парень – целитель! – закричал кто-то. – Помолимся же!

Склонив головы, они протянули к нему руки, и Мемфис почувствовал прикосновения на голове и плечах: они благословляли его, а мама сжимала его ладонь в своей. Его страх сменился ликованием. «Я сделал это, – обескураженно подумал он. – Как я это сделал?»

Только тетя Октавия не поддержала всеобщего восторга.

– А зачем наш милостивый Господь наделил такой способностью несмышленного мальчишку? – тихонько спросила она у мамы, когда они остались одни в доме на 145-й улице. Они сидели в гостиной, слушали радио и чистили бобы на ужин. Стояла такая жара, что невозможно было спать, и Мемфис встал попить воды. Когда он услышал разговор мамы с тетей, то спрятался в темном коридоре и стал подслушивать. – Виола, нет добра без худа. Иногда дар может оказаться и проклятием. Что, если это испытание от Господа? Что, если это происки дьявола?

– Замолчи, Октавия, – ответила мама. Она редко перечила старшей сестре, но в тот момент Мемфис испытал чувство гордости за нее и сомнения – за себя самого. Странный холодок пробежал у него по спине. – Мой сын – особенный. Ты увидишь.

– Что ж, надеюсь, что ты не ошибаешься, Ви, – сказала Октавия после долгой паузы, и затем уже не раздавалось ничего, кроме звонких щелчков бобовой шелухи и стука бобов, падающих в миску.

В гарлемских церквях быстро разошелся слух о способностях Мемфиса. Когда пастор Браун запретил ему лечить людей в церкви Сиона, сказав: «Мы не та религия, Виола», – мама стала водить его по протестантским пятидесятническим и спиритуалистским церквям, несмотря на предостережения Октавии. «Они – низкопробные трясуны-фанатики, а некоторые из них якобы говорят с мертвыми, – Ви, это до добра не доведет, поверь мне».

И с тех пор каждое четвертое воскресенье месяца Мемфис стоял у кафедры проповедника, глядя на вдохновенные или, напротив, скептические лица. Пока хор распевал «Перейдем вброд воды», люди исступленно молились и кто-то выкрикивал имя Господа, все страждущие прихожане вереницей подходили к нему, Мемфис накладывал на них руки, чувствуя, как под ладонями разливается тепло, и каждый раз уносился в тот странный мир, где незнакомые лица мелькали в тумане. Чудо-Мемфис. Но в момент, когда чудо было так нужно, дар подвел его. Не просто подвел – он стал его проклятием.

Время от времени он ловил на себе взгляд тетки Октавии, полный жалости, смешанной с ужасом.

– Дьяволу не так трудно найти путь к нашим сердцам, помни об этом, Мемфис Джон.

Мемфис всегда считал, что его тетя одержима мыслями о происках дьявола. Но что, если она была права? Что, если с ним что-нибудь не так, что, если нечто темное и ужасное просто затаилось, поджидая, чтобы нанести удар? Мысли об этом были такими же, как его сон, – беспокойными и совершенно неразборчивыми.

Происшествие с Джо взбудоражило Мемфиса, и поскольку его дела на сегодня были закончены, он вскочил в двухэтажный автобус компании «Файв-авеню Коуч», направлявшийся к центру, и сошел на 155-й улице. Пройдя несколько кварталов на север, он свернул к реке и направился к старинному африканскому кладбищу на отвесном берегу, последнему пристанищу освобожденных рабов и чернокожих солдат. Там, в покое и тиши, среди своих далеких предков, Мемфис мог спокойно сидеть и писать стихи. В маленьком дупле старого кряжистого дуба он нащупал тайник с керосиновой лампой и зажег ее спичками, которые стащил из клуба «Е-мэн». От маленького огонька исходил спокойный, уютный свет. Мемфис

уселся на прохладную землю и раскрыл дневник. Теперь сочинение стихов заменило ему целительство; кроме того, он не чувствовал себя таким одиноким. Иногда это работало, а иногда нет. Он не прекращал попыток. Склонив голову над дневником, освещенным лампой, он преследовал слова и рифмы, словно пытаясь поймать кометы за ускользающий хвост. Вокруг него Гарлем оживал, творили писатели, музыканты, поэты и мыслители. Они меняли мир, делали его прекраснее. Мемфис хотел стать участником этих перемен.

Из задумчивости его вывело неприятное карканье. Черный ворон примостился на надгробном камне неподалеку. Мама когда-то говорила, что вороны – предвестники смерти, живые предупреждения. Конечно, теперь это звучало глупо – какие-то старые афро-американские суеверия. Птица – всего лишь птица. Тут Мемфис вспомнил о том, что в его странном сне тоже появлялись вороны, но мысль ускользнула. Час был поздний, и глаза Мемфиса горели от усталости. Сегодня больше никакой поэзии. Он задул лампу, убрал пожитки в рюкзак и пошел по пустынной улице, на которой кое-где одиноко светили газовые фонари. Полная луна обливала холодным золотом холм с пустым старым домом на вершине: особняком Ноулсов. В отдалении жались домишки поменьше. В особняке никто не жил с тех самых пор, как Мемфис себя помнил. Он вызывал у него неприятные ощущения, и Мемфис старался держаться от него подальше, не ленись переходить на другую сторону улицы.

Холодный свет заливал заколоченные окна и давно не стриженный, заброшенный газон, слегка касаясь мраморных крыльев поверженной статуи ангела, и мертвые деревья на ветру казались живыми. Мемфис покосился на особняк и встал как вкопанный. Краем глаза он заметил какое-то движение. Что-то в доме изменилось, но он не мог понять, что именно.

Надоедливый ворон пролетел совсем близко, заставив Мемфиса вздрогнуть от неожиданности, и он поспешил своей дорогой. Вновь оказавшись на оживленных улицах Гарлема, Мемфис посмеялся над своей неожиданной трусостью. Среди ярких неоновых огней, шумных джазовых клубов и снующих мимо компаний нарядных горожан, Мемфис чувствовал себя как рыба в воде. По улице плелся слепой Билл Джонсон, постукивая тростью по мостовой. Мемфису почему-то не хотелось разговаривать со стариком, поэтому он нырнул в переулок и поспешил прочь. Было приятно бежать вот так, в теплой сентябрьской ночи. Дневник со стихами, любимые книги, карманы, полные денег, – у него все при себе, так о чем волноваться? Пора прекращать заниматься самообразованием и начать наслаждаться жизнью. Оставив все плохие мысли позади, Мемфис направился в Гарлем. Проходя мимо Шугар-Хилла, он стал заглядывать в окна, залитые теплым янтарным светом, надеясь, что когда-нибудь станет жить такой же жизнью, и с этими мыслями пошел домой.

Его младший брат Исайя спал в дальней комнате, в узкой кроватке у окна. Мемфис снял ботинки, разделся и залез в постель тихо, как мышь. Исайя вдруг сел в кровати. Мемфис затаил дыхание, надеясь, что брат снова ляжет и уснет.

Исайя сидел спокойно и очень прямо, глядя куда-то в темноту.

– Я – Змий-искуситель. Я – Зверь, – вдруг произнес он.

Мемфис приподнялся на локтях.

– Эй, снеговик? Ты в порядке?

Исайя не смотрел на него:

– Я встану у вашего порога и постучу.

Спустя несколько мгновений он провалился на подушку и тут же уснул. Мемфис пощупал его лоб, но тот был прохладным. Кошмар приснился – догадался Мемфис. В ночных кошмарах он теперь хорошо разбирался. Он вернулся в постель, перевернулся на другой бок и постарался расслабиться. Вскоре веки отяжелели, и он провалился в сон.

Мемфис стоял на пыльной дороге, окруженной кукурузными полями. Облака над головой свивались в злобные черные тучи. На холме вдалеке стоял дом с красным амбаром и одиноким корявым деревом во дворе, совершенно лишенным листьев. На колышке почто-

вого ящика одиноко сидел ворон. Каркнув, птица подлетела к высокому, худому, как скелет, человеку в цилиндре и села ему на плечо. Кожа человека была серой, как унылое осеннее небо, а глаза сияли черной бездной. Желтые полумесяцы длинных, загнутых ногтей были в засохшей грязи, и на каждом костлявом пальце сверкало по кольцу.

– Время пришло, – сказал незнакомец, хотя Мемфис не заметил, чтобы его губы шевелились.

Вдруг картинка изменилась. Мемфис стоял в длинном узком коридоре, оканчивающемся железной дверью, а на двери был нарисован символ: глаз, от которого расходились солнечные лучи, и под ним, как слеза, изогнутая молния. Раздался легкий шелест крыльев, его окружил густой туман, и мама позвала его: «О, мой сын, мой сын...»

Мемфис не знал, что его щеки мокры от слез. Тихо застонав во сне, он заворочался и погрузился в новый сон, где хорошенькие танцовщицы обмахивали его веерами из перьев, посылали воздушные поцелуи и наперебой твердили, что мир будет у его ног.

Глава 8

Сон Эви

Все начиналось, как обычно, – сырой лес, туман и снег. Джеймс стоял на краю опушки в форме цвета хаки, угрюмый и очень бледный. Эви открыла рот, чтобы произнести его имя, но во сне она была немой, безголосой. Джеймс молча поманил ее за собой.

Лес постепенно редел, и они вышли к небольшому лагерю. Молодой парень с погонами сержанта начал выкрикивать какие-то приказы, и лес ожил – все потушили сигареты, побросали алюминиевые кружки с кофе, надели противогазы, заняли позиции и замерли в ожидании.

У них над головами клубились тяжелые, темные облака. И вдруг вспышки молний одна за другой пронзили сумрак – первая, вторая, третья! Кто-то оттащил ее в глубокую траншею, и, поскользнувшись на гладкой, утоптанной земле, среди ходов, похожих на гигантскую разросшуюся могилу, Эви спряталась от врага, которого не могла увидеть. Молчание было просто уничтожающим, будто вселенная перестала дышать, и Эви с каким-то странным, отстраненным восторгом наблюдала, как небо разорвала очередная вспышка ослепительного света. Ударная волна с небывалой силой впечатала ее в землю, как рука злобного великана.

В воздухе клубился дым, смешанный с хлопьями пепла. Спотыкаясь и падая, Эви на четвереньках выбралась из траншеи и рухнула на солдата, кости которого были размолоты, словно кто-то покрошил его, как печенье. Глаз не было, а рот раскрылся в дикой улыбке. Кровавые потеки покрывали его вмиг иссохшие, ввалившиеся щеки. Завопив, Эви бросилась вперед, на поляну, где бездыханные тела солдат были разбросаны, как сорванные и забытые полевые цветы. Деревья обуглились и почернели, превратившись в мертвые остовы. То тут, то там Эви видела тени солдат, сливавшиеся с густым туманом, но стоило только повернуть голову в их сторону, как все исчезало. Эви отчаянно звала Джеймса. И наконец на тропинке она увидела его, живого и невредимого! Она бросилась к брату, хотя он махал руками, пытаясь предупредить о чем-то. Джеймс повторял какие-то слова, но Эви не могла их услышать. Его глаза. Что-то начало происходить с его глазами. И вдруг его руки свело судорогой, а голова запрокинулась назад. Последовала еще одна яркая вспышка.

Эви проснулась вовремя и успела уткнуться в подушку, чтобы не разбудить весь дом воплями. Вентилятор у кровати работал на полную катушку, но она вся была в ледяном поту. Дрожащими руками нащупав выключатель ночника, Эви некоторое время моргала от света. Обнаружив, что находится в непривычном месте, она еще больше растерялась. Стало не хватать воздуха. Тогда она открыла окно и по ветхой пожарной лестнице выбралась на крышу, на прохладу и простор. Джерихо оказался прав: отсюда открывался великолепный вид. Манхэттен развернулся перед ней, как бархатная мантия чародея, усыпанная бриллиантовыми звездами. Даже в этот час по городу разносился шум поездов. Нью-Йорк оказался таким же неумным и беспокойным, как она сама. На карнизе сидел голубь и, воркуя, клевал какие-то крошки.

– Детка, мы с тобой возьмем этот город штурмом, – сказала Эви себе и вытерла слезы, из-за которых огни города сливались в одну размытую яркую кляксу. – Не раскисай, старушка.

Эви запрокинула голову, позволила ветру поцеловать себя в щеки и раскинула руки, будто собираясь обнять весь Манхэттен. Она пообещала себе, что, начиная с завтрашнего дня, жизнь пойдет по-другому. Они с Мэйбел будут ходить по магазинам, в кино. По субботам станут ездить на Кони-Айленд, мочить ножки в Атлантическом океане, а потом кататься

на американских горках «Молния». Вечерами она будет блистать на вечеринках так, будто в жизни нет никаких мертвых братьев и страшных снов. Все будет замечательно.

Эви обхватила себя руками, словно боясь, что вот-вот рассыплется на куски. Потеревшись носом о рукав ночнушки, она замурлыкала любимую мелодию.

– И городской суете не разрушить парней и девчонок мечты, остров Манхэттен они превратят в землю счастья, любви, красоты.

Поезд с грохотом пронесся мимо, спугнув с карниза зазевавшегося голубя.

* * *

Город жил своей жизнью – в каньонах из стекла, бетона и кирпича, залитых неоновым светом. Люди встречались, люди расставались, спешили по делам и бездельничали. Под землей грохотало метро. Надрывались автомобильные гудки. Светофоры меняли зеленый на желтый, красный и все по-новой.

В Гарлеме слепой Билл Джонсон лежал на койке в приюте христианской миссии и ждал, когда к нему придет сон. В комнате было так жарко, будто он снова стоял на хлопковом поле в Миссисипи и чувствовал затылком неумолимый раскаленный взгляд солнца. И сейчас он мог видеть этот плотный, как масло, свет в своей памяти, остававшийся таким, даже если он пробивался сквозь тучи или отражался в полированных боках дорогих авто, на которых ездили люди, больше похожие на тени.

Мэйбел Роуз читала при свете ночника, стараясь не обращать внимания на крики спорящих в соседней комнате родителей. В конце концов она отложила книгу, перевернулась на спину и принялась смотреть в потолок, представляя себе, как несколькими этажами выше Джериго так же лежит в постели и мечтает только о ней.

На африканском кладбище ветер играл листьями между старых могил, сдувал их к холму с одиноким домом. Рядом со сломанной статуей ангела мелькнула длинная тень. Слепые глаза ангела не видели, как незнакомец вытер окровавленные руки, а глухие уши не слышали жуткую мелодию, которая много лет назад вызывала холодок в сердцах. Она долго висела в воздухе, пока не растворилась в городском гаме и бешеных джазовых ритмах.

Мисс Адди стояла у большого окна, глядя на Центральный парк и замок Бельведер, залитые лунным светом. Слегка покачиваясь на каблуках, она принялась напевать песню, знакомую с детства.

– Чай почти заварился, – к ней подошла мисс Лилиан и тоже стала смотреть в окно. – Посмотри, как луна освещает Бельведер. Красота.

– Согласна. – Мисс Адди прижала ладонь к стеклу, будто собираясь сжать Бельведер в кулаке. – Сестрица, ты чувствуешь, что-то изменилось?

Мисс Лилиан кивнула с торжественным видом:

– Да, сестра.

– Они идут. – Мисс Адди снова стала смотреть в парк и не покинула своего поста до тех пор, пока свет луны не поблек, небо не загорелось рассветом и нетронутый чай, забытый на столе, не остыл.

Глава 9

Четыре всадника Апокалипсиса

Первая неделя в Нью-Йорке оказалась именно такой, как Эви рассчитывала. Днем они с Мэйбел ездили в кинотеатр смотреть на Дугласа Фэрбенкса, Бастера Китона и Чарли Чаплина. Когда выдался особенно теплый денек, они поехали по Кульвер-авеню на Кони-Айленд. Там, окунув ножки в холодные воды Атлантического океана, они прогулялись по аллеям с игральными автоматами и аттракционами, не обращая внимания на зазывавших их «пляжных Ромео». После того как Мэйбел разбиралась со школьным заданием, а Эви – со своим рекомендованным дядюшкой чтением, они ходили глазеть в Гимбелз, примеряли дорогие пальто, меховые шубы и шикарные шляпки-клош, в которых выглядели как звезды киноэкрана. Потом шли в кондитерскую «Чок-фул о’натс», где брали обжаренный арахис или останавливались у «Хорн и Хардарт», где Эви каждый раз дивилась на автомат для сэндвичей и по-детски радовалась, получая свою порцию из-за стеклянной дверки, нажав на кнопку и опустив монету в прорезь.

По вечерам они с Мэйбел спускались в вестибюль Беннингтона и, попивая коктейли с содовой, замыслили великие приключения. Как-то раз вечером, когда Мэйбел отправилась помогать родителям на очередном митинге, Эви навестила Тету и Генри. Ей открыл Генри, в смокинге поверх незастегнутой шелковой рубашки и мешковатых марокканских штанах-афгани. С первого же взгляда становилось ясно – они с Тетой не могут быть даже дальними родственниками: рыжая веснушчатость Генри составляла разительный контраст с смуглой красотой Теты. Но было также понятно, что они не любовники – просто близкие друзья.

Вальяжно опираясь на дверной косяк, Генри выразительно поднял бровь и, лениво растягивая слова, заговорил:

– Я так понимаю, вы пришли не по поводу протечки в трубах?

Эви прыснула и сказала, что может заклеить течь жвачкой «Даблминт». Генри широко распахнул дверь и торжественно сказал «*Entrez, mademoiselle!*»²⁸. Тета лежала на диване в шелковой мужской пижаме. На ее кукольной головке был изящно повязан шарф с узором из павлиньих перьев.

– О, привет, Эвил. Как дела?

Они выпили по стопке джина, который Тета стянула с вечеринки в гостинице «Уолдорф-Астория», а потом стали придумывать глупые песенки, и Генри аккомпанировал им на укулеле. Никто не жаловался, что у Эви совершенно не было слуха. Потом они до рассвета играли в карты, и с восходом солнца Эви прокралась в квартиру Уилла с ощущением, что на Манхэттене все возможно и буквально за углом ее поджидает чудо – только нужно как следует выспаться.

Первые брызги желтой и красной осенней краски коснулись верхушек деревьев в Центральном парке, и ленивое солнце бабьего лета поднялось над городом. Эви с Мэйбел и Тетой, наряженные во все лучшее, втиснулись в забитый трамвай: они ехали в кино. Втроем они примостились на заднее сиденье и теперь оживленно болтали.

– Эви, как там дела у Джериho? – спросила Мэйбел и закусила губу. Она пыталась казаться непринужденной, но совершенно не умела держать марку, и Эви поняла, что бедняга просто с ума сходит.

– А кто такой Джериho? – поинтересовалась Тета.

²⁸ Входите, мадемуазель! (*фр.*)

– Ассистент моего дяди, – объяснила Эви. – Высокий светловолосый парень.

– Он само совершенство, – сказала Мэйбел, и Тета удивленно вздернула вверх свои брови-ниточки.

– Ты что, сохнешь по нему?

– Еще как, – вмешалась Эви. – И теперь моя святая обязанность свести двух этих голубков. У нас случился затяжной пуск, но я уверена, мы все нагоним на операции «Джерихо».

– Да? – Тета серьезно окинула взглядом Мэйбел. – Тебе первым делом нужно сходить в парикмахерскую, детка.

Мэйбел рефлекторно прикрыла рукой длинную косу, уложенную завитком на затылке.

– Ой. Не думаю, что я смогу...

– Ну, если ты боишься... – Тета подмигнула Эви.

– Не все обязаны быть храбрыми, – поддразнила Эви, покровительственно похлопав Мэйбел по руке.

– Я могу остричь волосы в любое время, если только захочу сама, – возразила Мэйбел.

– Это совсем не обязательно, пирожок. – Эви невинно похлопала ресницами.

– Особенно если ты боишься, – подколола Тета.

– Я стояла лицом к лицу с разъяренными толпами на митингах и участвовала в пикетах. Как я могу бояться похода к парикмахеру! – Она фыркнула.

– Прекрасно. Тогда давайте поспорим на деньги. Ставлю доллар, что ты не пострижешься сегодня же.

– Два доллара, – добавила Эви.

Мэйбел побледнела. Но потом вздернула подбородок точно так же, как ее мать-идеалистка.

– Прекрасно! – сказала она и сделала знак водителю, чтобы он остановился.

Мэйбел нервно поглядывала на витрины салона «Эсквайр», где висело объявление: «СТРИЖЕМ! Станьте звездой киноэкрана!» и фотография хорошенькой девушки в диадеме с перьями.

– Мэбси, ты с такой прической будешь выглядеть просто сногшибательно! – сказала Эви. – Джерихо точно оценит.

– Джерихо – мыслитель и ученый. Он не обращает внимания на чушь вроде стрижек, – с дрожью в голосе сказала Мэйбел.

Тета подновила губную помаду, разглядывая себя в отражении витрин.

– Даже у ученых есть глаза, детка.

Эви взмахнула рукой, раскрывая воображаемый занавес.

– Ты только представь, как врываешься в музей совершенно другим человеком – Чаровница Мэйбел! Мэйбел-Флэппер! Мэйбел Горячая Джаз-Крошка!

– Мэйбел, Которой Пора Решиться Или Мы Опоздаем На Фильм! – добавила Тета.

– Я сделаю это.

– Молодчина! – сказала Эви. Она подтолкнула Мэйбел к входу. Потом они с Тетой подошли к витрине и приблизили лица к стеклу, чтобы лучше видеть происходящее внутри. Мэйбел сказала что-то парикмахерше, и она пригласила ее в кресло. Затем Мэйбел испуганно покосилась в сторону подружек. Эви помахала ей рукой и ободряюще улыбнулась.

– Она не станет, – сказала Тета.

– А я думаю, станет.

– Ладно. Тогда увеличиваем ставки. Десять баксов.

Это уже была солидная сумма, но Эви не умела останавливаться.

– По рукам!

Они пожали друг другу руки и снова приникли к витрине. Мэйбел сидела в кресле, и парикмахерша обматывала ее полотенцем.

– На твои десять долларов я куплю самые шикарные колготки в Нью-Йорке, Тета.
Тета хитро ухмыльнулась:

– Еще не все кончено, детка.

Мэйбел вцепилась в подлокотники, когда парикмахерша принялась настраивать кресло, поднимая его повыше. Затем она поднесла ножницы к голове Мэйбел, та вытаращила глаза, выскочила из кресла, сорвала полотенце и выбежала на улицу, рванув дверь так, что колокольчик зазвенел, как в санях Санта-Клауса.

– Вот черт! – прошипела Эви.

Тета протянула раскрытую ладонь.

– Я буду носить эти колготки с огромным удовольствием, Эвил.

– Простите. Я... я просто не смогла, – лепетала Мэйбел, пока они шли по Таймсквер. – Я увидела ножницы и подумала, что вот-вот упаду в обморок.

– Все в порядке, Мэбси. Не всем быть Зельдами, – примирительно сказала Эви и взяла ее под руку.

– Если я хочу заполучить Джерихо, я должна сделать это такой, какая я есть.

– И ты это сделаешь! – подбодрила ее Эви. – Как-нибудь.

На пересечении 42-й и Пятой авеню они стали махать полицейскому, сидевшему в стеклянной будке над светофором. Он коснулся рукой козырька, и девушки радостно засмеялись, стоя среди мельтешащей толпы, ревуших автомобилей и двухэтажных автобусов. Через сточные решетки вырывались клубы пара, будто части огромного механизма. Пока пешеходы ждали зеленого света, чтобы перейти дорогу, к ним подкатил безногий инвалид в старенькой раздолбанной коляске, одетый в грязную военную форму. Он погромыхал жестяной кружкой.

– Подайте тем, кто служил Родине.

Эви достала кошелек и бросила в кружку доллар.

– Пожалуйста.

– Спасибо, – проскрежетал инвалид. Затем посмотрел на Эви и прошептал: – Пришло время! Пришло время, будьте осторожны.

– Если ты будешь верить каждой душещипательной истории, которую тебе расскажут на улице, то к следующей неделе останешься без гроша, – предупредила Тета, когда они перешли на другую сторону улицы.

– Мой брат ушел на войну и не вернулся.

– О боже, детка. Прости меня.

– Ничего. Это было очень давно, – покладисто ответила Эви. Ей не хотелось, чтобы их дружба складывалась на таких трагических нотках. – Ой, посмотрите на то платье! Это же последний писк!

В кинотеатре на Стрэнде они купили билеты по двадцать пять центов, и билетер в белых перчатках и красной ливрее проводил их на балкон, с которого открывался шикарный вид на огромную нарядную сцену с золотым занавесом. Эви еще не видела ничего подобного. Сиденья были обиты плюшем, стены украшали фрески и лепнина. Огромные мраморные колонны подпирали золоченые балконы и ложи, а внизу стоял огромный вурлицер²⁹ и поблескивала инструментами оркестровая яма.

Освещение стало ослабевать и затем погасло. Светилась только будка киномеханика. Занавес медленно раздвинулся. Эви слышала тихое щелканье пленки, когда она перематывалась с одной бабины на другую. На экране появилась надпись: «Новости Патэ. Женева, Швейцария. Седьмая генеральная ассамблея Лиги наций». Скучные мужчины в костюмах и шляпах стояли перед красивым зданием. «Ассамблея приветствует Германию в Лиге наций».

²⁹ Электроорган со специальным звукоцветовым устройством, использовавшийся в кинотеатрах.

– Мы хотим Руди! – закричала Эви. Глаза Мэйбел расширились от ужаса, но Тета довольно ухмыльнулась, и Эви поняла, что своими бунтарскими замашками попала в точку. Мужчина четырьмя рядами ниже шикнул на нее.

– Лучше работу найди, Дедушка Время, – пробурчала она, и девушки сдавленно захихикали.

На экране между тем мужчина с внешностью кинозвезды обходил фабрику и пожимал руки рабочим. На экране появилась новая надпись: «Американский бизнесмен и изобретатель Джейк Марлоу устанавливает новый рекорд производства».

– Этот Джейк Марлоу настоящий сердцеед, – с одобрением промурлыкала Эви.

– Моим родителям он не нравится, – шепнула Мэйбел.

– Твои родители не любят никого из тех, кто богат.

– Они сказали, что Марлоу не разрешает своим рабочим вступать в профсоюзы.

– Это же его компания. Почему он не может управлять ею, как считает нужным?

Раздраженный мужчина спереди подозвал билетера. Девушки немедленно притихли и приняли невинный вид. Киножурнал наконец закончился, и начался фильм. «“Метро” представляет фильм Рэкса Ингрэма по литературному шедевру Винсенте Бласко Ибаньеса “ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА АПОКАЛИПСИСА”». Они затаили дыхание, полностью захваченные фильмом и игрой Рудольфа Валентино. Эви представляла себе, как она на экране целует кого-нибудь столь же прекрасного, как Валентино, как ее лицо будет выглядеть на обложке журнала «Фотоплей». Она поселится на голливудских холмах в доме в мавританском стиле, где повсюду будут лежать тигровые шкуры. Вот почему Эви так любила смотреть кино: она представляла, что живет совершенно иной, блистательной жизнью. Но затем в фильме появились военные сцены. Эви обескураженно смотрела на солдат в окопах, молодых парней, по-пластунски ползущих в грязи на поле боя, погибающих от взрывов. У нее закружилась голова, она вспомнила Джеймса и свои страшные сны. Почему они не оставляют ее в покое? Когда все это прекратится? Почему Джеймс не хотел с ней разговаривать? Она готова была пожертвовать чем угодно, лишь бы снова услышать его голос.

В конце фильма все сидели с мокрыми от слез лицами: Мэйбел с Тетой оплакивали погибшего киногероя, Эви – своего брата.

– Таких актеров, как Руди, больше не будет, – сморкаясь, прохлюпала Мэйбел.

– Верно сказано, сестрица, – промурлыкала Тета, и они вышли на закатное солнце. Увидев искаженное гневом лицо Эви, Тета остановилась. – Что стряслось, Эвил?

– Сэм Лойд, – прорычала Эви. Она бросилась в сторону скопища людей, наблюдавших за карточной игрой «Монте».

– Кто это? – спросила Мэйбел у Теты.

– Не знаю. Но уверена, что теперь он покойник.

– Следите за дамой червей, ребята. На нее поставим деньги. – Сэм разложил карты на картонной коробке и так быстро перемешал, что глаза не в состоянии были уследить за движением. – А теперь, сэр, да, вы. Не хотите ли попробовать отгадать? Первый раунд – пробный, все бесплатно. Чтобы вы поняли, что я играю честно.

Эви рывком перевернула коробку, рассыпав деньги и карты.

– Узнаешь меня, Казанова?

Сэм на мгновение остолбенел, потом улыбнулся:

– Моя любимая монашка! Как поживает ваша настоятельница, сестрица?

– Не смей меня так называть. Ты украл мои деньги!

– Кто, я? Я что, похож на вора?

– Еще бы!

Толпа с интересом следила за их перепалкой, и Сэм нервно огляделся. Затем сдвинул берет набекрень.

- Куколка, мне очень жаль, что тебя обчистили, но это был не я.
- Если ты не хочешь, чтобы я прямо сейчас позвала копа и сказала, что ты мной воспользовался, отдай мои двадцать долларов.
- Послушай, сестрица, ты не сможешь...
- Вот именно что смогу! Ты знаешь о Музее американского фольклора, суеверий и оккультизма?
- Знаю, и что...
- Ты найдешь меня там. Лучше верни мои двадцать баксов, если не хочешь проблем.
- Или? – поддразнил ее Сэм.
- Эви заметила, что Сэм повесил свою куртку на пожарную колонку. Она быстро схватила ее и просунула руки в рукава.
- Верни немедленно! – прорычал он.
- Двадцатка, и она снова будет твоей. Музей. До скорой встречи! – Весело смеясь, Эви убежала.
- Кто это был? – спросила Мэйбел, когда они с Тетой нагнали Эви и все вместе зашли в кафетерий.
- Сэм Лойд. – Эви почти выплюнула ненавистное имя. Она рассказала им о знакомстве на вокзале, о внезапном поцелуе и о краже двадцати долларов.
- Тета глотнула кофе, оставив идеально ровный след помады на чашке.
- Он выглядит как человек, способный на более серьезные действия, чем кража двадцати баксов. Если ты понимаешь, о чем я говорю. Будь с ним поаккуратнее, Эви, не своди с него глаз.
- У меня глаз не хватит за каждым таким чучелом следить, – проворчала Эви.
- Поищи в карманах. Может быть, твои деньги там, – предположила Мэйбел.
- Ого, Мэбси! Какая неординарная идея. Так вот в чем заключается прогрессивное образование, которое ты получаешь в колледже Литл-Рэд? – Эви похлопала по многочисленным карманам куртки, но не нашла ничего, кроме мотка бинта, полпачки леденцов и почтовой открытки с карандашным пейзажем: высокие горные пики в окружении густого леса. На оборотной стороне было написано по-русски. Она знала, что может прочитать любую из вещей, чтобы узнать о мерзком проходимце побольше, но он не был достоин ее головной боли. Эви была уверена, что Сэм придет за курткой: уже наступал конец сентября, погода могла испортиться в любой момент.
- Когда Эви вернулась в музей, дядя Уилл и Джерихо сидели за столом с неизвестным мужчиной. У него были карие глаза грустного щенка, которого никто не купил детям на Рождество, и нос, сломанный несколько раз и так и не выправившийся. Значок детектива болтался, приколотый к его пиджаку.
- Дядя! Тебя замели? Нужно внести залог?
- Терренс, это моя племянница, Эви О’Нил. Эви, это детектив Маллой.
- Теплая улыбка Маллоя составляла разительный контраст с грустными глазами. Он протянул ей руку.
- Я старый друг твоего дяди еще с тех давних времен, когда работал на правительство.
- Ого! Когда это было, дядя? – удивилась Эви.
- Уилл не обратил на вопрос никакого внимания.
- Я помню, что предлагал сходить в китайский квартал поужинать, но боюсь, теперь мне придется ненадолго уехать с детективом Маллоем в центр.
- Так все-таки нужно внести какой-то залог, – сказала Эви.
- Нет никакого залога. Полиция обратилась ко мне за помощью. Произошло убийство.
- Убийство! Боже мой. Дайте только переобуться, – восхищенно сказала Эви. – Я на минутку.

– Ты никуда не поедешь, – отрезал Уилл.

Эви, прыгая на одной ноге, поменяла туфли на новые «оксфорды», полуботинки на шнурках.

– Не поехать на настоящее место преступления? Да ни за что!

– Не стоит, мисс. Леди лучше не смотреть на такое, – заметил Маллой.

– Меня не так-то легко напугать. Обещаю, буду жесткой, как Аль Капоне. – Эви уже зашнуровала первый ботинок.

– Ты останешься здесь. – Дядя повернулся к ней спиной.

– Ты же все равно обещал взять нас с Джерихо в китайский квартал. Нет никакого смысла оставаться и ждать тебя здесь.

– Евангелина...

– Обещаю, я не буду безобразничать. Буду сидеть в машине и ждать, пока вы закончите, – заканючила Эви.

Уилл обреченно вздохнул.

– Терренс, ты не против?

– Не против. – Детектив открыл ей дверь. – Только потом не жалуйтесь, если у вас будут ночные кошмары, мисс.

Эви издала жуткий ведьминский хохот.

Глава 10

Блудница наряжена и брошена в пучину морскую

Пока они выезжали на Пайк-стрит, манхэттенский мост поднимался все выше перед их глазами. Перед кварталом многоквартирных домов стайка мальчишек играла в бейсбол. Они проследили за полицейской машиной цепкими взглядами хитро прищуренных глаз.

– Будущие головорезы, – сказал Маллой, паркуясь в тупике. – Если кто-то из вас, маленькие за... – он быстро покосился на Эви, – маленькие сопляки, хоть пальцем тронет машину, клянусь, вам придется нырять в речку на поиски собственных зубов.

Мужчины вышли из машины, и Эви последовала за ними.

– Ты должна была остаться в машине, – напомнил ей Уилл.

Эви зубами и ногтями выцарапала возможность приехать сюда. Она не собиралась сдаваться в каком-то шаге от цели. Убийство на Манхэттене! Она уже представляла себе, как пишет Луизе и Дотти: «Дорогуши мои, вы и представить не можете, что я сегодня видела... Конечно же, как любая современная девушка, я не испугалась...» Прямо как в детективах Агаты Кристи, которые она просто обожала. Но все это – только если удастся подойти поближе.

– Но, дядя, с девушкой, одиноко сидящей в машине в таком районе, может стрястись что угодно. – И она многозначительно покосилась на мальчишек. – Что скажет моя мама?

Она изобразила святую невинность.

– Тогда Джерихо побудет с тобой.

Эви быстро покосилась на него.

– Мне будет спокойнее рядом с тобой, дядя Уилл. Обещаю, я не стану путаться под ногами. И не думай, что я одна из этих божьих одуванчиков, которые падают в обморок при виде капли крови. Когда в прошлом году Бетти Хорнсби жонглировала ножами на вечеринке и чуть не отхрюпала себе палец, я была единственной, кто не ударился в истерику, и пыталась ей помочь, хотя все вокруг было в крови. Это было ужасно, но я держалась молодцом. Точно тебе говорю.

Она изо всех сил старалась изобразить негодование, будто каждый день буквально переступала через трупы и не понимала, чего в этом страшного. Дядя Уилл попытался возразить, но детектив Маллой равнодушно пожал плечами:

– Если она обещает не упасть в обморок, то мне в общем-то все равно. Но это не веселый книжный детективчик, мисс О’Нил. Я вас предупредил.

На пирсе уже собралась толпа зевак. Их пытались разогнать полицейские в синей униформе. На конце мола стальными тросами были пришвартованы три устричные баржи.

– Тело находится там, – сказал Маллой. – Ее нашел один рыбак. Тело бросили здесь позавчера или около того, как мы можем судить, и присыпали раковинами, поэтому раньше его никто не обнаружил. Фитц, ты в порядке?

Дядя Уилл побелел как мел.

– Я ненавижу запах рыбы.

– Держись. Обещаю, картинка заставит тебя позабыть о любой рыбе. На теле живого места нет. – Маллой покосился на Эви, но она решила не развлекать его своими эмоциями и никак не реагировала. – Похоже еще, что здесь замешана какая-то мумба-юмба, поэтому я и позвал тебя. Честное слово, Фитц, я еще ничего подобного не видел.

Маллой повел их к свалке устричных раковин, ярко-розовой в лучах вечернего солнца. Полицейский фотограф уже поставил свою треногу. Сработала вспышка, на мгновение ослепив Эви. В воздухе взвилось облачко магnezии, на языке почувствовался резкий привкус.

Когда они подошли ближе, Эви ударила в нос вонь рыбы, мочи и разлагавшейся плоти. К горлу подкатил комок, и внутри все перевернулось. Она предусмотрительно стала дышать через рот. Вокруг роями кружились помойные мухи, и Эви стала отгонять их от своего лица.

– Дальше точно идти не стоит, мисс, – сказал Маллой, и было совершенно очевидно, что это приказ. Он кивнул Джериho, что на непроизносимой системе мужских условных знаков означало «останься с ней», и это еще больше разозлило Эви.

Детектив Маллой подвел Уилла к куче устриц с противоположной стороны, и Эви увидела, что дядя побледнел еще сильнее и рефлекторно поднес ладонь ко рту, сдерживая рвотный позыв. Он на секунду отвернулся, чтобы отдышаться, и Эви поняла, что не может упустить свой шанс.

– Дядя, ты в порядке? – Она бросилась к нему.

– Эви... – начал он, но уже было поздно. Она повернулась к устричной куче.

Ощущение, как будто из тебя вышибают дух, Эви испытала только раз в своей жизни – когда пришла злополучная телеграмма. Она даже не сразу поняла, что вот эта бесформенная, распростертая на прогнившем дереве фигура принадлежит человеку. Поэтому она стала разглядывать ее по частям. Туфля, наполовину слетевшая с ноги. Изорванные грязные чулки на почерневших, раздувшихся лодыжках. Платье повисло клочьями, тело покрывала россыпь синяков. Веки обвисли над пустыми глазницами.

Глаза. Маньяк выколол ее глаза.

У Эви резко zakружилась голова, словно по ней с силой ударили дубиной, как по карнавальному колоколу. Она сжала кулаки и впиалась ногтями в кожу, чтобы не потерять сознание.

Девушка лежала, как изорванная тряпичная кукла, с раскинутыми руками и ногами. Ей почти полностью обрили голову, оставив только несколько прядей. На шее висела дешевая нитка жемчуга из магазина распродаж, кольца с бижутерией унизывали пальцы. Обескровленное лицо девушки было ярко, вызывающе накрашено – пудра, яркие румяна. Красная помада не могла скрыть мертвенной синевы высохших губ. На ее лбу было вырезано слово «БЛУДНИЦА».

Какой-то полицейский предложил Уиллу нюхательные соли, и он стоял, покачиваясь и пытаясь собраться с мыслями. Эви не двинулась ни на сантиметр. В квартире все это звучало интересно и захватывающе: настоящая сцена убийства, интересная тема для разговора, возможность похвалиться перед подружками. Но, глядя на распростертое перед ней тело, Эви поняла, что вряд ли захочет когда-нибудь об этом рассказывать. Она вообще хотела бы никогда не видеть ничего подобного. Одинокaя слеза скатилась к ее подбородку. Она быстро вытерла ее и стала разглядывать свои новые ботинки.

– Ее убили около недели назад, – начал рассказывать Маллой. Эви казалось, будто он говорит через какую-то трубу. – В кармане нашли дневник с именем и адресом. Рута Бадовски из Бруклина. Девятнадцать лет. Семье уже сообщили. Чуть больше недели назад Рута участвовала в одном из этих сумасшедших танцевальных марафонов со своим парнем, Яцеком Ковальски. Мы его задержали и допросили – ничего. Он уснул на крыльце ночлежки, а утром пошел на работу на кирпичный завод. Его босс это подтвердил.

Эви украдкой посмотрела на изуродованное лицо девушки. Девятнадцать. Всего на два года старше, чем Эви. Она ходила на танцы. А теперь лежит здесь, изломанная и мертвая.

– Я хотел, чтобы ты взглянул вот на это. – Маллой распахнул платье девушки. На ее груди, над заношенным лифчиком, стояло большое клеймо: пятиконечная звезда в окружении змеи, поедающей собственный хвост. – Что это, Фитц, какой-то символ вуду?

– Никакого отношения к вуду это не имеет. И вудон – это просто западноафриканский и карибский спиритуализм, основанный на натурфилософии, – нетерпеливо, как школьникам, объяснил Уилл.

Маллой развел руками, словно извиняясь.

– Ладно, ладно! Не сердись, Фитц. Тогда что это на самом деле?

Уилл присел на корточки, разглядывая клеймо поближе. Эви не понимала, как он смог это сделать, не закричав и не упав в обморок.

– Это пентаграмма, символ вселенной, – объяснил Уилл. – Она используется во множестве религий и орденов – у язычников, гностиков, в восточных религиях, у древних христиан, у франкмасонов. Печать Соломона – один из известнейших подобных символов. Обычно используется для защиты.

– Жертву, видимо, она не очень-то защитила, – заметил Маллой.

Дядя Уилл обошел тело кругом.

– Но конкретно эта перевернута вверх ногами. – Он показал, что два луча звезды смотрят вверх, а один – вниз. – Я слышал, что перевернутая пентаграмма символизирует нарушение баланса, преобладание материального, телесного над духовным. Считается, что такую пентаграмму используют для темных дел: черной магии, запретного колдовства, вызова ангелов или демонов. – Уилл встал и отвернулся на мгновение, сделал три больших вдоха. – Рыба. Ненавижу запах рыбы.

– Вот, дядя, – сказала Эви и передала ему маленький пузырек духов из своей сумочки. Уилл понюхал его и вернул Эви. Она тоже поднесла пузырек к лицу. Ей снова было нехорошо, она с усилием заставила себя поднять голову и посмотреть на вздыбленную металлическую арку моста, устремлявшуюся к Бруклину.

– Мог ли убийца работать на фабрике или на ферме со скотом? – Джериho внезапно нарушил молчание. Эви даже не заметила, когда он подошел и встал за ее спиной.

– Мы уже поискали в городе, попытались узнать по поводу клейма. Ничего, – сказал Маллой. – Оно связано с чем-то другим.

Он подозвал одного из помощников следователей, который вручил ему пожелтевший листок бумаги, и передал его Уиллу. Эви пристроилась за плечом дяди и начала читать.

«Блудница, потаскуха вавилонская, была наряжена в золото и драгоценности и прочие ценности нашего мира. И узрела она Зверя во всем его страшном обличье и возопила, ведь теперь ее глаза были открыты, и она извела жестокость и бесчеловечность мира, которые должны быть искуплены кровью и тяжелыми жертвами. И Зверь забрал ее глаза, и бросил ее в пучину вечного моря с отметиной на челе. И было это пятое жертвоприношение».

– Это что, из Библии?

– Ничего похожего ни в одной Библии я не читал.

Уилл достал записную книжку и принялся искать что-то в записях.

Эви ткнула пальцем в набор символов, нарисованных в самом низу страницы.

– А это что такое? – Она не узнавала собственный голос.

Уилл пролистнул книжку.

– Я еще не уверен. Знаки какого-то определенного рода. Терренс, мне надо задать тебе несколько вопросов. Лично, если ты не против.

Мужчины удалились на противоположный конец причала, чтобы переговорить. Эви снова посмотрела на тело девушки и непроизвольно обратила внимание на ее туфли. Они были стоптаны и запачканы, но Эви знала точно – это была ее лучшая пара, особенная. На одной туфле осталась пряжка со стразами, безвольно свисавшая на ремешке. Это была последняя капля в жуткой несправедливости, случившейся с этой несчастной, и Эви захотелось хоть что-то исправить. Она попыталась пристегнуть пряжку на место, но та не хотела держаться.

– О боже, прошу тебя! – шепнула она, с трудом сдерживая слезы.

Со странной, неожиданной для самой себя решимостью она крепко схватила пряжку, намереваясь примотать ее любой ценой. И вдруг вещица раскрылась в ее руках с такой скоростью, что Эви не успела ничего понять. Картинки сменяли друг друга, как кадры фильма на быстрой промотке. Оборванный кусок обоев с красными пятнами, горящий очаг, белый фартук мясника, щелчок замка в двери. Клеймо. Синие глаза с красными пламенными ободками, жуткие, леденящие душу колодцы прямо в ад. Насвистывание – коротенькая веселая мелодия, совершенно не к месту, как детская колыбельная на поле боя, среди крови и смерти. А затем ее голова чуть не лопнула от душераздирающих воплей.

Задохнувшись от ужаса, Эви выронила пряжку. Шатаясь, она медленно подошла к краю пирса, и ее вырвало утренним сандвичем из автомата. Кто-то из полицейских позади заржал.

– Говорили же, здесь не место для девушки, – сказал один из них.

Ей подали платок.

– Спасибо, – проговорила она с мертвенным спокойствием, совершенно опустошенная.

– Пожалуйста, – сказал Джерихо и ушел, милостиво предоставив ей возможность прийти в себя в одиночестве.

Мимо по серым водам реки плыл паром, оставляя после себя две полосы, словно разглаживавшиеся в зеркальную поверхность. Эви смотрела ему вслед и пыталась как-то систематизировать то, что увидела. Возможно, эти жуткие картинки были ключами к разгадке преступления. Но как она могла рассказать кому-либо то, что знает, и особенно – каким образом она это узнала? Что, если ей не поверят? А если поверят и снова заставят держать эту пряжку и проходить через этот кошмар? Она не сможет еще раз пережить подобное. Никто не должен знать, что она видела. Пусть дядя Уилл ищет разгадку сам.

– Эви. Нам пора, – позвал ее Уилл.

– Иду, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал как можно жестче и увереннее.

На Ист-ривер внезапно прошел порыв сильного ветра. Он подхватил конец бежевого шарфа убитой девушки, и тот поднялся вверх, как рука просящего помощи. Эви отвернулась и пошла в обход, стараясь ни в коем случае не смотреть в ту сторону.

Глава 11

Не подпуская духов

– Я же говорил, что это плохая идея, – заметил дядя Уилл.

Они сидели в китайском квартале, в ресторане традиционной кухни. У Эви сразу после поездки на пирс разыгралась ужасная головная боль. Теперь она могла только молча сидеть за столом и вяло гонять ложкойпельмешки в бульоне.

– Кто мог сделать подобное? – спросила она наконец.

– Если принимать во внимание историю развития человечества, вопрос следует немного перефразировать: почему еще не каждый второй делает подобные вещи? – уточнил Уилл и положил в рот кусочек мяса. С палочками он обращался просто виртуозно.

– Может быть, гангстерское убийство? Ее семья задолжала денег какой-нибудь банде, – предположил Джерихо.

– Но зачем столько лишней возни? – принялся размышлять Уилл. – Зачем обустривать все так, чтобы убийство походило на ритуал или элемент культа?

Они с Джерихо принялись высказывать все новые гипотезы, опровергая одну за другой. Эви хранила молчание. Ей ужасно хотелось пить.

– А текст взят из Откровения Иоанна Богослова? – спросил Джерихо. – Блудница. Потаскуха Вавилонская.

– Я тоже так вначале подумал. В Откровении действительно упоминается Вавилонская Блудница. Но Блудница наряженная... очень специфическая фраза. Не уверен, что где-то встречал ее прежде. – Покачивая головой, он взял палочками еще кусочек. – По крайней мере пока ничего подобного не могу припомнить.

Эви сидела, уткнувшись в свою тарелку, и прокручивала в голове все, что увидела, держа пряжку Руты Бадовски. Вдруг там попало что-нибудь важное?

– А вы... никогда не слышали вот такую мелодию? – спросила она и насвистела им жутковатый мотивчик.

Уилл задумался, поджав губы.

– А что это, из какой-нибудь радиопрограммы? Если угадаете, получите приз от «Мыла-Пирс» или что-то вроде того?

Эви покачала головой, хотя движение далось ей болезненно.

– Просто услышала на днях глупую песенку. Я думала, не может ли она что-нибудь значить и... – Что? Что еще здесь можно было сказать, не вызвав подозрений? – Ладно, проехали.

– Как скажешь. Не хочешь кусочек утки по-пекински?

Борясь с приступом головокружения, Эви взмахнула палочками, попросив, чтобы блюдо унесли. Но ей стало легче на душе. Возможно, все эти леденящие кровь картины не имеют никакого отношения к убийству девушки. Они могли быть чем угодно.

Какая-то мышьяная возня неподалеку привлекла внимание Эви. Хостесс, ровесница Эви, девушка в ярко-красном платье, всучила молодому парню небольшой сверточек, прошепав несколько фраз по-китайски. Они были сказаны тоном, не терпящим возражений. Под тяжелым взглядом девушки молодой человек шустро убрался прочь, так что кухонная дверь за ним громко хлопнула. Затем девушка сама подошла к их столику, неся серебряный поднос с печеньями-предсказаниями. Эви тут же заметила, какие у нее необыкновенные светло-зеленые глаза.

– Не желаете что-нибудь еще? – спросила она с едва заметной ноткой раздражения.

– Нет, большое спасибо. – Дядя Уилл заплатил по счету, а Эви достала из своего печенья сверточек с предсказанием.

– Что в твоём? – поинтересовался Джериho.

– «Скоро твоя жизнь сильно изменится». – Эви смяла листок и бросила его в сторону. – А я уж понадеялась, что встречу прекрасного загадочного незнакомца. А в твоём, Джериho?

– «Чтобы заслужить доверие, научись делиться секретами».

– Интригует. А у тебя, дядя?

Уилл оставил свое печенье на подносе.

– Я не читаю предсказаний – все можно изменить своими руками.

Они вышли на брусчатку узенькой Дойерс-стрит, известной как «кровавый угол» из-за огромного количества произошедших тут гангстерских стычек и убийств. Но в этот вечер в переулке было тихо и спокойно. За миниатюрной каменной оградой небольшая компания зажигала свечи, вставляла их в белые бумажные фонарики и отправляла в странствие по закатному небу. В воздухе кружился запах благовоний.

– Фестиваль середины осени, – объяснил дядя Уилл. – Важный элемент культурной традиции, празднование конца сбора урожая.

Дальше по улице сверкала огнями вывеска «Компания Ми Дун, импортеры». На ней тоже трепыхались на ветру бумажные фонарики. На каменной стене висело рукописное объявление с китайскими иероглифами. Прохожие тайком косились на загадочную бумажку.

– Что это? – поинтересовалась Эви.

– Список фирм и предпринимателей, не объединенных с тунгами³⁰.

– А, это такие серебряные щипчики для льда? – И Эви показала пальцами. – Забавная штучка.

– Тунги – это китайские братства. В местном квартале их два – Хи Син Тунг и Он Лян Тунг. Они уже много лет заправляют всем и время от времени ввязываются в кровавые разборки. Предприниматели вывешивают такие объявления как мольбу о признании нейтралитета в надежде, что их оставят в стороне от бандитских войн.

– А там что происходит? – Эви указала на одиноко светящееся окно небольшой лавочки. К нему выстроилась целая очередь китайцев.

– Скорее всего собираются отправить письма домой, в семью.

– А разве их жены и дети не живут здесь?

– «Закон об исключении китайцев 1882 года». – Дядя Уилл выжидательно посмотрел на нее и не смог скрыть разочарования. – Боже, чему вас теперь только в школе учат? У нас вырастет целая нация креационистов без малейшего знания истории.

– Похоже, мне следует радоваться, что ты занялся моим образованием.

– Да? Ну ладно. – Дядя Уилл помешкал немного, перед тем как включиться в привычный режим лекции. – Закон об исключении китайцев был принят для того, чтобы ограничить приток китайцев в Америку после того, как все работы по постройке железных дорог были закончены. Чтобы они не смогли перевезти сюда семьи. Они не были защищены нашим законодательством и остались предоставленными сами себе.

– Как-то не очень по-американски звучит, – заметила Эви.

– Напротив, это как раз – очень по-американски, – горько сказал Уилл.

Они прошли задворками Чайного Дома, и тут Эви увидела парня, которому влетело от хостесс в ресторане. Стоя на коленях перед небольшой чашей с огнем, он один за другим сжигал небольшие цветные листочки.

– Что он делает? – поинтересовалась Эви.

³⁰ От *кит. t'ong* – место сбора. Тайные общества в китайских общинах США, форма организованной преступности.

– Заставляет духов держаться подальше, – ответил Уилл. Но от объяснений почему-то воздержался.

Глава 12

Место под солнцем

Мемфис сидел в гостиной у сестры Уолкер на ветхом голубом диване и ждал. За большим обеденным столом Исайя сосредоточенно глядел на ряд перевернутых карт. Сестра Уолкер взяла одну из них и показала ему рубашкой вперед, так что только она могла видеть обратную сторону.

– Какая у меня карта, Исайя?

– Туз треф, – ответил тот.

Сестра Уолкер победно улыбнулась:

– Отлично. Угадал девятнадцать из двадцати. Ты просто умница, Исайя. Можешь взять конфету из вазы.

– В следующий раз я все двадцать угадаю, сестра. – Исайя потянулся к вазе, красовавшейся на кружевной салфетке посреди полированного стола, выудил оттуда два «Медовых ломтика», сорвал яркую красно-синюю обертку и отправил их в рот.

– Посмотрим, но сегодня ты замечательно справился. И чувствуешь себя нормально, Исайя?

– Да, мэм, – с набитым ртом пробубнил мальчик.

– Не говори с полным ртом! – одернул его Мемфис.

– Ну и как же мне в таком случае отвечать? У меня ведь только один рот! – Исайя зыркнул на брата. Мемфис с грустью заметил, что он стал крайне легко выходить из себя.

– Большое спасибо, сестра, – с подчеркнутой вежливостью сказал Мемфис, не сводя глаз с Исайи, который делал вид, что его здесь нет.

– Не за что! Так, Исайя, ты ведь помнишь, что нужно сказать твоей тете Октавии?

– Что мы занимались арифметикой.

– И мы правда ею занимались, так что это не будет враньем. Помни, что лучше не говорить тете о том, что мы делали с картами.

– Не волнуйтесь, – сказал Мемфис. – Мы не скажем, правда, малец?

– Как бы я хотел рассказать всем, чтобы они поняли, какой я необыкновенный.

– Но ты и есть необыкновенный, Исайя, – подбодрила его сестра Уолкер и передала еще один «Медовый ломтик».

– Местами! – поддразнил его Мемфис. Положив руку брату на голову, он взъерошил ему волосы. – Вот, например, голова как футбольный мяч. И такая же пустая и резиновая!

– Эй, у меня там мозг! – Исайя ужом заерзал под мертвой хваткой старшего брата.

– Неужели? А я-то думал, что ты там конфеты прячешь.

Исайя бросился на Мемфиса, но тот со смехом уклонился. Тогда Исайя замахнулся, чтобы пнуть его, и чуть не столкнул настольную лампу.

Сестра Уолкер повела их на выход.

– Так, джентльмены, прошу вас бесчинствовать на улице и оставить мой дом в целостности и сохранности.

– Простите, сестра, – сказал Мемфис. Исайя уже тянул его на крыльцо. – До встречи на следующей неделе.

Тетя Октавия поджидала их, сидя в полутемной гостиной. Она не сняла фартука и выглядела очень недовольной.

– Где вы двое пропадали? Вы же знаете, что ужин в шесть пятнадцать, и если вы опоздаете, то останетесь без еды.

– Прости, тетушка. Сестра Уолкер хотела убедиться в том, что Исаяя действительно разобрался с заданием по арифметике. – И Мемфис многозначительно посмотрел на Исаяю.

– Маргарет Уолкер, – скептически хмыкнула Октавия и взмахнула половником. – Не знаю, стоит ли позволять вам общаться с этой женщиной. Недавно я слышала о ней такие вещи, которые никак не улягутся у меня в голове.

– Например? – поинтересовался Исаяя.

– Например, она не ходит в церковь.

– А вот и ходит! Она – прихожанка Абиссинской Баптистской церкви.

– Ха! – торжествующе воскликнула Октавия. – Сэльма Джонсон, которая ходит туда же, говорит, что Маргарет Уолкер крайне редко переступает порог церкви. Сам Господь Бог не узнал бы ее, покажи ему фотографию. У тебя больше шансов встретить в церкви сумасшедшего слепца Билла Джонсона, чем эту Маргарет Уолкер.

Мемфис надеялся, что ему удастся отвлечь тетю со скользкой темы и избежать срыва. Иногда она пускалась в длинные тирады о людях с надуманными изъянами и притянутыми за уши грешками: «Господь Бог не узнал бы такую-то, покажи ему фотографию... Бог наделил Барнабаса Дэмсона интеллектом крекера, если хочешь знать мое мнение... Коринн Колинз не должна преподавать в воскресной школе – она даже с собственными детьми не может сладить, они бегают, как мартышки в зоопарке... А знаешь, я встретила Свузи Терелл в бакалее, она вела себя крайне высокомерно, а ведь я испекла ей сливовый пирог, когда ее мать заболела...»

Интересно, какую пустяковую оплошность совершила сестра Уолкер, что Октавия на нее так взъелась.

– Поговаривают, что Маргарет Уолкер попала в серьезную передрыгу несколько лет назад, – продолжила между тем Октавия. – Она сидела в тюрьме, а позже переехала сюда, чтобы начать новую жизнь. Не будь она старой подругой твоей матери, я бы с ней даже не здоровалась.

– Сестра Уолкер – уголовница? – Исаяя вытаращил глаза.

– Ты не знаешь, правда это или нет, поэтому не надо повторять за другими, снеговик, – оборвал его Мемфис.

– Ты тоже не можешь знать всего, Мемфис Джон! – Тетя Октавия посмотрела на него в упор. – Мне об этом рассказала Ида Хэмптон, а уж она-то знает побольше тебя.

Мемфис умолчал о том, что Ида Хэмптон вряд ли также рассказывает всем о своей небольшой игровой зависимости.

– Я слышала, что она ввязывается в достаточно сомнительные дела.

«Довольно сомнительные», – поправил про себя Мемфис.

– Она даже занимается вуду.

– Сестра Уолкер не практикует вуду! Она помогает Исаяе делать задания по математике.

– В общем, я не знаю, стоит ли вам с ней общаться. – Октавия повернулась к Исаяе, с угрожающим видом уперев руки в бока. – Она ничего такого с тобой не делала, Исаяя? Не колдовала над картами, не накладывала руки на хрустальный шар, чтобы поговорить с духами? Ничего подобного?

Мемфис постарался дать брату знак глазами: не смей ничего рассказывать.

– Нет, мэм.

– Смотри мне в глаза, когда отвечаешь. Посмотри на меня и скажи еще раз.

Исаяя легонько повернул голову, стараясь избежать взгляда Октавии и сохранить контакт с Мемфисом. Почувствовав это, тетка загородила его собой.

– Не надо смотреть на брата. Это я тебя спрашиваю, так что смотри на меня.

Мемфис затаил дыхание. Он даже мог слышать, как шумит кровь в его ушах.

– Она помогает мне делать задание по математике, – ответил Исая.

Тетя Октавия помедлила еще пару мгновений.

– Ладно. Будьте с ней осторожнее, вы поняли меня?

Мемфис тихо выдохнул.

– Да, мэм, – одновременно сказали они с Исайей.

– Мемфис, я верю, что ты не станешь втягивать брата в дьявольские козни. – И Октавия пригвоздила его к месту тяжелым взглядом. – Только не после всего, что пришлось пережить нашей семье.

Мемфис стиснул зубы.

– Нет, тетушка. Конечно, не стану.

Октавия испытующе посмотрела на него, затем принялась разливать холодный чай по стаканам.

– Я обещала вашей матери, что присмотрю за вами. Я не смогу спокойно жить, если с кем-нибудь из вас что-то случится.

Октавия обняла Исая и поцеловала его в лоб.

– Идите мойте руки. Мемфис, ты прочтешь молитву перед едой. А после возьмешь из шкафа Библию, чтобы почитать сегодня. – Мемфис ничего не ответил, и Октавия громко окликнула его из кухни: – Ты слышал меня, Мемфис Джон Кэмпбелл?

– Да, мэм, – проворчал Мемфис. Когда-нибудь они выберутся отсюда.

После того как они умылись, братья сели за старый обеденный стол – свадебный подарок деда-плотника своей молодой жене. Все трое склонили головы.

– Господи Боже, благослови нас и эти дары, которые по благодати Твоей вкушать будем... – Мемфис произносил слова безо всякого трепета. Он не собирался благодарить за еду, только за награду, которую грезил получить в будущем. Он молил о своем месте под солнцем: о собственных стихах в книге, выступлении на салоне на Стриверс-роу, о месте за столом рядом с Уитменом, Калленом и Хьюзом. – ...через Христа, Господа нашего. Аминь.

Октавия поставила на стол кастрюлю сладкой печеной картошки.

– Я хочу, чтобы вы были крайне внимательны и осторожны на улице. Слышали, что случилось под мостом?

Ребята покачали головами.

– Я знала, что нет. Мне рассказала Бесси Уоткинс, которая услышала от Делайлы Робинсон, а ее муж работает в доках. Он только что ей позвонил. Какой-то сумасшедший зарезал там девушку.

– О таком за столом не разговаривают, это неприлично! – пробубнил Исая с набитым картошкой ртом.

– Сними локти со стола и не говори с полным ртом. Вот что действительно неприлично. – Октавия покачала головой, намазывая хлеб маслом. – Не знаю, куда вообще мир катится. Кажется, что нас всех несет прямо в Судный день.

Мемфис ненавидел, когда тетка начинала говорить на эти темы. Она не упускала ни единого шанса посудачить о том, что вот-вот наступит Армагеддон, также как возможности заразить окружающих собственной паникой.

– Так что я прошу вас быть очень осторожными. Исая, ты не должен выходить один после того, как стемнеет. Мемфис, ты отвечаешь за него.

Мемфис проглотил кусок картошки.

– Я? Разве Марвин не тебя оставил за главную?

– Не говори со мной в таком тоне. И не называй отца Марвином.

– А что, его зовут как-то по-другому?

– Если хочешь знать, сегодня я получила от него письмо.

– Он возвращается? – подпрыгнул Исая.

Октавия натянула привычную улыбку в стиле «все в порядке», и Мемфис тут же понял, о чем говорилось в письме.

– Нет, милый. Он еще не обустроился.

– Он обустраивается там уже почти три года, – заметил Мемфис, сердито стряхнув половник вареной фасоли себе на тарелку.

– Он много работает, чтобы пересылать вам двоим деньги. Не суди о том, чего не знаешь, Мемфис Джон.

– А что случилось с той девушкой под мостом? – спросил Исайя, и Мемфис неодобрительно покосился на тетю.

– Забудь об этом. Давай ешь свою фасоль. И пей молоко, иначе не вырастешь.

– И тогда мы назовем тебя Креветкой! Старик Креветка Кэмпбелл, – поддразнил Мемфис, стараясь отвлечь брата от неприятной темы. – Ты будешь такой крошечный, что друзьям придется таскать тебя с собой на тосте или в наперстке. Такой малюсенький, что будешь носить шляпу из зуба. Такой малипусенький, что даже головастики тебе будут сочувствовать!

Исайя поперхнулся молоком от смеха. Октавия принялась их отчитывать, с трудом сдерживая улыбку. И Мемфис продолжал сочинять на ходу, расправляя нити своего рассказа, будто пытаясь свить всю семью воедино и удержать одной силой слова, как путами.

* * *

Сестра Уолкер прошла на кухню и включила радио. Сначала оно шипело и хрипело, но затем ожило и начало рассказывать о преимуществах сервиса в стоматологической клинике Паркера. Она не стала переключать. Гадкий кашель опять возвращался, так что она выудила лечебную пастилку из коробки рядом с сахарницей и поставила чайник. Она много ожидала от работы с Исайей. Очень перспективный парень. Ей уже давно не встречалось никого с подобными способностями, и поэтому она старалась не радоваться раньше времени. Сестра Уолкер хорошо знала, что подобный дар может возникнуть ниоткуда, затем ослабеть и угаснуть, как и было с Мемфисом.

Вернувшись в гостиную, сестра Уолкер зажгла лампу. Электрический свет разогнал вечерние тени по углам. Она сняла с крючка картину с парижским пейзажем и аккуратно поставила на пол. За картиной скрывалась небольшая прямоугольная плитка, вмурованная в штукатурку. Приподняв плитку, сестра Уолкер извлекла из тайника толстое портфолио. Затем примостилась на скрипучей софе и пролиставла файлы, перечитывая материал и прикидывая, что еще она могла упустить. И тут на кухне засвистел чайник. Сестра Уолкер подскочила от неожиданности и потом засмеялась над собственной трусостью. Она закрыла портфолио, спрятала его в тайник и поправила картину на стене. Горячий чай успокоил неприятное болезненное kloкотание в груди. Согревшись, она принялась пролистывать собранные газетные вырезки.

Если чутье ее не обманывало, сила возвращалась. Но что это значило? И где остальные, похожие на него? На что они способны?

И что они успеют сотворить прежде, чем их найдут?

Глава 13

Сердца людей

Эви, Уилл и Джерихо вернулись в музей гораздо позже, чем рассчитывали. Дядя Уилл, встав на специальную передвижную лестницу, принялся искать что-то на книжных полках, водя пальцем по старым корешкам. Некоторые из книг он передавал Джерихо.

– Посмотрим, сможешь ли ты отыскать здесь Библию. Одна точно должна быть в зале, где выставлены коллекции.

Эви не очень-то хотелось идти туда, особенно ночью.

– А Джерихо не может это сделать? Он лучше ориентируется в музее, чем я.

– Джерихо сейчас помогает мне, к тому же, насколько я знаю, у тебя есть ноги и ты способна самостоятельно передвигаться. Ты сама захотела поехать сегодня с нами, так ведь?

– Да, но...

– Тогда приноси хоть какую-нибудь пользу.

Эви быстрым шагом миновала одну за другой комнаты музея, на ходу включая все возможные светильники. Ей было плевать, если счет за свет окажется неподъемным: сейчас главным было, чтобы ее путь стал светел, как Бродвей. Замерев на пороге зала с коллекциями, Эви положила только на свои глаза: ей ужасно не хотелось заходить внутрь, в окружение этих жутких вещей. Когда стало ясно, что этого не избежать, Эви включила старый граммофон, чтобы тот разогнал ее страхи. Это оказалась нечеткая, шуршащая запись рэг-тайма на пианино. Веселая мелодия приободрила Эви, и она приступила к своим поискам. В самом углу, у камина, она споткнулась обо что-то, спрятанное под персидским ковром. Приподняв угол ковра, Эви обнаружила в полу маленький люк с металлическим кольцом – подземное убежище? В любом случае люк выглядел слишком тяжелым, чтобы она могла открыть его в одиночку, к тому же к нему не притрагивались долгие годы. Эви прикрыла ковром свою находку. На боковом столике Эви увидела Библию, служившую подставкой для папоротника в глиняном горшке.

– И мама еще говорит, что я безбожница.

Музыка тем временем прекратилась. Несколько секунд длилось шуршащее молчание записи, и потом заговорил какой-то человек.

– «Я мог видеть призраки мертвых, сколько себя помню, – протянул он. – В большинстве своем они, конечно, ищут покоя и мира. Но не все. Не в общем плане. В нашем мире существует зло, оно жило в сердцах людей и продолжает жить...»

Эви рывком сняла иглу с пластинки и выбежала из комнаты, не выключив света.

– Ты где так долго пропадала? – спросил Уилл, когда Эви, запыхавшись, вбежала в комнату. Они с Джерихо собрали стопку книг, которую теперь пытались запихать в дипломат Уилла.

– Ходила пешком в Иерусалим, за Библией. Я подумала, вдруг ты захочешь оригинал, – парировала Эви. – А ты знал, что там есть люк в полу?

– Да, – спокойно ответил Уилл.

– И куда же он ведет? – раздраженно спросила Эви.

– Там лестница, спускающаяся в подпол, и туннель. Здесь находилась остановка подземной железной дороги. Соджорнер Трут³¹ лично прятала здесь бывших рабов, – пояснил Уилл. Он взял Библию и положил ее в дипломат. – Теперь это пристанище для крыс и гор пыли. Пойдем?

³¹ Знаменитая американская аболиционистка и феминистка, родившаяся в рабстве.

Эви с Джерихо ждали на просторном каменном крыльце, пока дядя Уилл запрет музей. Фонари уже зажглись, окутав Центральный парк мистическим светом. Уголком глаза она заметила что-то постороннее, что привлекло ее внимание, и повернулась.

– Что там? – спросил Джерихо. Он посмотрел в ту же сторону.

– Мне показалось, что за нами кто-то следит, – сказала Эви, пристально вглядываясь в полумрак. Теперь в той стороне действительно никого не было. – Наверное, глаза меня подвели.

– У нас был очень длинный и тяжелый день, – мягко сказал Джерихо. – Так что нет ничего удивительного в том, если тебе что-то покажется.

– Наверное, ты прав, – согласилась Эви, но у нее сохранилось непреодолимое ощущение, что это был не кто иной, как Сэм Лойд. Ей даже показалось, что он стоял, опираясь боком на дерево, в той самой самоуверенной позе, которая ее так раздражала. Но Джерихо был прав – там пусто, только фонарный столб и темный парк.

* * *

Сэм прятался за огромным зазубренным булыжником до тех пор, пока они не ушли. Она его заметила! Всего на секунду, но этого было более чем достаточно. Что в этой девчонке заставляет его полностью растерять все свои уличные фишки? Он пришел в музей, надеясь уболтать Эви, чтобы она по-хорошему отдала его куртку. Но тут Сэм заметил детектива и решил вернуться попозже – когда в музее уже никого не будет, – чтобы украсть куртку и еще пару вещей, которые ему могут пригодиться.

Сэм дожидался подходящего момента в сутолоке и суматохе Таймс-сквер. Он присмотрел себе жертву – морячка, неуверенно топчущегося на углу Бродвея и Сорок пятой. На улицах было не протолкнуться – люди спешили домой с работы. Большинство щипачей считали это время самым удачным – все слишком погружены в свои мысли, внимание рассеяно. Но у Сэма был особый талант: загадочная возможность ходить у людей под носом абсолютно незамеченным. Он не был невидимкой, скорее, ему удавалось перенаправлять мысли людей так, что они просто не видели его в упор. Ему стоило только подумать «ты меня не видишь», и человек будто его слушался. Кроме того, Сэм был очень юрким и стремительным, проворным, как кот. В эти моменты он не слышал ничего, кроме собственного ровного дыхания, и спокойно доставал кошельки из карманов, подбирал сумочки со столов в ресторане, стягивал хлеб прямо с прилавка. Он не знал, почему это работает и как, но никогда не сомневался в своем даре. Благодаря ему Сэму удавалось выжить уже два года.

Он помнил первый случай, когда его дар обнаружился, с такой четкостью, будто это случилось только вчера. Сэм был еще мальчиком – десяти, может быть, одиннадцати лет, – и его недавно оставила мама. Его отец держал при себе часы, принадлежавшие еще прадеду, и Сэму было строго-настрого запрещено их трогать. Конечно же, именно поэтому часы стали такими привлекательными – запретный плод сладок. Как-то раз Сэм стянул их из ящика письменного стола и, бережно завернув сокровище во внутренний карман теплого пальто, отнес в школу: показать остальным мальчишкам в надежде, что они оценят и перестанут дразнить его за акцент, нелепую одежду и маленький рост. Но вместо этого они принялись высмеивать его.

– Что это за дешевая побрякушка? – сказал предводитель мальчишеской шайки и разбил их об асфальт.

Сэм боялся возвратиться домой и посмотреть в глаза отцу. Сидя на диване в гостиной, он от всего сердца пожелал найти место, в котором можно было бы надежно спрятаться. Когда папа вернулся домой, Сэм места себе не находил от страха. Он снова почувствовал

себя малышом, который играючи закрывает глаза ладонями и думает, что его никто не видит. Сэм слышал папины шаги, как папа зовет его по имени.

«Ты меня не видишь», – подумал Сэм. «Не видишь меня, не видишь», – повторял он, как заклинание. И затем случилось непостижимое: отец посмотрел прямо ему в глаза и пошел дальше, подзывая его к себе, словно его сын оказался призраком.

Сэм не знал, как это можно объяснить. Но он хорошо помнил странные слова, которые как-то раз произнесла мама. Они сидели в ванной, и мама протирала спиртом ссадины, которые Сэм получил от школьных задира, гнавшихся за ним до самого дома.

– Не волнуйся, любимый, – по-русски сказала она. – Ты наделен даром, которого нет ни у одного из них.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Сэм и поморщился, когда ватный тампон коснулся его расцарапанного подбородка.

– Со временем поймешь сам.

И действительно, он все понял. Вот только одно оставалось неясным: это ли мама имела в виду и откуда она могла знать заранее.

Подбадривая себя, чтобы не замерзнуть на вечернем холодке, Сэм внимательно следил за морячком и с тоской думал о своей куртке. Дело было даже не в том, что он лишился добротного шерстяного бушлата. Открытка, спрятанная во внутреннем кармане, – вот что имело настоящую ценность для него. Никому другому она не показалась бы такой примечательной – просто измятая картонка с рисунком: великолепные горы в снежных шапках, поросшие вековыми деревьями. Никаких марок, никаких штампов. На оборотной стороне было написано всего три слова по-русски. Открытка была единственной вещью, которую Сэм прихватил с собой из отцовского дома в Чикаго, когда бежал, пристав к странствующему цирку. Они направились на восток. В течение полугода он едва сводил концы с концами и боролся за жизнь. Но в те времена судьба легко могла измениться. Газеты пестрели заголовками, посвященными великим людям, которые «сделали себя сами»: Генри Форд, Джейк Марлоу... Сэм тоже планировал не зевать, если подвернется возможность поймать птицу счастья за хвост. И тогда он отыщет место, изображенное на открытке. Найдет ЕЕ.

Эви в компании дядюшки и унылого тевтонского гиганта, очевидно, убралась восвояси, поэтому Сэм достал свой швейцарский нож и с легкостью вскрыл замок. Этот профессор, похоже, обладал нетипичной для яйцеголовых умников легкомысленностью в том, что касается безопасности. Уличные огни пробивались через грязные окна здания, создавая слабое матовое освещение. Сэм подождал, пока глаза привыкнут к сумраку, и принялся шнырять по дому в поисках своей злополучной куртки. Всей этой аферы можно было бы избежать, не сглупи он на вокзале: ему почему-то приспичило не применять свой талант на Эви. Юноше хотелось, чтобы она его увидела, поговорила с ним. А когда настал ключевой момент, ему захотелось поцеловать ее едва ли не больше, чем спереть у нее деньги. Очень глупо с его стороны. Теперь приходится рыскать по музею Жутких Страшилок и впотьмах искать куртку.

Насколько же все было проще с морячком! Мужчина слегка замешкался на углу, решая, в какую сторону пойти, и в этот момент Сэм прочел несчастного простофилю, как открытую книгу. Когда моряк наконец решился пересечь улицу, Сэм пошел ему навстречу. «Ты меня не видишь», – подумал он, и все встречные принялись смотреть сквозь него пустыми взглядами. Сэм, грациозно лавируя в толпе, приблизился к своей жертве. Он с легкостью выудил кошелек из кармана моряка и улизнул незамеченным.

Да где же эта чертова куртка? Сэм решил рискнуть и включил настольную лампу. Свет выхватил толстую, в несколько сантиметров, стопку газетных вырезок. Он принялся быстро пролистывать их и с ухмылкой откладывать в сторону. Байки о призраках. Придумки неудачников, которые даже жить боятся. Или мечтают привлечь внимание к своей персоне. Подоб-

ный типаж был ему хорошо знаком. Но тут ухмылка Сэма поблекла: он увидел небольшую заметку из Канзаса о пятнадцатилетней девчонке, которая слегла с сонной болезнью. В бреду она снова и снова повторяла фразу, сбивавшую с толку членов семьи: «Проект Буффало».

Трясущимися руками Сэм положил вырезки на место. Если профессор Фицджеральд знает что-то об этом деле, Сэму следует держаться поближе. Возможно, завести приятельские отношения с его племянницей – эта идея Сэму очень нравилась. Если только взбалмошная девица не прикончит его в то же мгновение, как он заявится. Такая куколка вполне способна на подобные выходки – Сэм это чувствовал. Он довольно улыбнулся сам себе: сложные задачки – его конек. А это точно задачка не из простых. Ему только требовалось найти подход.

Он увидел добычу на стене в коллекционном зале.

«Церемониальный масонский кинжал тамплиеров в ножнах. Собственность Корнелиуса Т. Рэтбоуна. 1855 год».

«Оно того стоит», – подумал Сэм и засунул экспонат себе под рубашку. Еще до того, как выйти из музея, Сэм составил план, как все устроить. Завтра в это же время он вернет свою куртку и получит еще и награду в придачу.

Глава 14

О чем молчат

Эви зашла в квартиру Мэйбел, и подруги с трудом пробрались через дымовую завесу в гостиную: чета Роузов устраивала очередную политическую сходку. Даже через закрытую дверь было слышно, как они, сидя над кофе и тлеющими сигаретами, спорили о правах рабочих и трудящихся.

– Что стряслось? На тебе лица нет, – посочувствовала ей Мэйбел.

– Выдался просто чудесный день, старушка. – Эви рассказала ей о жутком убийстве Руты Бадовски, умолчав о подробностях с пряжкой. Она уже раскусила Мэйбел – та была таким же Дон Кихотом, борющимся с ветряными мельницами, как и родители. Она наверняка заставила бы Эви сходить в полицейский участок и сделать признание. Но Эви не желала заново проходить весь этот ад чужих воспоминаний.

– Жуть какая! И как думаешь, твой дядя сможет помочь найти убийцу?

– Если кто-то и сможет, так это дядя. Он просто гений.

– А ты будешь ему помогать?

Эви передернула плечами:

– Да ни в жизнь.

Страсти в гостиной накалялись, и споры перешли в крик. Кто-то ударил кулаком по столу и завопил «Мы должны делать больше!», а миссис Роуз принялась успокаивать хулигана.

– Мэйбел, я могу поспать сегодня у тебя?

Та посмотрела на нее вытаращенными глазами:

– Ты хочешь спать... вот под это?

Эви кивнула. Сейчас шум был ей необходим: он спугнет все кошмары.

Мэйбел пожала плечами:

– В таком случае будь как дома. Вот, можешь взять мою ночнушку.

Держа ее на вытянутых руках, Эви с недоброй ухмылкой оглядела целомудренное сооружение с воротником под самое горлышко.

– Если ночью я внезапно скончаюсь, пожалуйста, сначала сними с меня это недоразумение и потом зови на помощь.

– Объясни мне, пожалуйста, как мы с тобой можем быть подругами?

– Потому что я тебе нужна.

– И наоборот, Эви О'Нил.

– Не отрицаю. – Эви нежно чмокнула ее в щеку. – Ты лучшая подруга, какая только может быть, Мэбси.

– Почаще напоминай себе об этом.

Они улеглись в постели Мэйбел, закутались в одеяла и принялись наблюдать за пятнами света на потолке. Затем принялись говорить об операции «Джерихо» и бедном Рудольфе Валентино, обсуждать свое будущее, будто могли вылепить собственное счастье из тихих мечтательных признаний, сделанных в ночной тишине девичьей комнаты. Они болтали до тех пор, пока от усталости не начали заплетаться языки.

– Тебе доводилось когда-нибудь знать такие вещи, которые другим даже рассказывать страшно? – спросила Эви. Она уже давно не чувствовала себя такой усталой.

– Что ты имеешь в виду? – сонно пробурчала Мэйбел.

– Сама не знаю, – пробормотала Эви. Ей хотелось как-нибудь получше все сформулировать, и пока она думала, Мэйбел уснула.

* * *

Под потрепанным карнизом старого особняка паук наблюдал, как невезучая муха увязала в его паутине. Когда стало понятно, что ей уже не выбраться, паук не спеша подполз к жертве и укутал ее душащей шелковой мантией.

Дом тоже выжидал, как и паук. Наблюдал. Он затаился в безмолвии на много лет, пережил войны и гибели президентов. Мимо с ревом пронесся первый автомобиль, и аэроплан победил гравитацию. Теперь ожидание пришло к концу.

Глубоко внизу, в подполе, с кашлем ожил старый очаг. За его жерлом скрывался тайный проход в комнату, стены которой слегка мерцали знаками, нарисованными много лет назад согласно ритуалу. Страшный человек повернул рукоять, и ржавая металлическая заслонка наверху со скрежетом отодвинулась, открыв ночное небо, нетронутое светом городских огней. Отсюда отлично просматривались проплывавшие наверху облака, сверкающие звезды. Надвигающаяся комета будет видна здесь во всей красе. Страшный человек стоял под черным небом, обнаженный. Его кожа тоже мерцала сплетением знаков. Положив глаза на алтарь, он склонил голову и принялся ждать, как паук, как старый дом.

Комнату наполнил жуткий шепоток, сначала тихий, затем все более уверенный и громкий – будто тысячи демонов слетались во мраке ночи. Темнота уплотнилась, обрела тело и зашевелилась. Щупальца мрака потянулись навстречу страшному человеку и его подношению, и даже равнодушные холодные звезды отвели взгляд.

Глава 15

Знаки

В утренней «Дэйли Ньюс» историю Руты Бадовски опубликовали под огромным вопящим заголовком «УБИЙСТВО НА МАНХЭТТЕНЕ!», под которым напечатали нечеткую фотографию ее объятых горем родителей. Дожидаясь возвращения дяди из полицейского участка, Эви перечитала все доступные статьи в газетах. В них упоминалось о том, что убийство носило ритуальный характер и маньяк оставил записку с цитатой из Библии и оккультными символами, но неизвестно какими. Очевидно, детектив Маллой намеренно скрывал детали. А Эви вообще не хотелось их знать. Она проснулась от звуков ненавистной мелодии в собственной голове.

Ни в одной газете не говорилось о том, что детективы обратились за помощью к Уиллу, и это возмутило Эви. Да, это не самый благородный повод, но сильнее, чем дурная слава, не было и нет ничего. Упоминание дяди Уилла в связи с расследованием жуткого убийства непременно привлечет в музей толпы любопытных. Приближался час дня, музей был открыт с половины десятого, и единственным их посетителем оказался загадочный субъект из Техаса, продававший участки на кладбище. Эви увидела большую стопку счетов на столе у дяди и пару писем из налоговой и риэлтерской компании. Если они не привлекут посетителей, то в скором времени окажутся на улицах со всей своей коллекцией, и Эви придется вернуться в Огайо.

– Здесь всегда так? – не выдержала Эви и обратилась к Джерихо, полностью поглощенному каким-то религиозным трактатом, провонявшим старой пылью.

Джерихо обескураженно посмотрел на нее:

– Всегда как?

– Безжизненно и пусто.

– Здесь просто очень спокойно, – согласился Джерихо.

Эви не могла ничего поделать с рекламой музея, но вот с операцией «Джерихо» стоило попытаться. Она подвинулась поближе к нему и состроила задумчивое лицо.

– А ты знаешь, кто о-че-де-лен-но будет в восторге от всей этой мистической лабуды? Мэйбел.

– Мэйбел? – Джерихо посмотрел на нее непонимающим взглядом, силясь что-то вспомнить.

– Мэйбел Роуз! Живет по соседству с нами в Беннингтоне. – Эви пыталась подсказать ему, но Джерихо все еще ничего не понимал. – Она заходит к нам иногда и говорит такими длинными правильными фразами. Ты точно слышал ее голос. Попытайся вспомнить.

– А, эта Мэйбел.

– Точно. Раз мы разобрались с нашими Мэйбел, скажи мне, что ты о ней думаешь? Я считаю, что она прекрасная девушка. И такая умница! Ты в курсе, что она умеет читать на латинском? И может проспрягать любые глаголы, не раздумывая! – Эви засмеялась собственной шутке.

– Кто? – равнодушно спросил Джерихо и перевернул страницу своего талмуда.

– Мэйбел! – возмущенно повторила Эви. – И фигура у нее прекрасная. Конечно, она прячет ее под скучными строгими платьями, но где-то там кроется настоящая красота, уверяю тебя.

– Ты о Мэйбел из квартиры 16-Е?

– Именно!

Джерихо пожал плечами.

– Она кажется хорошей девушкой.

Эви посветлела лицом.

– Да, да, конечно, ты абсолютно прав! Она просто прелесть. Почему бы нам не поужинать втроем как-нибудь?

– Ладно, – с отсутствующим видом согласился Джерихо.

Эви улыбнулась. Хотя бы удалось запустить «Операцию Джерихо». А для музея она придумает свой план, но попозже.

* * *

– Ну и что ты собираешься делать, бумагомарака?

Гэйб стоял перед Мемфисом спиной к сетке, широко разведя руки, готовый к броску. Их ботинки скрипели по крашеному деревянному полу гимнастического зала. На потолке жужжали вентиляторы, но они не могли справиться с духотой, с них ручьями тек пот. Мемфис вытер рукой лоб, выигрывая время и продумывая нападение.

– Ты собрался торчать там до второго пришествия? – поддел его Гэйб.

Мемфис сделал ложный выпад в сторону. Гэйб дал себя обмануть и наклонился вперед, позволив Мемфису обойти себя справа. Стремительный, как вихрь, Мемфис бросился вперед и забросил мяч в корзину.

Гэйб разочарованно повалился на пол.

– Сдаюсь.

Мемфис помог ему подняться.

– Хорошая игра.

Гэйб смеялся, когда они выходили из зала.

– Ты говоришь так потому, что выиграл.

Переодевшись, они направились в кафешку перекусить.

Гэйб откашлялся, похоже, собираясь коснуться скользкой темы.

– А Джо, к счастью, только растянула связку.

– Это хорошо, – согласился Мемфис. Ему не хотелось ввязываться в это.

– Но она не сможет работать еще пару недель.

– Плохо дело.

– Ты только это и можешь сказать?

– А что еще я должен говорить?

– Ты вообще хоть когда-нибудь пробовал...

Мемфис резко оборвал друга, посмотрев на него ледяным взглядом:

– Я тебе уже все сказал. Я больше не могу это делать. Только не после смерти мамы.

Гэйб поднял руки вверх, сдаваясь.

– Ладно-ладно. Только не заводишь. Если не можешь, значит, не можешь.

Они молча пошли дальше. Мемфис заметил, что на некотором расстоянии от них следует ворон.

– Готов поклясться, эта птица преследует меня, – пробурчал Мемфис.

Гэйб засмеялся и помахал ему кроличьей лапкой, свисавшей на цепочке с его руки. Он считал, что это его счастливый талисман, и не ходил без него ни на один концерт.

– Казанова, я же тебе говорил: прекрати дарить этим цыпам конфеты и цветы. Они так никогда от тебя не отстанут.

– Я не шучу. Уже в течение двух недель я вижу эту птицу каждый день.

Гэйб многозначительно поиграл бровями и заулыбался.

– И ты точно знаешь, что это та же самая? Может, у нее и имя есть? Наверное, Элис. Нет, Беренис! Да, точно, она просто вылитая Беренис.

Мемфис понял, что надоедливая птица надолго станет любимой темой для шуток Гэйба.

– Мемфис! Это всего лишь птица. Птицам свойственно летать вокруг, братишка. Это их естественное состояние. Она не следует за тобой, и это не знак. Если только ты не дарил ей конфет и цветов – тогда я посчитаю тебя немножко странным.

Мемфис засмеялся, сбросив неприятную ношу с души, как старое пальто с плеч. Гэйб был абсолютно прав: он лепил проблему из ничего. Наверное, все дело в этом жутком сне, не оставляющем его в покое. Неудивительно, что теперь ему повсюду мерещились знаки.

Они присели за столик у мистера Регги и заказали кофе с сэндвичами.

– А я прошлой ночью сочинил поэму.

– Когда ты уже наконец покажешь свои опусы кому-нибудь, кроме тех мертвых ребят на кладбище?

– Они еще не настолько хороши.

Гэйб протянул руку через стол и похитил маленький соленый огурчик с тарелки Мемфиса.

– А как ты узнаешь, хороши они или плохи, если их никто не читает? Когда-нибудь тебе придется прийти в особняк мисс Лейлы Уолкер и сказать: «Здравствуйте, мэм, как поживаете? Меня зовут Мемфис Кэмпбелл, и я буду премного благодарен, если вы найдете время прочесть мои стихи». – Покончив с огурчиком, Гэйб вытер пальцы салфеткой Мемфиса.

– Счастье не придет к тебе само, Мемфис. За него нужно бороться. Мы должны за него бороться. Потому что никто не принесет его на блюде с голубой каемочкой. Ты меня понял? – Гэйб откинулся на диванчике и раскинул руки по сторонам. – А теперь давай, спроси меня, почему я такой довольный.

Мемфис устало закатил глаза.

– Гэбриэл, скажи, почему ты такой довольный?

– Угадай, кто играет на трубе в новой записи Мама Смит?

– Ого, брат!

– Прошлой ночью в клубе ко мне подошел Клэрэнс Уильямс из компании «Оке Рекордз». Они пригласили меня к себе. – Гэйб в изумлении покачал головой. – Я буду играть для мисс Мама Смит.

– Что там про Мама Смит? – встряла Альма, плюхнулась на диван рядом с Гэйбом и принялась ковырять вилкой его картофельный салат.

– Я разве тебя приглашал? – поддразнил Гэйб.

– Я сама себя пригласила. Подумала, что этому столику не помешало бы немного лоска.

– Мистер Гэбриэл Ролли Джонсон отныне записывающий музыкант «Оке Рекордз» и дует в свою трубу исключительно для мисс Мама Смит.

Альма радостно взвизгнула и задушила Гэйба в объятиях.

– Детка, ты знаешь, что это означает?

– Что?

– Что ты можешь угостить меня обедом! Мистер Регги! – позвала она. – Я возьму сэндвич с отбивной, запишите его на счет Гэйба. И еще молочный коктейль!

Она покосилась на Мемфиса:

– Что тебя гложет, дружище?

– Просто в последнее время сплю не очень.

– Неужели? – Альма хитро поджала губки. – И как же ее зовут?

– Ее зовут Беренис, и она очень настойчивая цыпа, – влез Гэйб и прыснул со смеху. Он хлопнул ладонью по столу, так что талисман с кроличьей лапкой подпрыгнул.

– Никого у меня нет, – быстро ответил Мемфис.

– Вот в этом и проблема, братишка. – Гэйб вытер глаза. Он приправил свой сандвич острым соусом с солеными огурцами и уксусом. У Мемфиса от одного взгляда на него начало жечь во рту. – Тебе нужно отвлечься от своей писанины и пойти со мной в клуб в эту субботу. Найдем тебе какую-нибудь девчонку.

Альма скорчила гримаску.

– Гэйб, как ты можешь есть такую отраву?

– Благодаря ей я всегда в тонусе, детка.

Мемфис насыпал немного сахара в свой кофе.

– Мне не нужна какая-нибудь девчонка. Мне нужна девушка.

Задрав подбородок, Альма взмахнула мизинцем и насмешливо-поэтичным тоном произнесла:

– Ага. Девушка.

Гэйб принялся ей подыгрывать:

– Вот я и говорю, приятель. Я постараюсь для тебя как следует.

Они вдвоем, как обычно, принялись подтрунивать над Мемфисом, словно он был заносчивым снобом. Он прекрасно знал, что нельзя демонстрировать им свое недовольство и реагировать на подколки, поэтому просто широко улыбнулся и подхватил с дивана рюкзак.

– Мне нужно сходить на Сан-Хуан-Хилл, сделать одно дельце для папы Чарльза. Да, и спасибо за обед, Гэбриэл.

Гэйб попытался прокричать ему в спину что-то дерзкое, но Мемфис быстро вышел из кафе, оставив друга платить по счету.

– Эй, мистер Кэмпбелл, это вы? – в кресле перед парикмахерской Флойда пристроился слепой Билл. Иногда Флойд специально для него выставлял на улицу старое плетеное кресло, чтобы тот мог сыграть что-нибудь для посетителей или просто погреться на солнышке. – Я знаю, что это вы, не пытайтесь обмануть старого Билла. Мой номер сегодня сыграл?

– Нет, сэр, простите. В другой раз вам обязательно повезет.

– Я слышал, что люди выиграли что-то, когда поставили на дату того убийства под мостом.

– Да, некоторые любят так делать.

– Хм-м-м. – И слепой Билл сплюнул в сторону. – Ничего хорошего из этого не выйдет. Нельзя ставить на числа, связанные с убийством, если тебе интересно мое мнение.

– Я тут ни при чем, только ставки записываю.

– А мне продолжает сниться то же самое число. Постоянно. Я вижу дом, вижу, что висит номер на нем, но не могу разобрать.

Мемфис еще никогда не раздумывал о снах слепых. Как слепой Билл мог увидеть дом и номер на нем, если он вообще не способен был видеть? О нем ходило множество слухов: ослеп, выпив плохого виски, избит до полусмерти за невыплаченный карточный долг, обидел женщину, и она прокляла его. Некоторые поговаривали, что он проиграл зрение в карты дьяволу и теперь лихорадочно пытается спасти свою душу. Люди вообще говорили много чуши.

Ворон снова закаркал. Слепой Билл повернулся на звук.

– К нам прибыл вестник! Вопрос только в том, за кем он пришел – за мной или тобой?

Он засмеялся хриплым смехом, в жутковатый унисон с карканьем ворона.

* * *

Тета ворвалась в театр «Глобус» в пальто леопардовой расцветки, залихватски брошенном на одно плечо, и с сигариллой в ярко накрашенных губах. Не снимая солнечных

очков, она прошла по центральному ряду в зрительном зале, мимо пустых мест. Остальные актеры труппы всю репетировали номер «Гейша». Тета считала его самым идиотским и пошлым из тех, что они вообще когда-либо ставили. А глупых и пошлых номеров у них было предостаточно.

Режиссер-постановщик обжег ее злобным взглядом:

– Так-так. Не ее ли величество решила наконец осчастливить своим присутствием нас, недостойных? Тета, ты на час опоздала!

– Не слетай с катушек, Валли. Я уже здесь. – Она украдкой обменялась взглядами с Генри, сидевшим за пианино. Тот покачал головой, и Тета равнодушно пожала плечами.

– Она считает себя лучше остальных, – прошипела одна из танцовщиц, маленькая ведьма Дэйзи.

Тета даже не посмотрела в ее сторону. Она бросила модное пальто в одно из кресел первого ряда, потушила сигарету в режиссерской чашке с кофе и поднялась на сцену.

Казалось, у режиссера сейчас пойдет дым из ушей.

– Когда-нибудь, Тета, – прорычал он, – ты выкинешь такой фортель, что его и Фло Зигфелд не простит, и я с огромным удовольствием вышвырну тебя...

– Ты будешь весь день языком молотить, или мы приступим к работе? – прервала его Тета.

Она принялась двигаться в идеальном ритме. Этот номер Тета могла исполнить во сне. Но Дэйзи она все же хорошенько толкнула, чисто в воспитательных целях. Дэйзи исходила ядом, потому что как-то раз Тете доверили исполнить номер из ее репертуара, и она получила отличные отзывы в газетах.

– Это был мой фирменный танец, – бурчала Дэйзи в раздевалке. – А ты утащила его у меня прямо из-под носа!

– Я не могла украсть то, что тебе не принадлежит, – парировала Тета, и Дэйзи швырнула в нее банкой кольдкрема, промахнувшись на добрых полметра – с глазомером у нее было так же плохо, как и с чувством ритма. Как всегда, Дэйзи пошла жаловаться Фло, тот поддался и доверил ей главную роль в номере «Поклонение Баалу», закрывавшем шоу.

Тета ужасно устала держаться в чьей-либо тени. Особенно людей, которые едва ли были вполноту так же талантливы.

В пять объявили перерыв, и Тета уселась за пианино рядом с Генри.

– Ты будто с уроков сбежал, – поддразнила она. На Генри был кардиган и соломенная шляпа.

– Это такой стиль, дорогуша.

– Ген, мы с тобой слишком талантливы для этого вшивого шоу.

Генри тихо, расслабленно наигрывал какую-то мелодию. Когда его пальцы касались клавиш, он казался счастливее. Будто изливающаяся из самого сердца музыка была способна затмить все горести.

– Согласен, дорогуша. Но нам нужно платить за квартиру.

Тета поправила шов на чулках, чтобы он стал идеально прямым.

– Как Фло оценил новую мелодию?

Мягкую улыбку Генри сменила нахмуренная гримаса. Он сыграл какой-то печальный аккорд и остановился.

– Ровно так, как я и ожидал.

Тета забрала у него шляпу и водрузила себе на голову.

– Зигфелд любит мелодии потупее и понавязчивее, детка.

– Люди платят деньги за то, чтобы их развлекали, малышка. – Генри идеально скопировал интонацию знаменитого шоумена. – «Они хотят жить счастливо и беззаботно. И что самое главное, они не хотят думать!» – Он тяжело вздохнул. – Клянусь, я могу написать песню о запоре, и если там есть рифма детка-конфетка, Зигфелду понравится.

Генри энергично вдарил по клавишам, заиграл задорную мелодию и запел подчеркнuto-романтичным тенорком:

– Голубка моя, наша страсть глубока, но третий уж день не слезаю с толчка, ах этот проклятый ЗА-ПО-О-ОР!

Тета прыснула со смеху.

– Чему вы тут радуетесь? – над ними нависла Дэйзи.

– До меня только что дошла шутка, которую Генри рассказал мне в прошлую среду. – Тета зажгла сигариллу и выдохнула клуб дыма прямо в лицо Дэйзи. Но та не поняла намека.

– А что это ты читаешь? – Маленькая фурия презрительно покосилась на «Блюз бедного малого»³², лежавший поверх сумки Теты. – Негритянскую поэзию?

– Я не удивлена, что ты ничего в этом не понимаешь, Дэйзи. Ты ведь не заглядываешь никуда, кроме «Фотоплей», и даже тогда кому-нибудь приходится объяснять тебе картинки.

Дэйзи разинула рот от возмущения.

– Но я никогда!..

– Именно так ты и говоришь всем своим приятелям, но мы на такое не купимся. А теперь ступай, Дэйзи. Кыш, мушка! – И Тета помахала на нее рукой. Она вскочила с места и унеслась прочь, как ураган, выплевывая ругательства по поводу «этой заносчивой Теты» каждому встречному и поперечному.

Генри снова положил руки на клавиши.

– Золотце, в умении заводить друзей тебе просто нет равных.

– Я не собираюсь заводить друзей. У меня уже есть лучший друг. – И она похлопала его по колену. Затем выудила из-за корсажа пятидесятидолларовую купюру и положила в нагрудный карман Генри. – Вот. Это в фонд пианино.

– Я же говорил, забудь об этом.

– Я никогда не забываю добра. Ты это знаешь, – мягко возразила Тета.

– Где ты взяла столько капусты?

– У одного брокера с Уолл-стрит больше денег, чем мозгов. Купил мне шубу просто ради того, чтобы я сходила с ним на ужин. Ну и получил компанию за едой – только и всего.

– Они все мечтают на тебе жениться.

– Я хочу встретить парня, который ничего из себя не строит. Который не станет покупать мне шубу, чтобы похвастаться мной своим друзьям.

– Когда встретишь такого идеального парня, узнай, нет ли у него брата. – Генри подмигнул.

– Но ты же вроде воспылил пламенем страсти к Лайонелу? – поддразнила Тета.

Генри скорчил гримасу.

– Скорее, спичкой. Он смеется, когда я его целую.

– Так может быть, ты смешно целуешься? – хмыкнула Тета. Ее безумно веселила способность Генри легко расставаться с надоевшими возлюбленными по любой, даже самой нелепой причине.

³² Поэма Лэнгстона Хьюза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.